

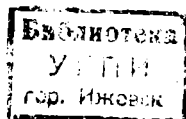

А. Д. ЛЮБЛИНСКАЯ

ЛАТИНСКАЯ ПАЛЕОГРАФИЯ

309074

**Допущено
Министерством
высшего и среднего
специального
образования СССР
в качестве
учебного пособия
для студентов
государственных
университетов
и педагогических
институтов**

Александра Дмитриевна Люблинская

ЛАТИНСКАЯ ПАЛЕОГРАФИЯ

Редактор Т. Г. Липина
Худож. редактор В. М. Поздняков
Технический редактор С. П. Передерий
Корректор Р. И. Самофатова

А—05000

Сдано в набор 17/II 1969 г.

Подп. в печать 13/X 1969 г.

Формат 70×90 ¹/₁₆

Объем печ. л. 12+2,5 п. л. (приложение)

Усл. п. л. 16,97

Уч.-изд. л. 14,05

Изд. № Г-9/64

Тираж 6000 экз.

Цена коп.

Закза 136

Тематический план изд-ва
„Высшая школа“ (вузы и техникумы)
на 1969 г. Позиция № 11.

Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14,
Издательство „Высшая школа“

Ярославский полиграфкомбинат
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Ярославль, ул. Свободы, 97.

Предисловие

Историк, работающий в области западноевропейского средневековья, должен быть знаком со всем кругом необходимых для него источников, как напечатанных, так и неопубликованных. Средневековые рукописи имеются в большом количестве в наших книгохранилищах. Их изучение, равно как и использование получаемых из-за рубежа микрофильмов и фотоснимков с архивных материалов, возможно лишь при наличии известного палеографического образования.

Помимо того, история письма сама по себе представляет очень большой интерес, будучи одной из своеобразнейших отраслей истории мировой культуры в целом. История письма с латинским алфавитом, которым ныне пользуются почти две пятых населения нашей планеты, входит в историю всей письменности как одна из ее важнейших частей.

Соответственно с двойственным характером палеографии, настоящее учебное пособие имеет целью дать краткую историю латинского письма в западноевропейских странах и сообщить сведения, необходимые для самостоятельной работы над средневековыми рукописями. Разумеется, эти сведения могут быть лишь ориентирующими, так как главную роль в овладении палеографией как вспомогательной дисциплиной играет практика.

Хронологически пособие охватывает время начиная с римского периода (I—V вв.) и кончая письмом XVI—XVIII вв.

Еще недавно главное место в учебниках и руководствах по латинской палеографии отводилось письму раннего средневековья, а малоизученное письмо XI—XV вв. описывалось на нескольких страницах; в нашем пособии главы по истории письма XI—XVIII вв. занимают почти половину места.

История латинского письма в славянских странах не включена в учебное пособие.

В некоторых отношениях учебник латинской палеографии О. А. Добиаш-Рождественской¹ по материалу более полон. Например, в нем подробно изложена история науки палеографии в XVII—XVIII вв., от чего мы вынуждены были отказаться из-за недостатка места. Во всех подобных случаях в тексте даны ссылки на данное руководство.

К учебному пособию приложены 64 образца письма, что, как мы надеемся, будет способствовать более широкому его использованию. Образцы сопровождаются пояснениями палеографического характера и транскрипцией 2—3 строк текста; используя их, студент сможет усвоить графические формы букв (т. е. развивать графическую память, что очень

¹ См.: О. А. Добиаш-Рождественская. История письма в средние века, изд. 2, М.—Л., 1936.

важно для успешного овладения палеографическими навыками) и уже самостоятельно продолжать расшифровку письма, приведенного на таблице. Поэтому в тексте учебника даны лишь самые важные элементы характеристики письма и только в отдельных случаях описания букв. В ненужности такого рода словесных (т. е. не наглядных) описаний букв автор давно убедился на основании педагогического опыта.

Все ссылки на литературу даны в самом тексте (имя автора в скобках) и отсылают таким путем к списку литературы. В этот список включены лишь важнейшие работы.

В составлении учебного пособия приняли участие молодые советские специалисты в области латинской палеографии. В главе 7 параграф о готическом книжном письме XIII—XV вв. написан В. Л. Романовой, параграфы о готическом канцелярском письме — Л. И. Киселевой. Глава 9 составлена В. Н. Маловым.

ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ ПАЛЕОГРАФИИ

Задачи палеографии

Задачи палеографии (от греч. *palaios* — древний и *grapho* — пишу) состоят, с одной стороны, в исследовании истории письма, с другой стороны, в овладении суммой практических навыков, дающих возможность безошибочно читать древние и средневековые рукописи и правильно их датировать и локализовать. Обе задачи, теоретическая и практическая, слиты между собой теснейшим образом. История письма дает научную основу для выработки практических приемов, а те, в свою очередь, способствуют обогащению истории письма фактами и наблюдениями. В то же время между этими задачами есть и известное различие, проистекающее из самого их характера. Теоретическая сторона палеографии — история письма является частью истории культуры данного народа, и еще шире — частью истории мировой письменности и мировой культуры. Практическая сторона палеографии объединяет ее с другими вспомогательными дисциплинами, обслуживающими историю, филологию и т. д. Однако большая роль теоретической стороны палеографии выделяет ее из числа прочих дисциплин и придает ей определенную самостоятельность.

В связи с усиливающимся значением теоретической части палеографии в ней происходит дальнейшее разделение и она начинает обрастать своими вспомогательными дисциплинами, которые выделяются из нее для выполнения подсобных задач и обслуживания ее потребностей. Кодикология (от лат. *codex* — книга) исследует средневековые рукописные книги как таковые и их судьбы. Ее задачи, сформулированные французским палеографом Дэном (Dain) и бельгийцем Мазэ

(Masai), состоят в создании обширного вспомогательного аппарата для палеографии: унифицированных каталогов рукописей, разного рода списков (писцов, заказчиков, коллекционеров), специального библиографического аппарата. Архивистика средневековых рукописей имеет целью восстановление состава старых монастырских фондов, личных архивов и коллекций, рассеянных в настоящее время по разным хранилищам. Археология письменных памятников, главным образом надписей, исследует их материальное оформление и т. д.

К палеографии тесно примыкают некоторые смежные вспомогательные дисциплины. Дипломатика (от греч. *diploma* — лист, т. е. документ) изучает формулы грамот и вырабатывает критерии для определения подлинности или подложности документов на основании ряда признаков, в том числе и письма. Эпиграфика исследует письмо надписей на твердом материале; папирология — письмо папирусов. Эти две дисциплины являются в сущности составными частями палеографии; в последнее время наметился процесс их слияния с ней.

Хронологические и территориальные границы латинской палеографии

Долгое время латинская палеография изучала лишь средневековые рукописи V—XV вв., т. е. с начала средневековья до распространения книгопечатания. За последние годы эти рамки сильно раздвинулись. Теоретические исследования, основанные на недавно найденных рукописях, включили в латинскую палеографию весь римский период I—V вв., а практические потребности (за которыми следует и теоретическое исследование) — период доживания элементов средневекового письма в канцеляриях и в личном обиходе в XVI—XVIII вв.

Латинская палеография изучает письмо всех западноевропейских народов, применявших и применяющих латинский алфавит. Поэтому ее территориальные границы также значительны. Кроме того, поскольку латинское письмо имело в отдельных странах свои особенности, история его более сложна, чем история письма в одной стране (например, в России).

История латинской палеографии

История латинской палеографии как науки, начиная с момента ее зарождения в конце XVII в. и до расцвета в середине XIX в., представ-

ляет собой медленный процесс выделения ее из дипломатики в самостоятельную дисциплину¹.

Своему появлению в качестве научной дисциплины дипломатика обязана спору, разгоревшемуся в конце XVII в. между болландистами (конгрегацией ученых иезуитов в Антверпене) и мавристами (конгрегацией ученых монахов бенедиктинского ордена, имевшей местопребывание в парижском аббатстве Сен-Жермен-де-Пре). Обе конгрегации занимались изучением и публикацией средневековых источников, главным образом житий святых и материалов по истории церкви и древнейших королевских грамот (дипломов). Маврист Жан Мабильон (1632—1707) выпустил в Париже в 1681 г. большой труд «*De re diplomatica libri sex*» («Дипломатика в шести книгах»), в котором обосновал принципы дипломатического исследования.

С этого фундаментального труда ведет свое начало также и палеография, так как Мабильон привлек большой материал по истории письма. Он дал первую классификацию типов письма раннего средневековья, обозначив их как «национальные», т. е. связанные с франками, лангобардами, вестготами и т. д. (см. гл. 5).

Большое значение для развития палеографии в целом имел вышедший в Париже в 1708 г. трактат мавриста Бернара Монфокона (1655—1741), посвященный греческому (византийскому) письму: «*Palaeographia graeca sive de ortu et progressu literarum*» («Греческая палеография или о происхождении и развитии букв»). Монфоконом впервые разработал метод палеографического исследования: расположив (на основе определенных признаков) рукописи в хронологический ряд, он вывел эволюцию букв и определил стадии в развитии византийского письма и его типы. Им же был составлен первый научный каталог греческих рукописей. Сравнительно немногочисленный в то время фонд этих памятников с их довольно однообразным письмом (греческим унциалом и минускулом — см. гл. 4) допускал применение метода Монфокона. Однако для огромной массы латинских рукописей с их крайне разнообразным письмом он оказался в XVIII в. непригодным, и потребовалось еще столетие напряженного труда, чтобы установить в латинской палеографии более или менее четкую классификацию типов письма.

В середине XVIII в. классификация Мабильона подверглась критике со стороны итальянца Маффеи, который отрицал какую-либо роль «варварских» народов в развитии раннесредневекового письма и настаивал на его чисто римском происхождении (см. гл. 5). Ответом на эту критику явился шеститомный труд на французском языке мавристов Тассена

¹ Этот процесс подробно описан в учебнике О. А. Добиаш-Рождественской, стр. 88—113.

и Тустена «Nouveau traité de diplomatique» («Новый трактат по дипломатике»), вышедший в 1750—1765 гг. в Париже. Авторы признали ошибочность формулировки Мабильона, но не согласились целиком с тезисом Маффей.

На основе обширного нового материала они дали более детальную (иногда слишком детальную) классификацию типов средневекового письма, послужившую основой для дальнейшей ее разработки палеографами XIX—XX вв.

Свою самостоятельную жизнь палеография начала с середины XIX в.¹ Работа пошла по нескольким направлениям. Были организованы (и развились прежде существовавшие) специальные высшие учебные заведения; старейшим и главным из них является парижская «Школа хартий» (Ecole des chartes, ныне «Национальная школа хартий»). Стала издаваться специальная периодическая литература (Bibliothèque de l'Ecole des chartes, Archivio paleografico italiano и др.). Составлялись научные каталоги рукописей, хранившихся в крупных библиотеках, издавались большие альбомы воспроизведений (методами фототипии, гелиографуры и т. п.) для учебных и исследовательских целей, вырабатывалась методика палеографического исследования. Большая работа была проделана Л. Делилем (1826—1910) по изучению рукописных богатств Национальной библиотеки в Париже. В своих исследованиях рукописей и в образцовых по тому времени публикациях он сделал много для изучения книжного письма раннего средневековья в различных мастерских письма.

В 80-х гг. появились учебники и обширные руководства — в 1882 г. учебник Пру (Prou), вышедший четвертым изданием в 1924 г.; доныне во многом неустаревшее руководство Ваттенбаха (Wattenbach) вышло третьим изданием в 1896 г. (оно вновь перепечатано в 1958 г.). В начале XX в. неоднократно переиздавалось руководство Стеффенса (Steffens).

В начале XX в. у палеографов усилился интерес к установлению закономерностей в развитии письма. К этому времени накопился богатейший материал и была выработана методика палеографического исследования, в которой главное место занимала эволюция букв и оформление рукописей в целом. В трудах крупнейших палеографов 1900—1930 гг. основное внимание сосредоточено на связях письма с общими чертами культуры эпохи; излюбленным разделом в латинской палеографии по-прежнему оставался раннесредневековый период

¹ Подробные сведения о всех палеографических исследованиях, руководствах, альбомах воспроизведений и т. д. за XIX—XX вв. вплоть до наших дней приведены во втором издании руководства Ферстера (Foerster), опубликованном в 1963 г.

V—VIII вв. Ему посвящены работы Траубе (Traube), Линдсе (Lindsay), Лоу (Lowe), вышедшие на французском языке труды О. А. Добиаш-Рождественской (Dobiaš-Ro destvenskaја) и др. (см. гл. 5). Очень большую ценность представляют подробные научные описания всех латинских рукописных книг и фрагментов I—VIII вв. (около 1700), собранные в издаваемом Лоу каталоге под названием «Codices latini antiquiores» («Древнейшие латинские книги», сокращ. CLA); за 1934—1966 гг. вышло 11 томов и труд близится к завершению. В последнем томе даны также и описания рукописей, хранящихся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Все латинские документы за этот же период публикуются в аналогичном каталоге «Chartae latinae antiquiores» («Древнейшие латинские документы», сокращ. ChLA), издаваемом Брукнером и Маришалем.

В 1952 г. в Париже было организовано «Международное совещание по латинской палеографии» (Colloque international de paléographie latine), призванное выработать терминологию, отвечающую современным требованиям, и принципы построения каталогов датированных рукописей. Заслушанные на его сессии в 1953 г. доклады были посвящены терминологии письма IX—XV вв. (Nomenclature des écritures livresques..., а также Sripag) и вызвали оживленную дискуссию, которая показала, какие значительные трудности стоят перед палеографами на этом пути из-за недостаточной изученности письма IX—XV вв. Лучше обстоит дело с изданием каталогов датированных рукописей. Подготовительные работы ведутся во всех странах, и четыре тома, посвященные рукописям парижских хранилищ, уже опубликованы (Samaran et Marichal).

Все эти каталоги включают 1—2 фотоснимка почти с каждой рукописи, а документы воспроизводятся полностью. В итоге исследователи располагают уже сейчас (хотя не все издания завершены) великолепным аппаратом для палеографической работы над рукописями I—VIII вв., а частично и далее. Очень большую помощь оказывает ученым основанный в 1937 г. в Париже «Институт исследования и истории текстов» (Institut de recherche et d'histoire des textes). На базе своего обширного библиографического аппарата, фильмотеки и фототеки Институт ведет организационно-справочную и исследовательскую работу. С 1946 г. в Брюсселе выходит два раза в год специальное периодическое издание, посвященное латинской и греческой палеографии — «Scriptorium».

В последние годы повысился интерес к важным проблемам истории письма различных народов в древности, в средние века, в новое и новейшее время. Специалисты исследуют вопросы эволюции письменности в связи с языком, материальной и духовной культурой общества, историческое и социологическое значение письма; они ищут закономерность в процессе развития письма, исследуют его в сравнительном плане у многих народов и т. п. Серия докладов на эти темы была прочитана в мае

1960 г. в Париже, на заседаниях «Международного центра синтеза» (Centre International de synthèse) и опубликована в 1963 г. в сборнике «L'écriture et la psychologie des peuples».

Методика палеографического исследования

В 1940—1950-х гг. французский палеограф Маллон выступил с новой теорией развития римского письма, весьма важной и для истории письма в целом (см. гл. 4). Отметим основные черты предложенной им методики палеографического исследования, представляющей большой интерес и нашедшей широкое применение.

Необходимо тщательно изучить все технические приемы в работе писца. Поэтому, кроме анализа форм букв (этот анализ остается главным элементом методики, но не единственным, как было раньше), требуется установить следующие моменты: «угол» письма, т. е. положение орудия письма по отношению к строке (см. рис. 6); «дукт», т. е. последовательность и направление в начертании отдельных линий, составляющих букву (см. табл. 7); размер буквы в мм и пропорции высоты и ширины; «вес» письма («тяжелое» письмо с жирными линиями начертывается мягким, т. е. податливым пером, «легкое» письмо с тонкими линиями — жестким пером); характер писчего материала и особенности переписываемого текста¹. Все эти сведения дает анализ самого письма и на их основе палеограф может проводить детальные и плодотворные исследования.

Терминология и классификация письма

При исследовании письма и построении теории его развития необходимо исходить из некоторых основных понятий и применять определенную терминологию, которая является внешним выражением классификации различных типов письма. Между тем в настоящее время в латинской палеографии не существует единообразной и общепринятой терминологии, особенно для периодов, характерных большим многообразием типов письма (VI—VIII вв. и XIII—XV вв.). Большинство современных

¹ Перечисленные понятия и термины будут систематически применяться в дальнейших главах настоящего учебного пособия.

зарубежных авторов учебников и руководств придерживается терминологии, выработанной в конце XIX — начале XX в., и во многих случаях уже устаревшей.

В настоящем учебном пособии прежние термины оставлены в тех случаях, когда они не противоречат характеру письма, или же когда совершенно ясен их чисто условный смысл.

При классификации письма по его *целевому* назначению оно разбивается на три большие группы: *письмо рукописных книг, официальных документов* и *обычное письмо*, которым пишет основная масса вполне грамотных людей.

Рукописные книги были рассчитаны как правило на многократное чтение, и поэтому в них чаще всего применялось достаточно четкое, иногда даже каллиграфическое письмо. В тех же случаях, когда книги предназначались для сравнительно узкого круга каких-либо специалистов (юристов, математиков, грамматиков и т. д.), они могли быть написаны более небрежно. Книжное письмо (*scriptura libraria*) прекратило свое существование с появлением книгопечатания, что для стран Западной Европы соответствует второй половине XV в.

Письмо официальных документов (*scriptura actuaria*), т. е. канцелярское письмо (иногда его называют также деловым или дипломатическим письмом), не рассчитано на многократное чтение; в то же время оно должно обладать известной четкостью. Оно может быть до некоторой степени курсивным (т. е. беглым, см. ниже), поэтому его иногда называют дипломатическим курсивом. В торжественных документах (императорских, папских, королевских грамотах) оно имеет особо нарядный вид. Канцелярское письмо просуществовало гораздо дольше рукописной книги, лишь в XX в. его вытеснила пишущая машинка.

Обычное письмо применялось и применяется в чрезвычайно широкой (особенно в наше время) сфере личного обихода. Этому письму учили (и ныне учат) в школах по образцам, составленным согласно каллиграфическим нормам своего времени. Поэтому, несмотря на огромное разнообразие индивидуальных почерков (они отчетливо видны, начиная с XIII в.), обычное письмо приобрело, примерно для каждого столетия, свой особый облик. Письмо XVI в. отличается от письма последующего столетия; письмо XVII в. нельзя спутать с письмом XVIII в. и т. д., вплоть до письма наших дней, имеющего также свой облик.

Обычное письмо применяется в письмах, разного рода записях и заметках, черновиках и т. п. Ему свойственны такие черты, как беглость и связность в начертании букв (курсивность). Перо стремится реже отрываться от писчего материала и буквы соединяются друг с другом при помощи петель и всякого рода связок. Обычное письмо может быть очень четким и даже каллиграфическим. Плохая читаемость появляется лишь в случае очень быстрого или очень небрежного начертания.

Пишущая машинка начинает вытеснять и этот, ныне уже единственный вид письма, но навряд ли она сможет когда-либо уничтожить его с такой же полнотой, как уничтожила канцелярское письмо.

Маюскул и минускул

Классификация письма по определяющим формам делит его на две группы: *маюскул*, т. е. письмо прописных по нашей терминологии букв, и *минускул* — письмо строчных букв. В наше время функции прописных и строчных букв строго разделены. В печатной книге, машинописи, в обычном письме господствуют строчные буквы; роль прописных букв очень ограничена и текст, состоящий только из них, встречается лишь в надписях, надгробиях и т. п.

Латинское письмо, как и многие другие, прошло через два главных этапа. Сперва, до III в. н. э., оно состояло из прописных букв, с III—IV вв. и до сегодняшнего дня — из строчных. Этот переход от прописных к строчным буквам явился важнейшей вехой в развитии письма; именно он обеспечил возможность быстрого развития латинского письма, в котором уже в конце VIII в. выработались строчные буквы, имеющие почти современную форму.

В графическом отношении разница между маюскулом и минускулом заключается в следующем: в маюскуле все буквы занимают пространство между двумя мысленно проводимыми линейками, в минускуле часть букв — между четырьмя, причем петли и линии, отходящие от строчных букв вверх и вниз (мы их называем *выносными*, а букву в пределах двух линеек — *корпусом* буквы) не являются простым продолжением какой-либо линии буквы, но составляют ее неотделимые элементы. Если от букв *b d f g h l p q t y* отнять их выносные, все они перестанут быть самими собой. Остальные буквы латинского минускула *a c e i k m n o r s u v x z* укладываются в две линейки, но имеют несколько измененные формы по сравнению с маюкульными.

Итак, наиболее древней формой письма является маюскул; первоначально он был вообще единственной его формой. По мере развития письменности и появления потребности в более быстром письме и чтении из маюскула начинает вырабатываться минускул.

Существование различия между маюскулом и минускулом коренится в свойствах человеческого глаза, в физиологии процесса чтения, а также письма. Группы прописных букв трудно воспринимаются глазом (в особенности, если между ними нет больших промежутков); чтение их замедлено, так как они не обладают резко выраженными отличиями. Это легко заметить при чтении надписей или встречающихся иногда в газетах коротких заметок, набранных сплошь прописными буквами. Глаз

как будто «спотыкается» на них. Наоборот, чтение строчных букв очень облегчено и ускорено благодаря выносным: именно они воспринимаются глазом в первую очередь и по ним за один прием чтения «схватывается» целая группа в 10—12 букв.

Кроме того, благодаря выносным минускулу позволяет доводить каждую букву до ее полной дифференцированности, т. е. до полного отличия от всех прочих букв, в том числе и схожих. Ни одну букву нельзя спутать с другой; ошибки в чтении исключаются или сводятся к минимуму. В маюскуле же многие буквы лишь немногим отличаются от схожих с ними (например, O D Q G).

Наконец, именно буквы минускула обладают способностью легко соединяться, связываться друг с другом. Это позволяет осуществлять связное начертание букв и даже целых небольших слов. Связное (курсивное) письмо может развиваться лишь в минускуле; при стоящих отдельно буквах маюскула оно невозможно с точки зрения физиологии письма.

Периодизация средневекового письма

Между двумя главнейшими этапами в развитии латинского письма: этапом господства маюскула (до III в. н. э.) и этапом господства минускула, начавшегося в III в. и длящегося поныне, мы проводим резкую грань, в то время как между так называемым «первоначальным минускулом» III в. (см. гл. 4) и современным письмом латинского алфавита нет принципиальной разницы. После III в. первоначальный минускул развивался лишь в направлении усовершенствования уже найденных форм, и в конце VIII — начале IX в. они получили графическую и каллиграфическую завершенность в каролингском минускуле (см. гл. 6). Гуманистическому письму — прямому предшественнику печатного шрифта и современного обычного письма — осталось внести в него лишь мелкие дополнения (см. гл. 8).

Это определяет периодизацию внутри латинского книжного письма V—XV вв. В нем нет качественных скачков, ибо каролингский минускул не был нововведением. В средневековом письме отсутствует поэтому деление на этапы по определяющим формам; уже в раннем средневековье сфера применения маюскула была очень ограничена и после полного исчезновения в VIII в. унциала в качестве книжного письма, прописные буквы стали применяться лишь в определенных случаях. Поэтому в эволюции письма можно наметить следующие периоды: 1) V—VIII вв. — постепенное усовершенствование первоначального минускула, привед-

шее к появлению его законченной формы в виде каролингского минускула; 2) IX—XI вв. — господство каролингского минускула; 3) XII—XV вв. — появление и широкое распространение готического письма; 4) XV в. в Италии — возрождение каролингского минускула (гуманистическое письмо). Эти хронологические грани в значительной степени условны, так как в разных странах письмо развивалось не вполне одновременно.

Периодизация канцелярского и обычного письма до конца XV в. в основном совпадает с периодизацией книжного письма, но их эволюция не закончилась в XV в., когда печатная книга заменила книгу рукописную. В большинстве западноевропейских стран XVI—XVIII вв. были периодом изживания готических традиций и распространения гуманистического курсива в канцелярском и в обычном письме. В Германии готические печатные шрифты и готическое письмо дожили до середины XX в.

В связи с периодизацией встает вопрос и об употреблении таких широко распространенных в палеографии терминов, как «тип» письма, «вид», «стиль» и т. п. В настоящее время в их применении царит произвол. Мы употребляем термины «тип» или «вид» по отношению к следующим категориям: 1) письму, обладающему отчетливыми характерными чертами (например, унциалу, готическому и гуманистическому письму, национальным типам письма раннего средневековья и т. п.); 2) письму определенного целевого назначения (например, к книжным типам письма, курсивным типам и т. д.); 3) некоторым особым вариантам книжного письма раннего средневековья, имеющим «индивидуальные» названия по характерным для них буквам (например, «ab-тип», «epa-тип» и т. д.).

Как правило, в пределах каждого типа письма существует много разновидностей. Иногда они связаны с национальными особенностями, иногда с целевым назначением рукописи; порой с ее происхождением из какого-либо знаменитого скриптория (например, для раннего средневековья — из Корбийского монастыря) или группы скрипториев (например, из цистерцианских монастырей в XII—XIII вв.) и т. д. При всей важности подобных разновидностей, они не снимают главного — принадлежности к тому или иному типу. Было бы неправильно говорить, например, о французском типе готического письма — речь может идти о французских особенностях готического типа письма, и для краткости это можно выразить условно как «французское готическое письмо».

Слово «стиль» мы стремимся употреблять как можно реже и преимущественно в тех случаях, когда нужно подчеркнуть какой-либо вариант или оттенок в письме, имеющий именно «стилевой» характер. В большинстве случаев речь идет о каллиграфических вариантах письма, особенно канцелярского, где орнаментальный момент играет большую роль.

Структура грамот

Канцелярское письмо составляет одну из главных отраслей средневекового письма и в дальнейших главах мы будем его много раз анализировать и описывать. Во избежание повторений необходимо изложить здесь структуру средневековых грамот в ее полном виде, который был присущ королевским и императорским дипломам, а также папским буллам. Грамоты другого происхождения (епископские, герцогские, графские, сеньориальные и т. д.) имеют более простую структуру, но ничего нового не содержат.

Грамота начинается с протокола (см. также гл. 2), состоящего из 1) призывания (*invocatio*) имени божьего (его иногда заменяет особый знак креста — «хризмон»), 2) имени и звания (король и т. п.) лица, дающего грамоту, 3) имени адресата (лица, группы лиц или учреждения) и 4) приветствия или формулы *ad perpetuum, ad perpetuam rei memoriam* («навечно», «на вечную память»). Первая строка грамоты, обычно содержащая весь текст протокола (а иногда и начало следующей части), выписывалась крупными, сильно удлинненными буквами, порой переходящими в вязь.

Самый текст грамоты иногда предварен преамбулой (этот термин и сейчас остался в своем прежнем значении), в которой изложены мотивы, послужившие для выдачи грамоты. Затем следует формула нотификации: *poveritis, sachez* и т. д. (лат. и франц. — «да будет вам известно...»), после которой идет изложение (*narratio*) существа дела. Оно заканчивается заключительными формулами, так называемыми *кляузми* (от лат. *claudere* — заключать, заканчивать; в России от этого термина произошло слово *кляузник* — человек, придумывающий различные юридические уловки).

В эсхатоколе содержатся подписи лица, от имени которого выдана грамота, и главы канцелярии. В XI—XIII вв. появились также подписи придворных сановников, вельмож, кардиналов и т. п. На самых торжественных грамотах подпись короля (или папы и т. д.) сопровождалась монограммой, т. е. сочетанием всех букв его имени в одном рисунке. Затем следует дата (число, месяц и год правления; год н. э. появляется в грамотах после X в.) и наименование места выдачи грамоты. Восковая печать ставилась на самом документе или подвешивалась на шнурке, пергаментной ленточке, веревке и т. п. Папские грамоты скреплялись вислой свинцовой печатью (*bulla*), от этого слова они и получили свое название.

Частные акты составлялись, как правило, от имени нотариуса; дата в них обычно ставилась в начале; в конце перечислялись свидетели и документ заверялся их подписями и подписью нотариуса, а также его лич-

ным («нотариальным») знаком, игравшим роль печати. В тех случаях, когда частный акт заверялся в канцелярии городского совета, он составлялся от имени членов муниципалитета и скреплялся городской печатью.

Собрания средневековых рукописей

Памятники письменности каждого народа принадлежат к числу национальных сокровищ, бережно охраняемых и старательно изучаемых. Почти всегда рукописи хранятся в той стране, где они были когда-то написаны. Поэтому рукописные отделы крупнейших национальных книгохранилищ и архивы наполнены памятниками национальной же письменности. Таковы в Западной Европе Национальная библиотека (Bibliothèque Nationale) и Национальный архив (Archives Nationales) в Париже, Британский музей (British Museum) и Государственный архив в Лондоне (Public Record Office) и т. д. Многие рукописные фонды хранятся в городских книгохранилищах и архивах, в университетских и академических библиотеках. Часть рукописей составляет частную собственность отдельных семей и коллекционеров.

За долгие века своего существования некоторые средневековые рукописи покинули родные места, так как были куплены иностранцами. Теперь они, можно сказать, рассеяны по всему свету и находятся либо в составе коллекций частных лиц (таких коллекций особенно много в США), либо в государственных библиотеках и архивах.

В крупнейших библиотеках СССР хранятся около 100 тысяч западноевропейских рукописей V—XX вв., из которых около 90% приходится на документы и письма XVI—XIX вв. Ценнейшая часть средневековых материалов прибыла в Россию в начале XIX в. в составе коллекции П. П. Дубровского, секретаря русского посольства во Франции в конце XVIII в. Ныне его собрание хранится в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Очень ценная коллекция Н. П. Лихачева, состоящая главным образом из итальянских документов X—XVI вв., находится в Архиве Ленинградского отделения Института истории СССР Академии наук СССР.

Начало изучения западноевропейских средневековых рукописей и преподавания латинской палеографии в СССР связано с именем члена-корреспондента Академии наук СССР проф. О. А. Добиаш-Рождественской. В настоящее время советские специалисты планомерно изучают хранящиеся у нас западноевропейские рукописи, публикуют их, издают каталоги, обзоры, описания и т. д. Советские медиевисты используют в своих исследованиях богатый документальный материал по истории стран Европы в XIV—XVII вв. Наши западные рукописи представ-

ляют собой ценнейшие источники для изучения истории латинского письма. Благодаря очень удачному в этом отношении подбору коллекции П. П. Дубровского и других собраний, советские палеографы имеют возможность исследовать многие вопросы на прекрасных подлинниках. Бóльшая часть образцов письма, приложенных к настоящему учебному пособию, является фотоснимками с рукописей, хранящихся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В средние века главными видами писчего материала служили, в основном сменяя друг друга: папирус, пергамент, бумага. Для черновых и беглых записей в течение всего средневековья и позже использовались восковые таблички.

За период до XV в. они дошли до нас в ничтожном числе именно потому, что их нисколько не берегли. Каждый пишущий имел их для своих повседневных записей, часто носил с собой, как мы носим записную книжку. Они стоили недорого и служили долго. Ими пользовались главным образом для обучения письму и для быстрых временных записей, которые затем, если требовалось, переносили на прочный писчий материал, и они превращались в книги, документы, письма. Восковые таблички окончательно исчезли лишь в XIX в. В деле обучения письму их заменили аспидные доски, вскоре уступившие место дешевой бумажной тетради. Для других целей таблички перестали употребляться после значительного удешевления бумаги в XVII—XVIII вв., когда ее (впрочем с большей бережливостью, чем теперь) стали расходовать для черновых записей.

Так же как папирус и пергамент, восковые таблички достались средневековью по наследству от античности. В Риме они назывались *segae*, *sega culi*, *tabellae*, *tabulae segatae* и в дальнейшем сохранили эти названия. Внешний их вид почти не изменялся на протяжении двух тысячелетий. Обычно они имели размер 9×11 см и делались из дерева разных пород — бука, дуба, кедра, кипариса, иногда также из рога или слоновой кости. Одна сторона была гладкой, на другой выскабливалось ровное углубление, занимавшее

почти всю площадь таблички. На него наносился тонкий слой воска, ограниченный с краев как бы узкой рамкой. Этот слой бывал иногда настолько тонок, что следы письма оставались и на дереве. На одном из краев просверливались 2—3 дырки, и сквозь них пропускался шнурок или ремешок, соединяя вместе две таблички — воском внутрь, или три, четыре и даже более. Такая книжечка (*codicillus*) из двух табличек называлась диптихом, три таблички образовывали триптих, четыре и более — полиптих.

Для лучшей сохранности внешние стороны книжечек, особенно полиптихов, обтягивались кожей.

На восковых табличках писали стилем — металлической палочкой, заостренной с одного конца. Другой конец имел округленную форму, им заглаживался исписанный воск для нового его употребления или исправления отдельных ошибок. Выражение «почаще оборачивай стиль» (*saepe stilum verte*) означало совет почаще исправлять написанное, т. е. также и улучшать форму («стиль») изложения. Стиль назывался также графием (от греч. *grapho* — пишу, откуда нем. *Griffel* — русс. грифель).

От I—III вв. до нас дошли два клада римских восковых табличек. Один (более 150) был найден в 1875—1876 гг. в Помпеях в доме банкира Цецилия Юкунда; он состоит главным образом из квитанций, счетов и других документов, датированных 15—27 гг. и 53—62 гг. Другой клад, включающий преимущественно триптихи с текстами торговых сделок, арендных договоров и т. п. за 131—167 гг., был обнаружен в золотых рудниках местечка Верешпатак (Румыния), расположенного на месте римской колонии. Все эти таблички представляют огромную ценность для истории письма, особенно благодаря своей точной датировке. Они исписаны так называемым старым римским курсивом, который впервые был расшифрован в 1840 г. немецким ученым Масманом, установившим формы букв этого трудночитаемого письма (см. гл. 4).

Интересная находка была сделана в 1928 г. в Алжире. Она состоит из 45 деревянных табличек, главным образом диптихов и триптихов. Они были изданы в 1952 г. французскими палеографами и получили название «таблички Альбертини» (*Tablettes Albertini*) по имени первого их исследователя. Таблички сохранили текст 34 документов (полных или в отрывках) — актов дарений и продаж, датированных 484—496 гг., т. е. относящихся ко времени вандальского королевства в Северной Африке. Таблички не были покрыты воском — текст написан чернилами прямо по дереву; некоторые таблички неоднократно выскабливались для повторных употреблений. Интересно, что подобные таблички до сих пор распространены в Марокко.

О широком применении восковых табличек в средние века свидетельствуют многочисленные упоминания о них в различных произведе-

ниях, документах, письмах¹. Начиная с XV в. до нас дошло немалое число и самих табличек, вплоть до отчетности рыбного рынка в г. Руане (Франция), которая до 1860 г. записывалась там на восковых табличках.

Папирус

Один из древнейших писчих материалов, папирус, был издавна распространен в Египте. В греко-римскую эпоху он господствовал во всех странах Средиземноморья до III в. н. э. В Западной Европе он использовался для грамот меровингских королей до VII в., для папских булл— до XII в.

Папирус изготовлялся из тростника, росшего в застойных болотистых протоках дельты Нила. По свидетельству Плиния Старшего, он рос также в реках Сирии и на Евфрате, в X в. его пробовали разводить в Сицилии. Наибольшее количество писчего материала всегда давали нильские плантации.

Способ изготовления папируса подробно изложен у Плиния. Мягкая сердцевина тростника разрезалась в продольном направлении на узкие тонкие полоски, которые клали рядами на влажную доску так, чтобы их края плотно соприкасались. Плиний полагал, что смачивавшая доску нильская вода склеивала полоски, однако на деле она не имеет клейких веществ; последние содержатся в самом растении. Первый слой пластинок покрывался вторым слоем, но в поперечном, т. е. горизонтальном направлении. Сырой материал отбивали при помощи молотка или колодушки, покрывали тонким слоем клея — чтобы придать большую прочность и гладкость, а также не допустить растрескивания чернил по волокнам — еще раз отбивали, прессовали, высушивали на солнце и выглаживали раковинной или слоновой костью.

Производство папируса было довольно сложным процессом и стоил он недешево, особенно его лучшие сорта, изготовлявшиеся из самой сердцевины. Другие сорта (всего их насчитывалось шесть) были грубее и дешевле; самый грубый употреблялся для обертки. В первые века н. э. папирус стали изготовлять и в Риме из привозного египетского сырья, облагавшегося особой пошлиной, что еще более удорожало папирус (поэтому-то наряду с ним и существовали для письма восковые таблички, а в Египте и Греции — острака, т. е. глиняные черепки). Отдельные листы папируса склеивали в длинные куски (обычно по 20 листов) и пускали в продажу. Потребители могли сами или разрезать их на части, или же удлинять путем склеивания кусков до требуемых размеров.

¹ См.: О. А. Добняш - Рождественская я., стр. 25—27.

Папирус был достаточно удобным и гладким писчим материалом, но рука скользила легко лишь по той стороне листа, где полоски располагались в горизонтальном направлении. Эта сторона называлась правой (*recto*), на ней и писали; обратная сторона (*verso*) оставалась чистой. Если же и она оказывается покрытой текстом — что иногда случалось, то он всегда более позднего происхождения, чем текст на *recto*. Исписанные с обеих сторон папирусы называются опистографами.

Калам, чернила

На папирусе издавна писали каламом, т. е. косо очиненной палочкой из тростника, толщиной с нашу большую вязальную спицу. Острие периодически подтачивалось пемзой, а сам калам перед употреблением смачивался слюной, чтобы на нем удержалось больше чернил. В греко-римскую эпоху его стали на конце немного расщеплять, что придало ему достаточную эластичность и позволило регулировать нажим.

Хорошо сохранившиеся густо-черные чернила, которыми исписаны папирусы, делались из сажи, камеди и воды. Красные буквы и знаки наносились смесью из камеди и красного мела. Чернила легко смывались с папируса; этому способствовали как их состав, так и свойства самого писчего материала. Поэтому, если надо было вторично использовать уже исписанный папирус или же исправить допущенные в письме ошибки — в обоих случаях влажная губка позволяла смыть текст без следа. Папирусных палимпсестов (см. ниже) не существует.

Свиток

Естественной формой папирусной книги, т. е. достаточно длинного письменного текста, был свиток. Для грамот и документов употреблялись куски папируса различной длины. Форма длинного свитка (короткий свиток можно исписать в любом направлении с одинаковой «плотностью» текста) допускает два способа нанесения на него письма: по ширине или по длине. Первый способ применялся в средние века, второй — в античности. Выбор определялся свойствами писчего материала и характером текста.

Длинный папирусный свиток античности представлял собой книгу, т. е. содержал текст какого-либо произведения и предназначался для многократного чтения. Знаменитые античные библиотеки хранили десятки и сотни тысяч свитков, помещенных в корзины или особые поставцы. Исписанный лишь по своей внутренней стороне, свиток был накручен на валик с выступавшими концами. При чтении его держали обеими руками

и постепенно перекачивали из одной руки в другую (отсюда слово *volu-ten* от лат. *volvere* — катить, вращать) с тем, чтобы сохранять перед глазами определенное «поле зрения», обычно приближавшееся к квадрату. По окончании чтения последний лист свитка («эсхатокол») оказывался снаружи, а первый («протокол») — запрятанным в самой глубине; поэтому для нового чтения свиток необходимо было перематывать, подобно тому как перематывается микрофильм или киноплёнка.

Папирус — материал довольно ломкий и требует бережного к себе отношения. Во время чтения необходимо было осторожно его развешивать и столь же осторожно свертывать; обе руки были заняты, и делать пометы или выписки было довольно трудно. Приходилось отложить свиток или высвободить правую руку — в обоих случаях глаз терял то место текста, где произошла остановка в чтении. В то же время, папирус не был дефицитным материалом, писцу не надо было заботиться об экономии пространства. Книжное письмо античности было сперва целиком (до III в. н. э.), затем частично маюскульным (см. гл. 4), т. е. состояло из прописных, по нашей терминологии, букв и не было разделено на слова. Читать его более или менее быстро (схватывая глазом за один прием группу букв) можно было лишь при наличии коротких строк. Поэтому текст наносился на папирусный свиток с таким расчетом, чтобы облегчить процесс чтения, а именно: он был расположен узкими колонками по 12—15 букв в строке. Длина колонок определялась шириной свитка. В «поле зрения» помещалось обычно 4 колонки, что позволяло двигать свиток не очень быстро, через известный промежуток времени. Расстояния между колонками должны были, опять-таки для удобства чтения, достаточно отчетливо отделять их друг от друга.

В итоге полезная площадь папирусного свитка использовалась очень расточительно. Половина поверхности (наружная сторона) вообще оставалась незаполненной, а на исписанной стороне немало места уходило на частые промежутки между узкими колонками. В целом на долю текста оставалось не более 30—35% общего пространства.

Иной характер присущ средневековому свитку (он назывался *rotulus* — от лат. *rotare* — вращать, отсюда англ. *roll*, франц. *gôle*). Сделанный из очень прочного материала — пергамента (см. ниже), он допускает гораздо более свободное обращение. На свитках писали не книги, а документы: отчеты, счета, протоколы судебных и иных заседаний, длинные грамоты. Подобного рода тексты не предназначались для многократного чтения. Вместе с тем пергамент всегда был дефицитным материалом. Поэтому внутренняя сторона свитка, как правило, густо исписана, причем строки идут по всей его ширине от края до края, почти не оставляя полей. Наружная («дорсальная») сторона частично использовалась для относящихся к документу записей и помет. Пергаментный список исписан более чем на 50% общего пространства. Его длительная

жизнь в течение всего средневековья объясняется тем, что форма свитка наилучшим образом подходила для таких документов, которые надо было особенно оберегать от всякого рода фальсификаций — вставок или исчезновения кусков текста и т. п. Поэтому составлявшие свиток листы пергамента были пронумерованы, сам документ заверялся подписями. Подобного типа свиток исчез после появления прошнурованной книги.

Применение папируса в средние века

В III в. н. э. на смену книге-свитку пришла книга нашего типа, изготовленная из пергамента. Однако старый писчий материал, папирус, далеко не сразу уступил место новому. Очевидно, что в III—VII вв. даже кодексы из папируса (не говоря уже о документах) отнюдь не были редкостью, хотя папирус не приспособлен к форме кодекса — он ломается на сгибе, крошится по краям или переворачивании листов и т. д. Эти недостатки пытались устранить при помощи прокладывания на сгибах пергаментных полосок, папирусные листы перемежали пергаментными, защищали книгу переплетом. До нас дошло ничтожное число папирусных кодексов и фрагментов из них, но следует помнить, что рукописи на папирусе вообще сохранились в редчайших случаях. Лишь в Египте и отчасти в Северной Африке сухой климат способствовал тому, что кое-что из огромной по размерам древнеегипетской и греко-римской письменности пережило тысячелетия.

Еще дольше, чем в книге, папирус держался в сфере документальных памятников. В данном случае действовали еще и традиции императорской и местных римских канцелярий, унаследованные «варварскими» государствами в Италии, Галлии, Испании. Там повсюду для документов папирус употреблялся вплоть до конца VII в. В папской канцелярии, в южной Италии и в Сицилии папирус (изготавливавшийся в Сицилии) находил себе применение вплоть до начала XII в. в документах и даже в книгах.

Завоевание арабами Египта в VII в. не привело к прекращению производства папируса, но экспорт его в Европу очень сильно сократился. В дальнейшем, начиная с IX в., во всем арабском мире папирус совершенно вышел из употребления, уступив место бумаге.

Сопоставление этих дат с датами последних в Европе (кроме Рима и южной Италии) папирусных документов и кодексов показывает, что столь длительное сосуществование (III—VII вв.) двух писчих материалов, папируса и пергамента, должно было иметь достаточное основание. Папирус продолжал оставаться более дешевым и более доступным материалом, чем пергамент. Поэтому реально он уступил место последне-

му лишь тогда, когда — в силу политических причин—ввоз его был сильно затруднен. С VIII в. западноевропейский мир стал употреблять писчий материал своего местного производства — пергамент.

Пергамент

Скотоводческие народы Передней Азии издавна употребляли для письма грубо выделанные шкуры животных. Во II в. до н. э. в Пергамском царстве стали изготавливать из кожи новый писчий материал — пергамент.

Производство его включало следующие операции: кожу обрабатывали известью, острым скребком очищали от мяса, волос и верхнего слоя, снова погружали в известь, сушили в натянутом виде на раме, выглаживали пемзой и втирали мел (для впитывания содержимого жировых пузырьков). «Мясная» сторона легче поддавалась обработке, чем «волосяная», на которой оставались поры и даже следы волосков. Поэтому для документов (где испусывалась лишь одна «мясная» сторона) «волосяную» сторону не стремились довести до полной гладкости. Наоборот, для книг надо было тщательно выделывать обе стороны, однако в большинстве случаев это не удавалось; поэтому в средневековых книгах, как правило, нетрудно отличить «мясную» сторону от «волосяной», что иногда помогает датировать рукописи (см. гл. 5). В южноевропейских странах пергамент выделялся обычно из бараньей и козьей кожи, в северных — из телячьей (франц. *vélin* от *veau* — теленок). Особо тонкий пергамент для небольших по формату книг вырабатывался из кожи новорожденных, и в особенности нерожденных ягнят («девичья кожа»).

Вплоть до расцвета городов в XII—XIII вв. пергамент изготавливался для нужд монастырских и иных церковных мастерских письма специалистами — «пергаментщиками», преимущественно монахами. Затем это производство стало монополией цеховых ремесленников, которые достигли больших успехов в изготовлении различных сортов пергамента, как дорогих, так и дешевых. При условии надлежащего хранения хорошо выделанный белый пергамент не желтел. Очевидно, именно для пергамента был найден новый состав чернил — из сока чернильных орешков, смешанного с камедью при нагревании. Как правило, их качество было очень хорошим; в подавляющем большинстве кодексов чернила четко выделяются на пергаменте. Даже в тех случаях, когда они не сохранили прежней густоты и более или менее выцвели, текст может быть прочтен без особого труда. Пергамент очень хорошо впитывает также и различные краски. В античности его иногда окрашивали в драгоценный пурпур и писали на нем серебром и золотом. В каролингскую эпоху было создано немало роскошных пурпурных кодексов с текстом библии.

Пергамент представляет собой чрезвычайно прочный и, благодаря своей гладкости, отличный писчий материал. Перо скользит по нему совершенно беспрепятственно, легко начерчивая буквы нужных размеров, вплоть до мельчайших. На пергаменте очень хорошо держатся краски; поэтому кодексы украшались богатейшей цветной орнаментацией; многие рукописи превратились в настоящие произведения искусства.

Главные свойства пергамента — прочность и гладкость — способствовали тому, что, как правило, пергаментные рукописи прекрасно сохранились. Вместе с тем пергамент всегда был материалом дорогим и дефицитным. Дороговизна его определялась главным образом дороговизной самого сырья, а также трудоемкостью процесса производства. Дефицитность проистекала из ограниченных размеров животноводства в середине века. В результате между VII в., когда на Западе исчез папирус, и XIV в., когда там широко распространилась бумага, западноевропейская письменность развивалась под знаком нехватки писчего материала и это влияло на эволюцию письма. Особенно остро дефицит пергамента стал сказываться, начиная с XI в. (см. гл. 7).

Кодекс

Первое время исписанному пергаменту придавали привычную форму свитка. Затем постепенно выработалась новая форма книги — кодекс (лат. *codex*, этимология неясна).

Наша теперешняя книга повторяет в своих основных чертах древний кодекс. Это означает, что почти две тысячи лет тому назад эмпирически был найден наиболее рациональный способ внешнего оформления письменного текста, предназначенного для многократного чтения.

В противоположность папирусу пергамент превосходно подходит для кодекса. Он прочен, не портится от сгибания, его можно разрезать на листы любой величины, вплоть до самых мелких и т. д. По-видимому, прототипом для кодекса послужили восковые таблички-полиптихи, соединенные шнурком. Во всяком случае, переплеты, — а кодекс обязательно требует переплета, — как папирусных, так и пергаментных кодексов делались по образцу полиптихов: листы материала заключались между двумя дощечками и соединялись пропущенными через дырки ремешками. Затем корешок стали покрывать кусочком кожи, приклеенным к дощечкам, примерно на треть их ширины. В дальнейшем из этого выработался тип переплетенного кодекса, просуществовавший в течение всего средневековья. Исписанные листы пергамента складывались в тетради, которые прошивались по сгибу веревками, образуя на корешке в нескольких местах выступы. Корешок прикрепляли ремешками к деревянным доскам и обтягивали весь переплет кожей. На внутреннюю сторону крышек

наклеивали листы пергамента. Для лучшей сохранности листов книгу плотно закрывали при помощи приделанных к переплету застежек.

Достоверно известно, что раньше всего — уже во II в. — кодекс распространился в среде христиан. Евреи и римляне приняли его позже — в III—IV вв. Причина этого явления пока неясна. Возможно, что она коренилась в том, что, в противоположность сильной традиции в еврейской и античной письменности, связанной со свитком, христианская книга могла сразу принять новую форму, удобную для совершения христианской службы.

Формат древнего кодекса отличается от привычного нам несколько удлиненного формата теперешней книги — таким он стал в раннем средневековье. В античную эпоху кодекс был почти квадратным, и письмо в нем располагалось узкими колонками, по 3—4 на странице. Иными словами, на первых порах в нем сохранилось привычное «поле зрения» текста в свитке; сохранились также привычное письмо и привычный размер букв. Кодекс был несравненно более удобен для работы над текстом: его можно было раскрыть на любом месте, сравнивать между собой отдельные места и даже различные кодексы, делать выписки, наносить пометки и т. д. Он позволял также значительно более экономное использование писчего материала, так как пергамент можно исписать с обеих сторон. Однако не все выгоды нового материала и новой формы книги были поняты сразу. Лишь постепенно стал удлиняться формат кодекса, и число колонок сократилось до двух, что позволило выиграть место, уделявшееся ранее промежуткам между колонками. Еще медленнее эволюционировало письмо, делаясь более мелким и приобретая большую четкость. Все эти процессы совершались в течение поздней античности и в начале средневековья, заняв примерно период со II в. до конца VIII в.

Палимпсесты

С особой прочностью пергамента и с его способностью глубоко впитывать чернила и краски связано интересное явление в истории письменности — палимпсесты (греч.). Так называются книги или фрагменты, исписанные вторично по счищенному тексту. Их первоначальный («нижний») текст чаще всего был растворен молоком или какой-либо смесью, куда входило молоко, реже выскоблен ножом или счищен пемзой. В результате пергамент становился вновь чистым и на нем можно было писать заново. Но это была обманчивая чистота. Чернила глубоко проникают в кожу и химически ее изменяют. Поэтому через некоторое время очертания первого текста начинали проступать более или менее отчетливо; они лучше видны на полях, хуже — под вторым («верхним») текстом.

Уже в XVII в. пробудился интерес ученых к палимпсестам, точнее к нижним их текстам. В XIX в. их пытались «оживлять» различными способами, к сожалению, чаще всего путем нанесения химических реактивов. Последние на короткий срок делали старые письма более отчетливыми, но затем пергамент темнел и становился нечитаемым. В настоящее время нет нужды прибегать к таким способам обработки палимпсестов. Хорошие результаты дает фотографирование с помощью люминесценции; оно позволяет выявлять плохо видимые и даже невидимые тексты. Но и сейчас чтение палимпсестов представляет большие трудности, в особенности если нижний текст полностью покрыт верхним.

Своим возникновением палимпсесты всегда обязаны нехватке пергамента, о которой уже шла речь. Характерно, что наибольшее число палимпсестов представляет собой рукописи, нижний текст которых датируется V—VII вв., а верхний — VII—IX вв., т. е. первыми веками после полного исчезновения папируса. Они были написаны главным образом в крупных мастерских письма Северной Италии (Боббио, Верона) и Северной Франции (Луксей), где потребность в писчем материале была наибольшей (см. гл. 5). Материалом для палимпсестов лишь в редких случаях являлись целые рукописи; в подавляющем большинстве это были фрагменты. Часто листы из старых больших кодексов обрезали, чтобы подогнать их под меньший формат новой рукописи; при этом нередко отрезались значительные куски прежнего текста.

Список всех сохранившихся палимпсестов, нижний текст которых не моложе VIII в., насчитывает 130 кодексов и фрагментов, для которых были использованы листы из 234 рукописей (Lowe — *Codices rescripti*). По своему содержанию палимпсесты представляют очень пеструю картину. Господствовавшее раньше мнение о том, что палимпсесты возникли в результате стремления христиан уничтожить «языческие» тексты античности, не подтвердилось. Гораздо чаще смывались христианские, а не античные тексты, а если порой христианский текст наносился на смывтый текст античных авторов, то и, наоборот, имеются палимпсесты того же периода, в которых античные тексты написаны по смывтой библии. Детальное изучение палимпсестов показывает, что для нанесения второго текста чаще всего использовались рукописи, текст которых вышел из употребления. Например, уничтожался более древний латинский перевод библии («Итала»), чтобы очистить место для нового перевода («Вульгаты»). Старые литургические книги таким же путем приспособлялись для нанесения нового текста церковных служб, старый сборник римских законов — Кодекс Феодосия (V в.) — для текста нового Кодекса Юстиниана (VI в.). Для палимпсестов употреблялись также рукописи на греческом, еврейском, арабском языках, непонятных в странах Западной Европы. Сочинения отцов церкви IV—V вв. смывались для грамматик и произведений писателей VII—VIII вв. (Исидора Севильского, Беды

Почтенного и др.). Иногда при наличии двух рукописей с одинаковым текстом (например, двух библий, двух одинаковых литургических книг и т. д.) одна из них употреблялась для написания иного произведения.

В других случаях для нанесения нового текста использовались античные рукописи после того, как их текст, исполненный крупным письмом — унциалом (см. гл. 5), был переписан в VIII—IX вв. более экономным мелким письмом. Некоторые палимпсесты имеют в своем составе 10 и более фрагментов с нижним текстом (характерно, что среди них античные тексты перемежаются с христианскими). Это объясняется тем, что иногда писчим материалом служили отдельные листы разных обветшавших или попорченных рукописей.

Наибольшую ценность имеют те палимпсесты, в нижнем письме которых сохранился единственный дошедший до нас экземпляр (или фрагмент) важного для науки произведения. К числу таких относится сочинение Цицерона «О республике» и отрывки из других классических авторов.

Перо

Папирусу соответствовало наиболее для него приспособленное орудие письма — калам, пергаменту — птичье перо, главным образом гусиное, которое затем вполне пригодилось и для бумаги. Вопрос о том, когда именно произошла замена калама пером и какие вообще существовали приемы заточки пера, принадлежит к числу наименее разработанных. Между тем теперь становится все более ясным, что этому обстоятельству следует уделить особое внимание. В дальнейших главах нам не раз придется останавливаться на том, насколько внешний облик письма зависит от той или иной заточки пера. Во все время господства гусиного пера, т. е. с VI в. до середины XIX в., приемы заточки пера в значительной степени определяли и приемы начертания букв. Хорошо очиненное перо было для каждого писца не менее важным, чем хорошо выделанный пергамент и должной густоты чернила. Особый «перочинный» ножик, всегда остро наточенный, очень ценился в среде пишущей братии; искусство пользоваться им передавалось от учителя к ученику и в немалой степени содействовало выработке профессионального мастерства; недаром ему уделяли столько внимания авторы каллиграфических трактатов XVI—XIX вв. Гусиное перо также как и пергамент представляло собой орудие местного производства, в то время как папирус и камышевый калам ввозились из Египта и из Италии. Судя по сообщениям средневековых авторов (Исидора Севильского — VI в., Петра Почтенного — XII в.), оба орудия сосуществовали сравнительно долго. Возможно, что это определялось сосуществованием двух писчих материалов: папируса и пергамента. Во всяком случае, после полного исчезновения папируса исчез и

калам. Птичье перо приспособлено для самых различных типов заточки, обладает большой эластичностью, очень «попослушно» руке, т. е. следует мельчайшим движениям пальцев. Все эти качества оно передало в середине XIX в. стальному перу, точнее, всем многочисленным видам металлических перьев. Лишь в наши дни употребление перьевых и шариковых авторучек внесло ряд изменений в приемы письма (оно лишилось жирных и волосных линий) и изменило его эстетику, придав ему большее единообразие.

На табл. 1—2 даны образцы различной заточки пера и различных приемов его держания. Остро очиненное перо позволяет проводить очень тонкие линии с незначительным нажимом; перо чуть срезанное — утолщает линии и нажимы; перо срезанное наискось (со срезом вправо или влево) усиливает эту возможность. Наконец, перо с косым срезом, расщеплением не посередине и особой формой ребер («готическое») держит максимальный запас чернил и позволяет проводить «ломанные» жирные линии в сочетании с тончайшими волосными, которые достигаются ведением самого острия пера. Писец все время переворачивает в пальцах это перо, то ставя его на всю ширину среза и сильно нажимая, то переворачивая на острие и ослабляя нажим до минимума.

Бумага

Появление бумаги открыло новую эпоху в западноевропейской письменности, а вместе с тем в образовании и культуре в целом. Бумага сделала возможным появление книгопечатания; печать и бумага принадлежат к числу важнейших элементов нашей современной цивилизации.

Бумага — дешевый, обильный, практически везде и всем доступный материал — освободила письмо от особенностей, возникших в XI—XII вв. в связи с нехваткой пергамента: от излишне «плотного» размещения текста на странице, от «слипшихся» между собой букв, от обилия сокращений, словом — от всего, что затрудняло как процесс чтения, так и процесс писания. Дешевизна бумаги и ее доступность сочетались с тем, что она обладала и такими достоинствами пергамента как гладкость и прочность: бумажные рукописи XIV в. (не говоря уже о последующих веках) и даже документы на бумаге XIII в. дошли до нас в безупречном состоянии, если в свое время их сберегали с такой же заботой, какая прилагалась к сохранению пергаментных рукописей. Правда, современники не могли предвидеть, что легко рвущаяся бумага окажется способной прожить многие века. Долгое время они ей не вполне доверяли. Роскошные кодексы XIV—XV вв. написаны на пергаменте, он же применен в некоторых первопечатных книгах. В бумажных рукописях XIV в. многие листы пергаментные; они облекают каждую бумажную тетрадь, чтобы обе-

речь ее от повреждений. Фридрих II даже запретил в 1231 г. употреблять бумагу для всех официальных документов по причине ее непрочности. В течение XIV—XVIII вв. некоторая часть документов денежных (квитанции, счета, отчеты и т. п.), имущественных (акты продажи недвижимости, завещания, брачные контракты), правительственных (международные договоры и соглашения, указы) писались на пергаменте; он окончательно вышел из употребления лишь в первой половине XIX в.

Несмотря на эти ограничения, касавшиеся не очень большой части письменной продукции, можно считать, что начиная с XIV в. бумага восторжествовала над пергаментом; с той поры она не знает себе ни соперников, ни преемников.

Появление бумаги в Западной Европе

Продвижение бумаги из Китая в Западную Европу длилось многие века. В середине VIII в. ее начали изготавливать также и в Самарканде, оттуда, с помощью арабов, она двинулась на Запад, совершая свой путь со средней скоростью тысячи километров в столетие. К концу VIII в. относятся первые бумажные мастерские в Багдаде и Дамаске. В середине IX в. бумага проникла в Египет (и вскоре убила там производство папируса), затем появилась в арабских владениях в Сицилии и в Испании. Первые византийские бумажные рукописи приходятся на IX в.

Возникновению местных бумажных мастерских везде предшествовал импорт бумаги сперва из Передней Азии, затем из Сицилии и Испании. Но господство импортной бумаги длилось сравнительно недолго. Секрет ее изготовления становился известным, и каждая страна обзаводилась собственной бумагой. Этому товару с самого начала был обеспечен широкий сбыт. В середине XII в. бумага стала изготавливаться около Валенсии (в то время арабской), а через столетие — во всей Испании. В конце XIII в. появились бумажные мастерские в Средней Италии, затем — в Ломбардии. Привозная испанская бумага получила в XIII в. широкое распространение на юге Франции (для писем, черновиков счетов, регистров и т. п.), позже она проникла и в северную часть страны, где в начале XIV в. появилось собственное бумажное производство. В XIV в. бумагу стали изготавливать в немецких и английских городах.

Производство бумаги

Китайцы делали бумагу из растительного волокна, примешивая к нему тряпичную массу. Арабы не имели подходящих для этого растений и потому употребляли одно льняное тряпье. Дамасская бумага (*charta*

damascena) славилась своей отличной выделкой и гляncем. Итальянское обозначение одного из сортов бумаги XIV в. charta bambagina породило легенду о бумаге из хлопчатника (bambax); на деле термин происходит вероятно от названия сирийского города Bambyce (араб. Манбидш), где изготовлялся этот сорт. Разница между арабской и западноевропейской бумагой состояла в том, что применялись разные способы ее проклеивания: арабы употребляли крахмал, европейцы — животный клей (желатин). Сырье было одинаковым.

Производство бумаги в XIV—XV вв. имело тот же основной цикл операций, что и впоследствии, вплоть до появления машинного производства бумаги из целлюлозы. Необходимость использования больших ступ для размельчения сырья привела к сосредоточению производства бумаги на особых мельницах. Поэтому бумажная мастерская получила название бумажной мельницы (франц. moulin à papier, нем. Papiermühle).

Тщательно рассортированное и очищенное льняное тряпье разрезали на мелкие клочки, которые замачивались на некоторое время в воде. Затем их подвергали длительному толчению в больших ступах, приводившихся в движение мельничным колесом. Полученную жидкую студенистую массу выдерживали определенный срок в чанах, затем разбавляли водой и вновь толкли не менее суток подряд. После этого разжиженную и уже однородную по своему составу массу зачерпывали особым четырехугольным ситом и равномерно его покачивали. По мере вытекания воды волокна оседали на сите и уплотнялись. Снятые с сита влажные и рыхлые листы перекладывали слоями шерстяного войлока и клали под пресс. Второй раз листы прессовали уже без войлока и затем, согнув пополам, развешивали на веревках для просушки. Сухие листы проклеивались животным желатином, что придавало бумаге гладкость и препятствовало растеканию чернил.

Водяные знаки

В центре сита из густо переплетенных бронзовых проволочек помещался тоже сделанный из проволоки какой-либо узор или знак. При вытекании воды через сито проволочки и орнамент оставляли след на бумажном листе, так как на их месте слой волокон ложился менее густо. Поэтому при рассмотрении листа на свет отчетливо видны светлые полосы проволочек и узора. Последний называется филигранью, или водяным знаком, и является своего рода фабричной маркой. Поскольку каждая бумажная мельница (а затем и фабрика) имела свою филигрань, эти знаки позволяют довольно точно датировать и локализовать бумажные рукописи. Водяные знаки изданы в больших альбомах (Н. П. Лихачев, Vriquet, Mošín), оказывающих исследователям зачастую важные

услуги. Однако такая помощь не всегда эффективна. Бумага очень часто употреблялась далеко от места ее изготовления. Иногда рукопись писалась на бумаге старой фабрикации. Некоторые филигранные существовали в огромном числе вариантов; например, в альбоме Брикe знак бычьей головы имеет 1400 форм.

Следует отметить, что в XIV в. бумага была очень плотной и слегка сероватой. В XV в. она становится белее и тоньше, но по своему общему виду еще сильно отличается от привычной нам гладкой и бесструктурной бумаги.

СОКРАЩЕНИЯ, ЦИФРЫ, ЗНАКИ ПРЕИНАНИЯ

СОКРАЩЕНИЯ

Вместе с письменностью средневековье получило от античности систему стенографии. В Риме ее творцами считались поэт Энний и несколько писцов, в том числе вольноотпущенник Цицерона Тирон, по имени которого знаки сокращений стали называться тиронскими знаками. Стенографией пользовались для записи речей, судебных прений и т. п. Сенека систематизировал все употреблявшиеся знаки и довел их число до пяти тысяч. Они назывались также *notae*, а те, кто ими пользовался — *notarii*.

Античная стенография выработалась для надобностей активной общественной жизни Древнего Рима. Средневековью, особенно раннему, она была совершенно не нужна, но оно заимствовало из нее некоторые знаки и принципы; они проникли в письмо, поскольку их употребление позволяло экономить писчий материал, а также регулировать работу канцелярий. Развитие общественной жизни, культуры и образования в XIII—XV вв. вновь вызвало потребность в записи лекций, судебных процессов, заседаний административных органов и т. п. Однако общий темп подобной деятельности был еще медленным, поэтому была лишь развита и усовершенствована система многочисленных сокращений слов, которая из латинского языка проникла затем и в национальные языки. Наша современная стенография появилась в XIX в.

Сокращения в средневековом письме можно разделить на три основные группы: 1) специальные знаки (*signa specialia*), 2) суспенсии, т. е. слова «оборванные», не дописанные до конца, 3) контракции, т. е. слова «сжатые», где некоторые буквы выпущены.

z s s s	er, re, ri, ir	h ^o	hoc
9 9 9	us в конце слов con, con в начале	h'	hic
b·b:b;	bus	h'	haec
z 2	ur	h ^o	hujus
4 y	rum	n ^o	nullus
p	per, par	∞	nota
p̄	pre, prae	o	non
p	pro	2 2 77	et
p ^o	post	∞ ~ ÷	est
q q' q'	qui	3 3 3	est
q; q;	que	∞ · ∞ ∞	esse
q̃ q:·	quae	·	id est
q	quod	q	sunt
q ^o	quam	∞	signum
q ^o q	quia	S7	sed
q tr	quondam	β	ser, sir
	autem	Rx	rex
		z	tantum

Рис. 1. Специальные знаки

Специальные знаки

Специальные знаки заменяют ряд местоимений и предлогов (рис. 1). Часть этих знаков заимствована из тиронской системы. Они носят чисто условный характер и поэтому не нуждаются в объяснениях. Они немногочисленны, их просто следует запомнить. Надо также приучить глаз к знаку, всегда предупреждавшему читателя о том, что слово подверглось сокращению (он назывался *titulus* от *titulare* — сокращать и ставился над сокращенным словом).

Система тиронских знаков в своей совокупности дожила до X в., но не для стенографии, а для помет внизу дипломов (т. е. грамот) меровингских и каролингских королей. В этих пометах сообщались имена писцов и секретарей, принимавших участие в изготовлении грамот. Понятные только им, эти знаки играли роль тайнописи и заверяли подлинность документа. Палеографы смогли их прочесть в XIX в. лишь после того, как были обнаружены рукописи IX—X вв., содержавшие ключи к этим знакам, число которых достигает 13 тысяч.

К специальным знакам можно также отнести небольшую группу часто встречающихся слов, сокращенных до предела при помощи так называемых надписных букв (рис. 2). Обычно первая буква короткого слова писалась в строку, а мелко над нею — последняя буква. Этот прием получил также широкое применение при пропуске буквы *g*: если над согласной поставлена гласная, между ними надо вставить пропущенное *g* (см. например, слова *retro* и *tria* на рис. 2).

	erga		infra
	ergo		supra
	igitur		mihi
	nisi		hec
	modo		ubi
	retro		vero
	ut		tria

Рис. 2. Надписные буквы

Суспенсии

Суспенсии, т. е. недописанные слова, были очень распространены в римской письменности, особенно в надписях. Наиболее полным их выражением были инициалы личных имен (эта практика перешла в средневековье и дожила до наших дней) и одни лишь первые буквы некоторых слов, очень часто встречающихся в тех или иных текстах. Например, в средневековых протоколах судебных прений слова *interrogatus, respondit,*

Ā	annus	ap̄	apud
B̄	beatus	aut̄	autem
C̄	consul	in̄	inde
F̄	filius	cap̄	capitulum
V̄	vir	un̄	unde
an̄	ante	sic̄	sicut
fec̄	fecit	fuer̄	fuerit
am̄av	amavit	en̄	...ensis

аналогично и в других глаголах и других падежах

Рис. 3. Суспенсии

testis и т. п. сокращены в *int r t*. Этот прием не вызывал, разумеется, никаких затруднений у современников при чтении подобных документов. Не вызывает он затруднений и сейчас, поскольку контекст (т. е. общий смысл фразы) позволяет легко установить смысл сокращенных слов. В документах английской королевской канцелярии формула *teste rege* выражена при помощи одних первых букв — *tr*. В регистрах (т. е. записях) папской канцелярии буквы *as* означают *apostolica scriptio*, буквы *fn* — *frater noster* и т. п. Употребление первых букв слов, означающих

денежные единицы, вошло в средние века в общее правило (l — libra, s — solidus, d — denarius) и сохранилось донныне в английском языке (L — фунт стерлингов, s — шиллинг, d — пенс; ср. в русском языке р. — рубль, к. — копейка). Удвоение первых букв слов означало множественное число, например ff — filii, dd — domini, cc — clarissimi и т. д. (ср. наши удвоения первых букв: вв. — века, тт. — товарищи).

Очень широко применялись суспенсии для коротких наречий, глаголов и некоторых прилагательных (рис. 3). В античности такого рода суспенсии были очень употребительны в надписях, где приходилось крайне дорожить местом; в то же время всякий человек, читавший надпись, легко восстанавливал пропущенное окончание слова по общему контексту, ибо надпись была составлена на родном ему языке. В средние века латинский язык претерпел немалые изменения и знание его далеко не всегда было совершенным; поэтому обрыв глагольных форм или прилагательных применялся обычно в таких случаях, когда время, падеж или число не могли вызывать сомнений.

Контракции

Наиболее пышно и полно развились в средние века сокращения путем сжимания слова, т. е. контракции. Начиная с XIII в. они становятся особенно многочисленны и с первого взгляда кажутся очень сложными и трудными для понимания. На деле это не так. В контракциях есть свои закономерности, усвоить которые не столь уж трудно.

В контрагированных словах исчезают отнюдь не любые буквы; всякая контракция производилась согласно немногим правилам, подчиняющимся не только фонетическим, но и графическим особенностям слова.

Как известно, легкость схватывания глазом группы письменных знаков зависит от наличия выносных (см. гл. 1). Поэтому в контракциях буквы, имевшие выносные **b f g h p q s** (последняя буква имела в средние века высокую верхнюю выносную) не выпадали (или выпадали редко), так как являлись своего рода зрительными «опорами», позволявшими угадывать сжатое слово. Чаще всего выпадали гласные (ибо огласовка не представляет трудности, если в наличии имеется костяк слова из согласных), а также те согласные буквы, которые писались без выносных, т. е. **m n r t** (последняя буква в средние века не поднималась над своей горизонтальной передкладной). Таким образом, весь латинский алфавит как бы делился графически на буквы очень заметные и потому сохранявшиеся, и буквы менее заметные и потому легче исчезающие.

Контракции являются удобной формой сокращения еще и по той причине, что, сохраняя последнюю букву (или 2—3 последние буквы), они сразу ориентируют в окончании слова.

При изучении контракций (рис. 4) надо учитывать следующие моменты.

Если исчезают носовые *m n* — случай очень частый — должны остаться соседние «назализированные» гласные. Поэтому слово *anima*, утрачивая оба носовых звука, сохраняет все гласные — *aiā*. То же в слове *ois-omnis* и т. п.

Слова общего корня сокращаются идентичным образом. Если *miā* означает *misericordia* (т. е. милосердие, часто употреблявшееся слово христианского лексикона), то естественно ожидать, что прилагательное *misericors* образует сокращение *miors*, в котором три последние буквы безошибочно ориентируют читателя именно на эту форму.

Всегда сокращаются все падежные формы слов, оканчивающихся на *atio*, и наречия, оканчивающиеся на *le*, причем для обозначения пропуска последние буквы часто пишутся в малом размере наверху (см. сокращения слов *consideratione* и *comprehensibile*). Таким же путем сокращаются очень длинные в латинском языке прилагательные в превосходной степени; например, слово *gloriosissima* (13 букв) сжимается более чем в два раза (до 6 букв) и принимает форму *glōīta*, причем две последние буквы вынесены наверх.

В контракциях широко применяются комбинации пропуска букв со специальными знаками, так что порой слово принимает вид ребуса (см. слова *conspēctus*, *compromittetur*).

„Священные имена“

К числу контракций относятся и так называемые священные имена, имеющие интересную историю.

Уже в самых древних (из числа дошедших до нас) рукописях IV в., содержащих христианские тексты (библию, сочинения отцов церкви и т. д.), наряду с общеупотребительными в ту пору суспенсиями *q.—que* и *b.—bus* встречаются непривычные для античной письменности контракции, причем лишь в нескольких словах: *DS* (*deus*), *SPS* (*spiritus*) и в имени Иисуса Христа, выписанном греческими буквами *ΙΗΣ ΧΡΣ*. В рукописях V—VI вв. к ним были добавлены *DNS* (*dominus*) и *SCS* (*sanctus*). Таким образом в латинских христианских текстах сложилась группа из шести «священных имен», получивших в палеографии наименование *nomina sacra* (сокращенно *NS*). Переписчики обычно писали их крупнее, даже выводили их золотом или серебром, всегда покрывали их чертой. По этому образцу были затем образованы контракции *eps* (*episcopus*), *pbr* (*presbyter*, т. е. священник), *pr* (*pater*), *mr* (*mater*), *nr* (*noster*), *vr* (*vester*) и многие другие. Они никак особо не выписывались, но черта над ними проводилась всегда. К греческой форме *ΙΗΣ ΧΡΣ* добавилась

αδ	aliud	γλα	gloria
αγγελς	angelus	γλορι ^{ma}	gloriosissima
αια	anima	γρα	gratia
αιτιο	animatio	ικοτιτ ²	incontinenter
βα	beata	ιτι ^e	intelligentie
βηφο	beneficio	ιρας	litteras
γρη ^{ke}	comprehensibile	μη ^o	matrimonio
γρηmittet ¹	compromittetur	μηορς	misericors
γφρια	confratria	μηια	misericordia
γσιδα ^{oe}	consideratione	οις	omnis
γσπερς	conspectus	πρηια	presentia
κδιβ ^o	credibilia	πρηον ²	personaliter
δειρι	demonstrari	πρηατ ²	probatum
διμι ⁱ	diminutione	ρηι ^o	remissio
ελεντα	elementa	σρητ ²	scriptum
φμη	falsum	υτε	virtute
φμη ²	futurum	υτιρ	utiliter

Рис. 4. Контракции

также латинская форма IHS CHRIS (или XPS); все они бытовали в течение всего средневековья¹. В косвенных падежах контракции сохраняли свои согласные с добавлением окончания (например, *pris* — *patris*, *pro* — *postro* и т. д.).

Латинские *nomina sacra* появились в результате подражания греческим аналогичным контракциям; последние были многочисленнее (16 вместо латинских 6), но в дальнейшем так и не развились в сложную и обширную систему контракций светского характера, как это имело место в Западной Европе.

В каролингскую эпоху, когда *nomina sacra* еще очень выделялись среди прочих сокращений, один из писателей середины IX в., Христиан из Ставело, дал им такое объяснение: «Имена божьи должны писаться прикровенно, ибо имя божие не может быть выражено в буквах. Если же означает человека (имелось в виду слово *dominus*. — А. Л.), пишется всеми буквами». Однако такое написание не было всеобщим и обязательным, так как в рукописях раннего средневековья обнаруживаются сокращения *dns* (*dominus*) в смысле «господин», т. е. в применении к человеку и *scs* (*sanctus*) в применении к святому человеку, а не только в сочетании *spiritus sanctus* (святой дух). Вместе с тем, хотя и реже, встречаются выписанные целиком слова *deus* и *dominus* в применении к богу. В дальнейшем *nomina sacra* сделались обязательными, но слова *dominus*, *spiritus*, *sanctus* сокращались во всех случаях, независимо от контекста, т. е. даже и не имея «священного» смысла. Вообще *nomina sacra* как бы растворились в огромной массе прочих контракций, отеснивших суспензии на задний план.

Происхождение христианских контракций впервые исследовано Людвигом Траубе (Traube). Он считал, что этот принцип был заимствован из еврейской письменности, где имя божие имело начертание из четырех знаков (так наз. тетраграмма, звучание которой было известно лишь священникам). Она выражала имя божие «прикровенно». При переводе библии на греческий язык тетраграмма была сперва сохранена; она встречалась в греческих текстах еще в конце IV — начале V в. Однако наиболее употребительной стала ее передача при помощи контракций $\Theta\varsigma$ ($\Theta\epsilon\omicron\varsigma$ — бог) и $\text{Κ}\varsigma$ ($\text{Κ}\Upsilon\text{ΡΙ}\omicron\varsigma$ — господь), по образцу которых были созданы контракции $\text{Ι}\text{H}\varsigma$ и $\text{Χ}\text{Ρ}\varsigma$, а затем и остальные греческие *nomina sacra*. Черта над ними не была в ту пору знаком сокращения; она соответствовала нашему подчеркиванию, т. е. привлекала к «священному имени» особое внимание. Из греческих текстов этот прием был перенесен в латинскую письменность при переводе библии на латинский язык.

Теория Траубе была оспорена Рудбергом (Rudberg) и недавно Паапом (Paap) в той ее части, которая касается связей греческих *nomina*

¹ Во французских документах сокращения *chrétienté* (*chrétienté*, т. е. христианство), *chrétien* (*chrétien*, т. е. христианин, христианский) и т. п. встречаются даже в XVII в.

сага с тетраграммой. Оба исследователя отрицают факт прямого воздействия тетраграммы в момент перевода библии на греческий язык. Рудберг искал прототип *potina sasga* в сокращенных формах написания имени императора в греческом курсиве. Он указывал, что *potina sasga* появились сперва в тексте евангелий (середина II в.) и уже затем были приняты при переписке книг ветхого завета. Паап использовал обширный новый материал греческих папирусов и констатировал медленность и постепенность формирования группы «священных имен». Наряду с их сокращенным начертанием очень долго сохранялось и полное выписывание всех букв; как и в латинских книгах, понятие особого смысла этих слов, «прикровенность» их написания, распространялась лишь постепенно.

Возможно, что будущие находки рукописных материалов и основанные на их изучении новые работы прольют больше света на вопрос о происхождении *potina sasga* в целом. В латинской письменности они сыграли очень большую роль в том отношении, что послужили образцами для образования массы уже совсем не «прикровенных» контракций.

В настоящем учебном пособии сокращения в различных типах средневекового письма рассмотрены в соответствующих главах и в текстах к таблицам, так как сокращения неразрывно связаны с развитием самого письма.

Словари сокращений

Специальные словари сокращений (*laterculi notarum*) появились еще в римскую эпоху, главным образом в связи с обилием сокращений в юридических памятниках (*notae juris*). Первый из них относится ко второй половине I в. н. э.; он частично дошел до нас в списках XV в.

Известны также словари раннего средневековья. В XIII—XV вв. исключительное развитие сокращений вызвало к жизни многие словари; особенной популярностью пользовался сборник «*Modus legendi abbreviaturas in utroque iure*» («Способ чтения сокращений, применяемых в праве», буквально «в обоих правах», т. е. в церковном и римском праве).

В XIX—XX вв. палеографы собрали, систематизировали и изучили огромное число сокращений (Lindsay, Bains, Schiaparelli, Togo, Chassant, Capelli). Основные латинские и французские сокращения даны в учебнике Пру (Prou).

В палеографических исследованиях, в транскрипциях учебных таблиц, а также в так называемых палеографических изданиях отдельных наиболее ценных и важных рукописей (в этих изданиях воспроизведены все особенности письма) сокращения принято раскрывать, или ставя в скобках пропущенные буквы (например, контракция *pro* раскрывается *p[ost]ro*, суспенсия *dic* — *dic[it]* и т. д.), или набирая их курсивом и т. д.

ЦИФРЫ И ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

Цифры

В течение всего средневековья господствовала римская система цифр с той особенностью, что прием вычитания первого знака из второго (IV-4, IX-9 и т. д.) не применялся. Поэтому таблица цифр имела следующий вид: I, II, III, IIII, V, VI, VII, VIII, VIIII, X и т. д., L=50, C=100, D=500, M=1000.

Сотни и тысячи обозначались чаще всего с надписными буквами: III^c=300, V^m=5000 и т. д. В раннем средневековье тысячу изображали в форме положенной на бок восьмерки. Во Франции очень привился счет по двадцаткам, например: IIII^{xx}=80; он сохранился в названии чисел 80 (*quatre-vingt*) и 90 (*quatre-vingt-dix*).

Чтобы резче выделить в тексте цифры (ведь они имели форму букв **i u x l c d m**), их ограничивали от букв точками, например: .ccIII.=203. Для обозначения порядкового числительного после цифры ставилась надписная буква, например: C^o означало *centesimo*, VIII° — *octavo* и т. д. С конца X в. в грамотах стали обозначать дату при помощи комбинации цифр и слов, например: «a[nn]o d[omi]ni m^o ccc^o quarto» — «в 1304 г. от года господня», т. е. н. э.

Арабские (т. е. индийские) цифры проникли в Испанию в X в., затем и в другие страны Западной Европы. Однако в широкий обиход они внедрялись медленно, так как скорость начертания еще не играла большой роли, а форма римских цифр казалась надежнее — их труднее было спутать друг с другом, чем арабские. Последние употреблялись сперва в учебниках и в специальных трактатах; в официальных документах и счетах они были даже запрещены. В Италии арабские цифры стали распространяться в XIII в., в других странах — в XV—XVI вв.

Хотя индийцы издавна употребляли ноль, на Западе он появился не ранее XII в. и назывался арабским термином *цифр* (пустой); от него образовались слова *chiffre* (франц. в XIII—XVI вв.— ноль, затем — цифра) и *zefiro, zero* (итал., затем франц. и англ.— ноль). Форма арабских цифр в XV в. несколько отличается от нашей (см. табл. 44, правая колонка).

Знаки препинания

Знаки препинания появились только в процессе деления слов, т. е. в раннем средневековье. Античность их не знала; сплошное письмо (*scriptura continua* — см. гл. 4), в котором слова шли непрерывным потоком, не имело разделений. Однако системы пунктуации в средние века не сложились; представление о распадении текста на отдельные фразы и

о подразделении последних на части не отличалось четкостью. Правил не было и разделение текста во многом зависело от ритма речи.

В рукописях V—IX вв. пунктуация развивалась параллельно процессу разделения текста на отдельные фразы и слова. Сперва различались лишь две паузы: большая (соответствующая нашей точке) в виде точки наверху строки и малая (наша запятая) — точка внизу строки. Затем роль нашей точки стала играть точка с запятой (;), ставившаяся также перед началом прямой речи, т. е. выполнявшая одну из функций нашего двоеточия. В каролингский период различали уже три паузы: большую, среднюю и малую, но знаки для них не были вполне единообразны. Нашей точке соответствовали —; или',; ; нашему знаку точка с запятой — . или : или ., ; нашей запятой — : или . Тогда же вошли в обиход кавычки и вопросительный знак в формах, близких к нашим.

В XII в. точка приобрела нашу форму, а запятая состояла из запятой и точки : . С XIII в. начинается полный разброд. В национальных языках складываются свои системы расстановки знаков препинания в соответствии с особенностями языка. Более или менее отчетливо они утверждаются в печатных книгах. Следует иметь в виду, что точки играли также и другую роль. Они ставились впереди и сзади цифр (см. выше), а также личных инициалов. Буква s между точками (.s.) означала слово *scilicet* — то есть. Как правило, описки и ошибки писцу запрещалось зачеркивать, чтобы не портить внешнего вида письма; он должен был писать слово или букву заново, а над ошибочными буквами (или же под ними) ставить точки.

РИМСКОЕ ПИСЬМО (I—V вв.)

Античность оставила средневековью богатейшее наследство в виде чрезвычайно развитой и разнообразной письменности. Материал, орудия письма, форма памятников письменности (кодекс, свиток, восковые таблички) — все это было к услугам молодых «варварских» народов, основавших в IV—V вв. свои государства на территории бывшей Западной Римской Империи, или живших за пределами ее границ на Севере и в центре Европы. К этому времени в римском письме выработались различные его виды, употреблявшиеся для разных целей — в книгах, документах, личных записях. Наконец, существовал огромный для той эпохи запас текстов: «языческое» наследство — литература, наука, философия, право; наследство христианское — библия, сочинения отцов церкви, христианская поэзия, литургические книги (применявшиеся при церковной службе) и т. п.

Все это накопленное веками богатство человеческой мысли, воплощенное в ясном и четком римском письме, средневековье использовало двояким способом. Та часть наследства, которая оказалась слишком сложной для только еще формировавшегося классового общества германских и кельтских народов (римское право, наука, философия, большая часть литературы) была в значительной степени сохранена, но как бы положена в долгий ящик; ее начали оттуда вынимать в XII—XIII вв., и особенно — в период Ренессанса. Другая часть — элементарные начала латинской образованности и все христианское наследство — была сразу же поставлена на службу христианской церкви, молодой государственности и школе, которую лучше всего обозначить как начальную, ибо она давала лишь самые элементарные знания.

В III—V вв. погибло немало ценных рукописей и некоторые произведения античных авторов исчезли безвозвратно; но в целом и в самом важном античная культура пережила создавшее ее общество и вскормила новые жизнеспособные европейские народы. Наличие развитой письменности было тем обязательным условием, которое сделало возможной непрерывность в развитии европейской культуры.

Эти факты объясняют важность и необходимость изучения средневековыми римского письма I—V вв. — хотя хронологически этот период не входит в эпоху средневековья — для исследования письма средневекового. Как раз в части усвоения письменности, как таковой, раннее средневековье оказалось не просто способным, но и талантливым учеником. Оно не только не искажило римского письма, но, сохранив его, развило дальше и внесло в него много свежих оригинальных моментов. Оно любило и почитало книгу, украшало ее и радовалось ей. Многие кодексы даже раннего средневековья приводят в восхищение наш изощренный и требовательный вкус, а книги эпохи развитого феодализма зачастую представляют собой настоящие произведения искусства.

Известная преемственность в развитии общечеловеческой культуры, преодолевающая пропасти, разделяющие общества разных социально-экономических формаций (пропасть между поздней античностью и ранним западноевропейским средневековьем в этом отношении наиболее велика), ни в чем, может быть, не сказывается столь отчетливо, как в развитии письменности. Молодой народ, получающий письмо от народа погибшего или от старшего соседа, сразу становится вровень со своим учителем, а при благоприятных условиях вскоре его обгоняет. История знает этому много примеров.

Использование латинского письма германскими и кельтскими народами, населявшими в начале н. э. Европу за пределами (а частично и в пределах) границ Римской империи, неразрывно связано с судьбами их языков и соотношением последних с латинским языком. Важнейшим условием для развития письма является его алфавит, воплощающий в графической форме первичные звуковые элементы языка данного народа. Латинский алфавит был воспринят нероманизированным населением Западной Европы (см. гл. 5).

Латинский алфавит в I—V вв. н. э.

Латинский алфавит I в. н. э. представлял собой итог длительного развития на итальянской почве греческого и этрусского письма в римское. Вопрос о его происхождении является спорным. Возможно, что влияние на него одного из западных греческих алфавитов не было непосредствен-

ным и что латиняне (как и другие италийские народы) заимствовали этрусский алфавит, сложившийся на основе греческого; об этом свидетельствуют и названия некоторых букв латинского алфавита.

Победа латинского алфавита над многими италийскими алфавитами и постепенное их вытеснение обусловлены политической гегемонией Рима над всем полуостровом. До III в. до н. э. письменность была развита слабо и лишь в I в. до н. э. закончилась долгая стадия формирования римского алфавита, установились его постоянный состав из 23 знаков и их основная форма. Отличие от современного латинского алфавита заключается в отсутствии особых знаков для полугласного *j* и согласной *v*. В Риме и в средневековье *i* в равной мере означало *i* или *j*, *u*—*u* или *v*; особые знаки для *j* и *v* появились лишь в XVI в.

В I—V вв. н. э. происходила значительная графическая эволюция букв латинского алфавита; при сохранении основы форм букв менялись способы их начертания. Смысл этого процесса состоял в поисках наиболее рациональных, т. е. простых форм. Однако в письме далеко не всякая простота является рациональной. Можно придать знакам наипростейшие формы квадрата, треугольника, трапеции и т. д. и т. п., но письмо от этого еще не станет легко читаемым и легко начертываемым. Легкость чтения обуславливается такими формами букв, которые соединяют простоту с дифференцированностью, не позволяющей спутать их друг с другом. При наличии подобных форм глаз может легко читать текст, т. е. схватывать разом группу букв — слово, и даже несколько слов. Легкость начертания связана с той же дифференцированностью букв и с возможностью их постановки в определенной близости друг к другу.

На рубеже н. э. римское письмо было в этих отношениях еще далеко не совершенным. В I—V вв. были достигнуты значительные успехи и заложена основа для дальнейшего развития в VI—VIII вв., которое закончилось установлением в начале IX в. таких форм букв, которые почти не отличаются от современного нам латинского алфавита.

Римское письмо I—V вв.

Раздел латинской палеографии, посвященный римскому письму I—V вв., долгое время не привлекал особого внимания. Его рассматривали скорее как введение в историю средневекового письма, чем как самостоятельный раздел. Немногочисленные дошедшие до нас памятники письменности той поры считались достаточно изученными. Наиболее значительные их группы — надписи на камне и на металле составляли предмет исследования особой вспомогательной дисциплины — эпиграфики; ими занимались историки античности и классические филологи. Палеографов же больше всего интересовало трудночитаемое письмо восковых

табличек I—II вв., папирусных документов и помпейских стенных надписей (граффити). Расшифровка их потребовала больших усилий, увенчавшихся полным успехом. Письмо надписей и книг, наоборот, не представляло особых трудностей, особенно после того, как была раскрыта система применявшихся в надписях сокращений (специальных знаков и суспензий).

Ограниченное число памятников затрудняло изучение развития письма. Генетическая связь между ними прослеживалась с трудом, тем более, что датировка была во многих случаях очень приблизительной. Поэтому принятая в науке классификация носила преимущественно типологический характер. Графическая эволюция во многих случаях объяснялась лишь особенностями, проистекающими из свойств писчего материала (воск, камень, металл, папирус, пергамент).

Основы классификации различных видов римского письма были заложены мавристами. Затем в XIX — первой половине XX в. была разработана его история, принятая во всех учебниках, руководствах и исследованиях. Исходными положениями в этой концепции являются: 1) наличие резких различий между двумя основными типами письма — книжным и курсивным, 2) параллельное и самостоятельное их развитие в течение всей эпохи Римской империи, приведшее в конце V в. к господству в книгах письма четкого, красивого, но медленного (унциал), а в документах — письма быстрого, но некрасивого и трудночитаемого (новый римский курсив). Этот этап считается последним в истории римского письма.

Соединение достоинств письма, т. е. четкости и красоты в книгах и быстроты в начертании в документах, равно как и устранение недостатков, т. е. медленности и некрасивости, было достигнуто уже на следующем этапе, в VI—VIII вв. В период раннего средневековья происходил синтез элементов книжного и курсивного письма, закончившийся появлением четкого и относительно быстрого письма (каролингского минускула). Из такого хронологического расчленения на два этапа вытекало и отношение палеографов к римскому периоду как к подготовительному, так как важнейший момент в развитии книжного письма — создание строчных букв современного латинского алфавита — был отнесен на конец VIII в.

В 1940—1950 гг. появилась другая теория развития римского письма, основанная как на привлечении нового материала, так и на использовании новой методики палеографического исследования (см. гл. 1). Проблема римского письма приобрела в науке дискуссионный характер. Теперь этот раздел латинской палеографии является одним из самых интересных как по своему конкретному содержанию, так и по его значению для разработки важнейших проблем истории письма в целом.

Прежде чем излагать содержание обеих теорий, необходимо ознакомиться с основными группами памятников римского письма I—V вв.

Основные виды римского письма

Древнейшей формой латинского письма является «капитальное письмо» надписей на камне и на металле. Целевое назначение надписей и техника высекания на камне определили большие размеры и регулярность букв, тщательность их исполнения. То же письмо принимало при выцарапывании на металле более мелкие размеры и меньшую регулярность. В I в. н. э. направление письма слева направо было уже давно установившимся правилом¹ и буквы приобрели ровные очертания.

На папирусе I в. (фрагменты свитков, найденные в Геркулануме) и в пергаментных книгах IV—V вв. (целые кодексы и фрагменты) повторялось письмо надписей, очевидно перенесенное с камня на мягкий писчий материал. Это предположение подтверждалось и тем, что как в надписях, так и в свитках и кодексах капитальное письмо существовало — и притом одновременно — в двух вариантах: 1) «капитальное квадратное» (*capitalis quadrata*) или «красивое» (*elegans*) и 2) «капитальное рустичное» (*capitalis rustica*), т. е. «деревенское», более простое (см. табл. 3 и 4). Все эти обозначения — более позднего происхождения.

До нас дошло (во фрагментах) лишь четыре кодекса, исполненных *капитальным квадратным письмом*; из них три содержат «Энеиду» Вергилия. Для этого письма характерны следующие признаки: большинство букв имеет почти квадратные пропорции, вертикали очень ровны и в буквах **e f** слегка поднимаются над строкой; округленные буквы представляют собой либо правильный круг (**o**), либо его части (**c g q**). Буквы поставлены свободно, отделены друг от друга четкими промежутками, расстояние между строками равно одному корпусу. Почти все буквы составлены из сочетания жирных и волосных; это очень хорошо видно в начертании букв **a u**. Дукт большинства букв состоит в том, что сперва проводится жирная линия, затем к ней присоединяется волосная. Орудием письма могли служить и калам и перо.

Капитальное рустичное письмо сохранилось в 23 книгах (целых кодексах и фрагментах) с текстами преимущественно классической литературы (Вергилий, Цицерон, Плавт и др.). Этому письму присущи вытянутые пропорции букв (5:3), овалы **o c q**, незначительные закругления **b r g**, очень тонкие вертикали. Последнее обстоятельство резко подчеркивает разницу между жирными и волосными. Орудия письма и дукт те же, что и в капитальном квадратном письме.

¹ Финикийское письмо имело направление справа налево; греческое сперва приняло его, затем сменило на метод «бустрофедона», «борозды», при котором одна строка идет в одном направлении, а следующая в обратном. Итальянское письмо постепенно перешло от бустрофедона к письму слева направо.

Разница между двумя вариантами капитального письма заключается в различных пропорциях букв и в неодинаковых промежутках между строками. В рустичном письме промежутки равны лишь половине корпуса; в соединении с удлинёнными формами букв это придает письму как бы суженный облик. Рустичное письмо «убористее», т. е. экономнее капитального примерно на 10—15%, что очень существенно для надписей на камне. Именно из удлинённой формы букв проистекают и отмеченные выше незначительные их особенности.

Капитальное письмо является маюскульным (*scriptura majuscula*), т. е. состоящим из одних прописных (по нашей терминологии) букв. Промежутков между словами нет, письмо сплошное (*scriptura continua*); лишь иногда в памятниках рустичного письма слова отделены друг от друга точками.

Хронологически следующим видом римского письма считается *унциал*, книжное письмо IV—VIII вв., сохранившееся преимущественно в пергаментных кодексах. Их общее число достигает (вместе с фрагментами) 400; по содержанию они разделяются на три группы: 1) тексты античных авторов, 2) античные юридические памятники, 3) христианские тексты. Последние преобладают настолько, что некоторые исследователи считают унциал «христианским» типом письма; это бесспорное преувеличение, тем более, что многие унциальные кодексы с произведениями античных авторов могли быть превращены в палимпсесты (см. гл. 2) или вообще не дошли до нас. Происхождение термина неясно. Возможно, что не лишено основания объяснение блаженного Иеронима (конец III—начало IV в.), выводившего это слово от *uncia* — двенадцатая часть, поскольку в колонке свитка, а затем и кодекса, помещалось около 12 букв (см. гл. 2).

Характерными для унциала считаются пять букв *a d e h m*. Иногда к ним добавляют еще четыре менее характерные буквы: *g q t u* (см. табл. 5). Важнейшей чертой унциала является округленность букв *d e h m*, что обычно приписывается возможности выведения круглых форм на гладком пергаменте. Волосные выражены в унциале слабее, чем в капитальном (особенно рустичном) письме. Пропорции букв близки к квадрату, но в некоторых случаях (*p m o r*) ширина их несколько больше высоты. Очень важно отметить, что в противоположность рустичному письму с его тонкими вертикалями, в унциале все вертикали и округления выведены жирно (см. ниже). Расстояние между строками не менее одного корпуса, письмо сплошное. В основном унциал тоже является маюскульным письмом, выносные коротки и немногочисленны; все же в нем заметно отступление от принципа размещения букв между двумя мысленно проводимыми линейками.

Римское деловое письмо дошло до нас в двух вариантах: 1) *старый римский курсив* восковых табличек I—II вв., 2) *новый римский курсив*

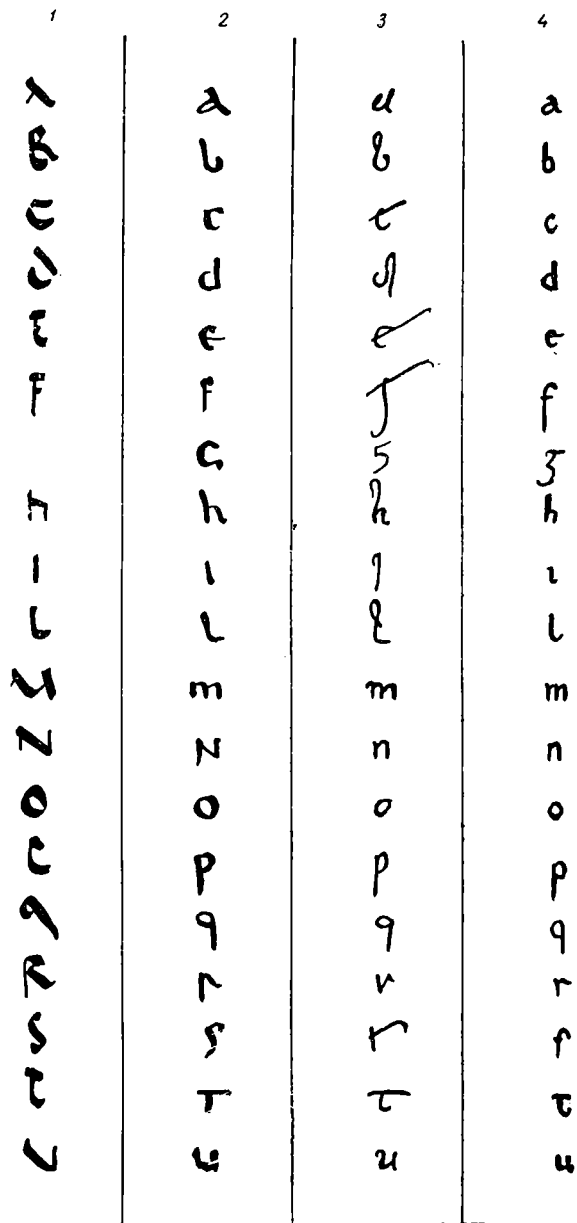

Рис. 5. Эволюция форм букв I—VIII вв.: 1-я колонка — обычное письмо I в.; 2-я колонка — обычное письмо III в.; 3-я колонка — новый римский курсив V—VI вв.; 4-я колонка — каролингский минускул конца VIII в.

папирусных документов III—VIII вв. Некоторые палеографы выделяют еще очень малочисленную группу памятников так называемого *среднего римского курсива*, применявшегося в IV—V вв. в императорской канцелярии. Однако это письмо является скорее всего пережитком и стилизацией письма I—II вв.

Термины, прилагаемые к римскому курсиву, были созданы палеографами.

Старый римский курсив восковых табличек¹ состоит почти целиком из вертикалей или слегка изогнутых дуг. Буквы как бы распадаются на отдельные вертикали: **a** — на две, **n** — на три, **m** — на четыре; **o** состоит из двух отдельных слабоизогнутых дуг и т. п. Обычно считалось, что эта черта письма вызвана характером материала (хотя образцы средневековых табличек показывают, что воск допускал скругления букв), но теперь можно считать доказанным, что курсив восковых табличек восходит к архаическим формам букв, а четырехчленная буква **m** повторяет этрусскую форму.

Новый римский курсив (см. табл. 6 и третью колонку на рис. 5) был широко распространен по всей Италии и применялся в документах, т. е. главным образом для записей на папирусе (см. гл. 2). Из числа дошедших до нас памятников наибольшая доля приходится на Равенну, где в IV—V вв. имел местопребывание императорский двор, а затем двор остготских королей. Равеннские папирусы содержат частные акты (утверждения завещаний перед городским магистратом); очевидно, таким же письмом были написаны и прочие частные акты в Италии.

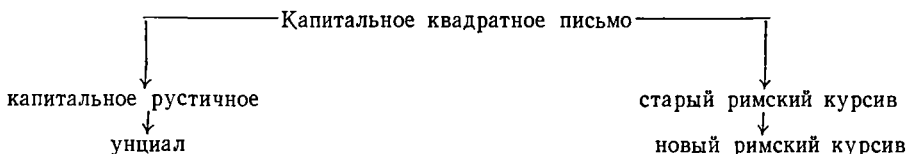
Для нового римского курсива характерны наклоненные вправо крупные буквы минускульного типа, т. е. с длинными выносными: вверх у **b c d e i l**, вниз у **r q**, вниз и вверх у **f s**. Благодаря этим формам, письмо укладывается не в две, а в четыре мысленные линейки. Другой чертой является связанность букв между собой. Иногда несколько букв выписаны вместе одним движением руки, но в ряде случаев 2—3 буквы слиты друг с другом неразрывно, т. е. их нельзя отделить без того, чтобы из той или иной не исчезла одна из образующих букву линий. Например, если из группы **ter** выделить **t** и **r**, то от серединной буквы **e** останется лишь одна косая черта, т. е. исчезнут линии, составляющие данную букву (см. также табл. 6 и текст к ней). Такие слияния букв называются «лигатурами». Они проистекают от быстрого движения руки, стремящейся выписать без отрыва наибольшее число знаков. Однако некоторые лигатуры выведены с отрывом руки, что, возможно, объясняется привычкой к тем или иным традиционным формам слияния; подобная традиция требовала соединения букв, но начертание их могло осуществляться и неслитно.

¹ См. таблицы в руководстве Стеффенса (Steffens).

В новом римском курсиве почти нет различия между жирными и волосными. Буквы начертаны с одинаковым нажимом калама (перо не применялось). Расстояния между строками очень большие, так как длинные выносные требуют широких промежутков. Разделение слов отсутствует, но небольшие промежутки между группами связанных букв создают в некоторых случаях иллюзию распада строки на отдельные части.

Схема развития римского письма

Старую теорию развития римского письма можно изобразить в виде следующей схемы:

Согласно этой теории, исходным пунктом всего развития послужило монументальное по размерам и формам капитальное квадратное письмо надписей. Перенесенное в книги оно затем несколько вытянулось (рустичное письмо), а позже, на пергаменте, закруглилось (унциал). В книгах все три вида письма оставались маюскульными.

Из того же квадратного письма образовался — также маюскульный — старый римский курсив. На воске он деформировался в частоконвертикалей, но на папирусе эти слишком нечеткие формы приобрели большую ясность и закруглились, образовав новый римский курсив, который и является первым минускульным типом латинского письма.

Теория Ж. Маллона

Французский палеограф Ж. Маллон (Mallon) выступил в 1940—1950 гг. с новой теорией. В разработке ее приняли также большое участие Р. Маришаль (Marichal) и Ш. Перра (Perrat).

Материалом для построения новой теории послужили как ранее известные памятники письменности, так и, главным образом, найденные в Египте и в Северной Африке за последнее полувековье многочисленные фрагменты папирусов, надписи, таблички и т. д. Особенно важны новые памятники I—III вв., которых до XX в. было крайне мало. Маллон не ограничился свитками, кодексами, табличками, но привлек также весьма широко эпиграфические памятники в качестве источников для палеогра-

фии (ранее надписи исследовались преимущественно со стороны их текста, а не письма, как такового). Стремясь исследовать все памятники письменности в их совокупности и независимо от типа применявшегося в них письма, Маллон в частности доказал взаимосвязь между монументальным письмом надписей и курсивным письмом эпохи. Резчик, выбивавший надпись на камне в капитальном письме, имел ее перед глазами, написанную в курсивном письме. Ошибочное чтение им некоторых букв приводило к ошибкам (причем, весьма характерным) в надписи, которые ученые пытаются исправить при помощи различных гипотез и натяжек. На деле эти ошибки объясняются формой некоторых букв в курсивном письме.

Объединение в процессе исследования всех памятников письменности подвело Маллона также и к проблеме внутреннего единства греческой и римской палеографии I—V вв. и заставило его сформулировать задачу рассмотрения письма античного Средиземноморья не в плане простого сопоставления некоторых типов письма, как это делалось раньше (Е. А. Thompson), а в плане изучения развития античного письма во всей его совокупности. Многие из наблюдений и соображений Маллона, а также Перра и Маришала свидетельствуют о возможности и необходимости именно такого построения истории письма I—V вв. в средиземноморских странах.

Возражения Маллона против старой теории касаются следующих положений.

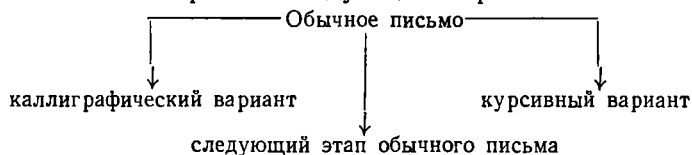
Невозможно доказать принятую этой теорией хронологическую последовательность этапов развития римского письма в книгах. Памятники, на которых они основываются, на деле существовали одновременно. Рукописи с «Энеидой» в капитальном квадратном письме не старше IV в., т. е. написаны в одно время с кодексами в рустичном письме и со старейшими из унциальных кодексов. Нельзя доказать генетическую связь между капитальным квадратным письмом и рустичным; между рустичным и унциалом существует графический разрыв, дукты у них разные. Недоказуема генетическая связь между старым и новым римскими курсивами. У них также разные дукты, графически их формы не выводятся одна из другой.

Неоправданным является резкое деление письма на книжное и деловое. Новые материалы показали, что для многих книг применялось почти то же письмо, что и для актов. Не следует также считать минускулом только новый римский курсив. Уже в III в. появился минускул в книгах.

Маллон не считает необходимым разделять капитальное письмо на квадратное и рустичное. По его мнению, существовал лишь один вид каллиграфического капитального письма, которое начиная со II в. приобрело не две, а несколько разновидностей.

Главный тезис теории Маллона заключается в том, что развитие письма совершается в сфере «обычного письма» (*écriture commune*, *écriture vulgaire*, *écriture usuelle*), т. е. письма, наиболее распространенного в данную эпоху, которым пишет основная масса грамотных людей. Обычное письмо не обладает каллиграфичностью, ибо она требует специальной выучки. Оно применяется главным образом в письмах, разного рода записях и черновиках и может варьировать в смысле тщательности написания. Все важнейшие изменения, эволюция форм букв, изменение приемов письма и т. п. происходят именно в обычном письме. От этого главного ствола письма ответвляются его каллиграфические варианты, предназначенные для памятников особого рода. Эти варианты неспособны к дальнейшему самостоятельному развитию и являются своего рода тупиками в истории письма. Из обычного письма возникают и особые формы курсивов, применяющиеся в канцеляриях либо для крайне беглых записей.

Типологически (т. е. для каждого этапа в развитии письма), схему Маллона можно изобразить следующим образом¹:

В истории римского письма I—V вв. Маллон различает два этапа: I—II вв. и III—V вв.

В I—II вв. у римлян существовали два вида письма, восходившие к более древнему, памятников которого на мягком материале не сохранилось. Один вид письма — главный, Маллон называет «классическим обычным письмом» (*écriture commune classique*) и определяет его как письмо довольно мелких размеров и курсивное (в том смысле, что этот термин означает известную связность в начертании букв, см. гл. 1). Оно употреблялось для книг и актов и графически варьировало в зависимости от цели и характера памятника. Другой вид — «капитальное» письмо являлось каллиграфическим вариантом, имело крупные буквы, сильный нажим и применялось для роскошных книг, афиш, торжественных актов и т. п.

Начиная с середины II в. и до середины III в. в письме происходила перемена, приведшая к появлению «нового обычного письма» (*nouvelle écriture commune*), называемого также «первоначальным минускулом» (*minuscule primitive*), и унциала в качестве каллиграфического варианта. Так же как и на первом этапе, обычное письмо варьировало в зависимости

¹ Маллон не приводит схем, но мы считаем нужным прибегнуть к этому приему в целях большей наглядности.

сти от орудия письма, степени тщательности и т. д. Унциал, наоборот, изменялся очень мало на протяжении всех пяти веков своего существования.

Эту перемену Маллон иллюстрирует на двух наиболее показательных, по его мнению, образцах разного обычного письма в книгах. Первый образец — письмо фрагмента пергаментного кодекса конца I в. (с текстом *De bellis macedonicis*), второй — фрагмент папирусного свитка III в. (с текстом *Epitome Livii*). Алфавиты письма этих фрагментов даны на рис. 5 в первой и второй колонках.

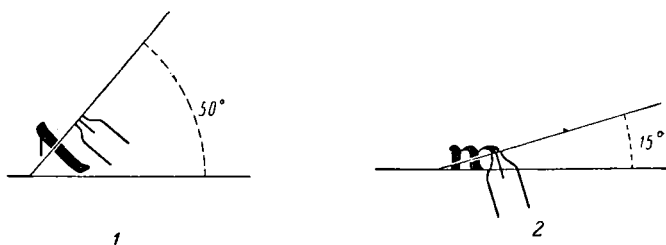

Рис. 6. Угол письма: 1 — при обычном письме I в., 2 — при обычном письме III в.

Коренную разницу между двумя этапами в развитии обычного письма Маллон определяет следующим образом. Письмо I в. имеет жирные горизонталы и косые линии, вертикали выведены тонко. В письме III в., наоборот, вертикали выведены жирно, а горизонталы — почти волосные. Изменился и дукт письма. На примере букв **В** и **Р** показаны перемены, приведшие от форм обычного письма I в., с одной стороны, к курсиву восковых табличек, с другой — к обычному письму III в. и от него — к новому римскому курсиву (см. табл. 7).

Объяснение этого перелома в дукте и в графических формах письма Маллон ищет в изменении угла письма. На образце письма I в. угол очень велик, в письме III в. он сильно уменьшается (см. рис. 6). Изменение угла письма было в свою очередь вызвано изменением в положении — по отношению к писцу — писчего материала. В первом случае писчий материал лежал параллельно плечам писца, во втором случае — наискосок налево, как и мы теперь держим при письме лист бумаги или тетрадь.

В чем причина всех этих изменений, и в первую очередь изменения в положении писчего материала? Сперва Маришаль высказал гипотезу, что все дело в замене свитка кодексом. Свиток лежал на доске на коленях писца параллельно его плечам; отдельные листы кодекса можно было положить наклонно. Однако образец письма I в. является фрагментом

кодекса, а образец письма III в. — фрагментом свитка. Возможно, что причину следует искать в сочетании многих факторов: положения писчего материала, способа держания в руке калама, способа его заточки и т. п. Можно предполагать, что новые находки папирусов I—V вв. подкрепят гипотезу Маришала или же опровергнут ее.

Отметим еще некоторые моменты, существенные для развития письма в раннем средневековье. Приведенный Маллоном образец письма I в. представляет собой свободное начертание букв, которые при традиционной классификации можно (хотя и с оговорками) назвать рустичным письмом. Оно является маюскульным, ибо выносные в нем еще незначительны. Наоборот, письмо III в. (*Epitome Livii* — см. табл. 8) имеет достаточно ясно выраженные выносные вверх (**b d h l**) и вниз (**f p q**); кроме того, и другие буквы почти не укладываются в две мысленные линейки. Письмо это представляет собой уже минускул со многими характерными для него чертами; поэтому оно и явилось базой для развития нового римского курсива с его ярко выраженными выносными. В то же время письмо «*Epitome Livii*» обладает большой свободой в начертании букв, что является характерной особенностью обычного письма вообще. В этом его отличие от более регуляризованных видов минускула в VI—VII вв. (так называемых полуунциалов и четверть-унциалов по старой терминологии), о которых речь пойдет в следующей главе.

Значение теории Маллона

Теория Маллона вызвала в кругах зарубежных специалистов оживленную дискуссию. Многие ее положения вызывают возражения. Но почти все согласны в признании за ней большой значимости. Сам Маллон менее всего стремится рассматривать свои взгляды как нечто законченное и завершенное. Но ясно, что он создал определенную систему взглядов на развитие римского письма и что эта система базируется на своеобразной и плодотворной методике исследования.

Значение этой методики заключается в том, что благодаря детальному исследованию технических приемов в работе писца становится возможным более углубленный анализ графических изменений, т. е. главного материала, на котором палеография строит свои заключения. Произведенное Маллоном изучение эволюции форм букв показало, что причиной ее были не эстетические требования (им подчинялся лишь каллиграфический вариант письма) и не свойства писчего материала (в I—III вв. папирус и пергамент применялись одновременно), но именно сам процесс письма как таковой, в котором очень важную роль играет угол письма, дукт, способ затачивания калама и т. п. Несомненно, что весь круг этих вопросов подлежит дальнейшему исследованию.

Выдвинутый Маллоном тезис об обычном письме как главном створе письма в целом имеет большое значение и должен быть проверен на истории письма дальнейших периодов, вплоть до XIX в. Он сосредоточивает внимание палеографов на изучении не каллиграфических вариантов, которые, раз возникнув, по существу не изменяются (хотя и имеют различные «стили»), а основного русла, находящегося в постоянном движении, так как именно в нем отражаются в своеобразном графическом преломлении потребности общества в развитии письма.

Однако это положение Маллона представляется правильным лишь для периодов достаточно развитой письменности и культуры, когда существует довольно широкий слой пишущих (а не просто грамотных) людей, писцы-профессионалы составляют среди них лишь некоторую часть, и написанные ими книги стоят очень дорого. В такие периоды широкое распространение получают книги, исполненные более свободным и небрежным письмом. Поэтому стираются резкие грани между книжным письмом и обычным; в книги проникает обычное письмо, а в самом книжном письме — в пределах определенного типа — создается множество вариантов. Такое явление в истории письма наблюдалось в I—V вв.; оно повторилось затем в более или менее аналогичных условиях в XIII—XV вв.

Наоборот, в периоды относительно слабого развития культуры и письменности сфера применения обычного письма очень сильно сокращается. В VI—XI вв. в Западной Европе грамота вообще и искусство письма в особенности стали достоянием лишь узкого круга духовных лиц; в таких условиях монахи-писцы, т. е. писцы-профессионалы естественно составляли в среде пишущих основную массу. В связи с этим изменился и характер книжного письма в том смысле, что каллиграфические элементы в нем не только усилились, но и стали решительно преобладать. Книжное письмо превратилось чуть ли не в единственный тип письма вообще, проникло в немногочисленные грамоты (это особенно характерно для IX—XII вв.) и на известное время приобрело ту самую неподвижность, которая характерна для каллиграфических вариантов.

Очень интересен также вывод Маллона о появлении минускула в обычном письме, проникшем также и в книги уже в III в. Это означает, что важнейший перелом в развитии латинского письма произошел в римскую эпоху с ее богатой культурой и разнообразной письменностью.

ПИСЬМО РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (VI—VIII вв.)

Письмо раннего средневековья отличается необыкновенным разнообразием, которое объясняется двумя главными причинами. Во-первых, очень разнообразной была сама письменность, унаследованная «варварскими» народами от Рима. В книгах, частных актах, документах императорской и провинциальных канцелярий, в личных записях и т. п. царило множество вариантов обычного римского письма, выработанных еще в III—V вв. Во-вторых, это многообразное наследие было по-разному воспринято и переработано в отдельных центрах — епископских и монастырских скрипториях (мастерских письма), в зависимости от многих местных условий, часть которых из-за недостатка источников не поддается определению.

Развитие письма в раннем средневековье представляет собой своего рода парадокс. Падение — по сравнению с античностью — общего уровня образования и вообще чрезвычайное сокращение как числа памятников письменности, так и числа грамотных людей сопровождалось интенсивным развитием письма в том смысле, что оно разбилась на множество отдельных вариантов, из которых почти каждый имел те или иные особенности. Относительная изолированность скрипториев еще более усугубляла это разнообразие.

Основным содержанием процесса развития письма в VI—VIII вв. было преодоление этого разнообразия и тяготение к унификации. В результате многих поисков (почти в каждом из скрипториев эти поиски совершались самостоятельно), к концу VIII в. создался единый тип письма, вполне рациональный сам по себе и пригодный для целей, которые церковь и государство предъявляли в ту пору к пись-

менности. Раннесредневековое письмо Западной Европы началось с необыкновенного разнообразия и завершилось необыкновенным единством.

Раннесредневековая письменность

Раннесредневековому письму нельзя дать общей графической характеристики: она возможна лишь для отдельных его видов (см. ниже). Отметим главные черты самой письменности. Прежде всего надо подчеркнуть разницу между странами романизованными (Италия, Галлия, Испания) и нероманизованными (Германия, Англия, Ирландия, Скандинавия). Это различие касалось языка и — поскольку латинская письменность проникала вместе с христианством и благодаря ему — темпов христианизации.

В романизованных странах христианство было уже давно укоренившейся религией. Язык основного населения представлял собой народную латынь, из которой в дальнейшем выработались национальные языки романской группы — итальянский, французский, испанский. Латынь была воспринята завоевателями — германцами, внесшими в нее некоторые элементы своих языков. Христианская письменность на латинском языке — единственная форма письменности, также была давно привычной и понятной для всех грамотных людей, т. е. по преимуществу духовных лиц.

Иначе обстояло дело в других странах. Христианизация Германии, Англии и Ирландии происходила в течение VI—VIII вв. и довольно медленно; в Скандинавии она заняла еще больший срок. Проникавшая вместе с христианством латинская письменность была совершенно чуждой как по языку, так и по графическим формам. Кроме того, в этих странах уже давно существовало свое письмо. Наличие и характер первоначальной письменности у североевропейских народов до христианизации является одним из интереснейших вопросов истории их культуры и составляет часть большой проблемы о возникновении письменности на определенном уровне развития общества. К сожалению, разработка этого вопроса затрудняется скудостью источников.

Руническое письмо

У германских народов существовало в дохристианскую эпоху письмо, называвшееся рунами (гип, гупа, гупар) от древнегерманского корня гу, т. е. «тайна»; как и многие народы на аналогичной стадии развития, германцы приписывали письму тайную магическую силу. Древнейшие из

числа дошедших до нас памятники рунического письма относятся к III—IV вв. В Германии оно вышло из употребления после христианизации саксов в конце VIII в.; во Фризии, Дании и англосаксонской Англии рунические надписи дожили до XI в.; в Швеции — до XIII в., а на острове Готланд даже до XVII в.

Руны применялись главным образом в коротких надписях на надгробиях и памятных камнях (поставленных в память об умерших не на могилах), на дереве и различных предметах (оружии, украшениях). Сохранилось также несколько рукописных книг XII—XIV вв., написанных руническим письмом. Тогда же для частных записей широко применялись пунктированные руны.

Алфавит рун назывался futhark (по первым буквам). В Скандинавии, где руническое письмо развилось больше всего, «старший футарк» имел 24 знака, «младший футарк» — 16. Англосаксонское руническое письмо состояло до IX в. из 28 букв, затем их число увеличилось до 33. В XI в. в Дании (возможно, что также и в Норвегии) под воздействием англосаксонских рун появились так называемые пунктированные руны, распространившиеся в XII—XIV вв. по всей Скандинавии. Фонетический порядок алфавита рун не имеет ничего общего со звучанием латинских, греческих и других букв; в рунах имеются также знаки для характерных звуков германского языка (например, для звука th).

Формы рунических букв крайне просты (рис. 7). В большинстве случаев буква представляет собой вертикаль с добавлением одной или нескольких косых линий; их различное расположение по отношению к вертикали и придает букве ее отличительный вид. Благодаря тому, что косые линии подходят к вертикали под острым углом, все письмо имеет резко выраженный характер угловатости. Горизонталы и закругления в нем крайне редки.

Происхождение рунического письма неясно; существует несколько гипотез о влиянии латинского, греческого, этрусского алфавитов (в альпийских областях северные этруски и южные германцы были соседями). Возможно, что руны появились и развились самостоятельно. Прimitивность их формы свидетельствует о большой древности, а характер угловатых начертаний позволяет предположить, что они возникли как резьба ножом на деревянных палках.

Особенно важно отметить острую угловатость графических форм рунического письма для истории раннесредневекового латинского письма в Англии. Руны принадлежали языческой эпохе и были вытеснены христианством; победило принесенное с континента развитое латинское письмо христианских книг. Однако латынь не вытеснила староанглийский язык; в VI—XI вв. законы, многие хроники, сочинения церковных писателей и даже грамоты составлялись на национальном языке; на него переводились тексты с латинского языка. Для их записи надо было при-

способить латинский алфавит. Поэтому в латинское письмо на староанглийском языке было введено несколько дополнительных знаков для звуков, отсутствовавших в латыни; их угловатые формы несхожи с латинским письмом (унциалом и другими типами письма). Кроме того, руническое письмо sporadически применялось в Англии вплоть до XI в. также и в книгах, т. е. не менее пяти веков существовало параллельно (хотя и в несравненно меньшем объеме) с латинской письменностью.

Рис. 7. Руническое письмо: *а* — старшие руны (III—VIII вв.), *б* — младшие руны (IX—XI вв.), *в* — пунктированные датские руны (XI в.)

Для средневекового письма Германии и скандинавских стран также характерна значительная угловатость; благодаря длительному существованию там готического письма с острыми формами букв (см. гл. 7 и 9) следы ее сохранились вплоть до XX в.

Огамическое письмо

У кельтских народов Ирландии, Уэльса и Шотландии существовало свое дохристианское письмо, называвшееся огамическим (по имени его мифического изобретателя Огама). Происхождение этого письма столь

же неясно, как и происхождение рун. Возможно, что оно восходит к тайным знакам кельтских друидов (жрецов). Обычно считается, что латинский алфавит и руны оказали некоторое влияние на его возникновение; во всяком случае огамические и рунические знаки до известной степени родственны.

Огамическая письменность возникла не ранее IV в.; ее применяли для коротких надписей на палках, щитах, надгробиях. Алфавит состоял из 20 букв, начертание которых похоже на своего рода «зарубки». От горизонтальной линии вверх или вниз отходят прямые или косые черточки; в других случаях черточки отходят влево или вправо от вертикальной линии. Эти вертикальные или горизонтальные линии являются как бы осью, на которую нанизаны черточки, образующие букву. Иногда прямой край камня или какого-либо предмета играл роль осевой линии.

Огамическое письмо было тайнописью, т. е. знали его лишь жрецы. Затем это знание перешло к христианским монахам и письмо употреблялось даже для церковных надобностей; существовали особые «церковные огамические письмена». Наиболее ранний источник книжного огамического письма относится к XIV в.; следовательно, хотя и в крайне ограниченных размерах, письмо еще жило в это время.

Готское письмо

Для живших на нижнем Дунае готов при их христианизации в IV в. было создано особое письмо. Епископ Вульфилла (ум. 383 г.) использовал для него греческий алфавит. После переселения готов в Италию и Испанию это письмо при соприкосновении с латинским несколько изменилось — стало прямее. По своему характеру это маюскульное письмо. Готским письмом писались одни лишь литургические книги на готском языке. Сохранилось пять библий V—VI вв., в том числе хранящийся в Упсале знаменитый «серебряный кодекс» (Codex Argenteus), исполненный в первой половине VI в. золотом и серебром на пурпурном пергаменте. Готы придерживались арианства — вероучения, осужденного христианской церковью. Когда они отказались от него и стали католиками, они приняли латинский язык и римский обряд богослужения; готский язык и готское письмо исчезли из употребления.

Упадок образования и школ в VI—VII вв.

Упадок античной культуры начал сказываться еще в IV—V вв.; в последующие два столетия он проявился в полной мере. Светские школы исчезли совсем, количество церковных школ было очень невелико. Обу-

чение в начальных школах свелось к заучиванию наизусть псалтыря и к привитию элементарной грамоты, т. е. умения медленно читать тот же псалтырь и еще более медленно выписывать буквы. В школах «семи свободных искусств» сохранились незначительные элементы латинской образованности в области грамматики, риторики, арифметики, астрономии, музыки. К этому надо добавить чтение «Энеиды» Вергилия, знание библии и знакомство с произведениями отцов церкви (т. е. богословов III—VI вв.). Латинский язык был базой этой образованности, скудной по сравнению с богатством античной культуры, но вполне достаточной для самых первых этапов жизни раннесредневекового общества с его низким уровнем развития производительных сил, натуральным хозяйством и начальными формами государственности.

Образование в ту пору нужно было только церкви, но для разных слоев духовенства требовался разный его уровень. Основная масса низшего духовенства в сельских местностях и в немногих городах обладала лишь элементарной грамотностью, поскольку христианская церковная служба велась по литургическим (т. е. содержащим текст службы) книгам. Для небольшой группы высшего духовенства необходим был довольно обширный по тому времени запас сведений в области богословия, хорошее знание библии и некоторое знакомство с латинской литературой и позднеантичной философией. Многие епископы и аббаты богатых монастырей играли политическую роль, были советниками королей, выполняли дипломатические поручения. Некоторые испанские и галльские епископы, выходцы из испано-римских и галло-римских семей (Григорий Турский, Исидор Севильский) составляли обширные труды по истории и даже энциклопедии, используя рукописи с произведениями античных авторов. Этим объясняется живучесть латинской литературной традиции (хотя и в сильно сокращенном размере), а следовательно, и живучесть античных традиций в письменности.

В VI—VII вв. в странах Западной Европы появились монастыри. Среди монахов также встречались образованные люди, читавшие книги монастырской библиотеки, где среди христианских текстов хранились античные рукописи IV—V вв. с текстами «Энеиды» Вергилия и других латинских классиков.

Церковные скриптории

В связи с упадком образования не могла не сократиться и переписка книг. Некогда процветавшие в крупных городах Италии и южной Галлии мастерские письма перестали работать на продажу и растеряли прежних заказчиков. Однако они не погибли, а оказались в руках под-

линных властителей городов в ту пору — епископов. Почти при всех кафедральных (т. е. епископских) церквах появились свои скриптории и библиотеки, состоявшие главным образом из рукописей с библейскими текстами и трудами отцов церкви. По мере развития монашества такие же скриптории возникали и в монастырях, которые в то время строились преимущественно в городах или в непосредственной близости от городов (надо помнить, что сами города VI—IX вв. мало чем отличались от сел).

Церковные скриптории повсюду были организованы на один лад. Переписывание священных книг считалось богоугодным и благочестивым делом. Оно требовало самого бережного отношения и большого профессионального искусства. Соответственно этим требованиям подбирались в скрипторий писцы. Книги представляли собой большую материальную ценность, хранились в запертых шкафах и считались частью сокровищ данной церкви или монастыря.

Под скрипторий обычно отводилось светлое и просторное помещение (искусственный свет был запрещен при переписке книг), но иногда писцы, особенно из числа заслуженных, работали в своих кельях. В скриптории царствовали тишина и строгий порядок. Писец списывал текст с лежавшей перед ним рукописи, которая могла принадлежать монастырской библиотеке. В таком случае копия требовалась для замены обветшавшего кодекса или для подношения какому-либо знатному лицу. Для VI—VIII вв. еще нельзя с уверенностью говорить о том, что копия кем-либо заказывалась и оплачивалась. Но часто скриптории одалживали (иногда под залог) друг другу кодексы для списывания. Это делалось в тех случаях, когда хотели получить копию с произведения, отсутствовавшего в монастыре.

Писец не имел права вносить в свою копию какие-либо изменения текста, даже в случае явной ошибки. Это мог сделать лишь редактор, который тщательно сверял копию с той рукописью, которая послужила писцу для списывания. На многих средневековых рукописях остались следы работы редакторов: исправления ошибочных букв и слов, вставки пропущенных слов и фраз и т. д.

Писец писал лишь черный текст, оставляя — если это требовалось — место для красных строк, инициалов, украшений. Впрочем, красные строки (рубрики) он часто вписывал затем сам. Инициалы и миниатюры делал иллюминатор (поэтому изукрашенные рукописи называются иллюминированными), в большинстве случаев такой же мастер своего дела, каким был писец в области каллиграфии.

Труд писца был тяжелым. Он требовал большого внимания, физически был утомителен, так как сопровождался напряженным положением руки и корпуса. Один из писцов заметил в латинском двустии, что хотя «пишут только три пальца, работает все тело». Писцы

работали обычно шесть часов; они освобождались как от других работ, так и от посещения некоторых церковных служб.

Плоды их труда — рукописи VI—VIII вв. дошли до нас в относительно большом числе. Мы можем не только воочию убедиться, насколько хорошо писали эти писцы, по большей части безвестные и безыменные монахи, но и исследовать детальнейшим образом исполненные ими кодексы.

Кодексы раннего средневековья

Книги VI—VIII вв. — первенцы национальной письменности большинства западноевропейских народов — представляют собой огромную ценность как памятники культуры. От этих древних веков мало что сохранилось (немногочисленные надгробия, оружие, украшения, несколько зданий), и среди сохранившегося рукописи играют едва ли не важнейшую роль. В них дошли до нас тексты, в них сохранилось письмо; кроме того, сами по себе, они отражают уровень материальной и художественной культуры того времени по внешнему оформлению, украшениям и т. д.

Есть еще одна область истории, для которой древние кодексы являются важнейшими источниками, — история культурных связей. Благодаря большому разнообразию письма VI—VIII вв., его ярко выраженным местным особенностям, равно как и местному своеобразию украшения рукописей, в составе библиотек монастырей или кафедральных церквей можно обнаружить немалое число кодексов, прибывших из других мест. Итальянские, испанские, ирландские рукописи не являются редкостью во Франции и Англии, а некоторые рукописи этих стран переселяются за Альпы, в Германию и т. д. Кодексы-пришельцы свидетельствуют о многом: о степени распространения того или иного произведения, о связях между отдельными очагами письменности и образования, о взаимодействии отдельных типов письма. По ним можно порой установить наличие личных связей между деятелями культуры, о чем в письменных источниках имеются лишь редкие, разрозненные упоминания. Основной фонд сведений, которыми теперь располагает наука, почерпнут из всестороннего изучения самих рукописей.

Общее число дошедших до нас кодексов и фрагментов VI—VIII вв. не может быть установлено с точностью. Датировка многих из них приблизительна, и трудно установить твердую грань между V и VI вв. Для рукописей, исполненных таким неподвижным письмом, как унциал, датировка порой очень широка, охватывая оба эти столетия. Некоторое

представление дает общее число всех кодексов и фрагментов за период с конца I в. до конца VIII в., приведенных в труде Лоу (Lowe—CLA); оно достигает 1700, и памятники I—V вв. составляют меньшую часть.

О масштабах деятельности отдельных скрипториев можно судить по числу дошедших до нас рукописей. Для наиболее крупных мастерских ныне составлены такие списки; несмотря на неполноту (многие рукописи, несомненно, погибли), они представляют большой интерес. Так, например, в скриптории Луксейского монастыря в VII—VIII вв. было написано около 30 кодексов, во Флери — 36, в Корби — более 70. В подавляющем числе они содержат библейские и евангельские тексты, жития святых, проповеди, поучения, произведения отцов церкви, сборники постановлений церковных соборов и т. п. Лишь изредка встречаются исторические хроники.

Внешний вид кодексов

Внешнее оформление книг раннего средневековья очень разнообразно. Как правило, чем древнее рукопись, тем проще ее убранство. В VII в. и особенно в VIII в. наряду с совсем простыми встречаются и роскошные кодексы, отлично написанные и богато иллюминированные. Обычно это экземпляры библий, евангелий, псалтырей, изготовленные для королей и членов их семей, для пап, архиепископов.

В это же время окончательно сложился тип книги, который продержался в течение всего средневековья и оказал влияние на печатную книгу.

В большинстве случаев кодекс имел несколько удлиненную форму, по пропорциям близкую к типичному формату книги наших дней. Письмо располагалось, как правило, в две колонки, иногда оно сплошь занимало страницу. Титульных листов не было, но в начале и в конце текста выписывалось заглавие, предваренное словами *incipit* (начинается) и *explicit* (кончается). Заглавия, а также названия или начальные слова «книг», т. е. частей (по античной традиции произведение делилось на части, называвшиеся «книгами» — *libri*, каждая из которых занимала в свое время один свиток), выписывались обычно красным и назывались рубриками (лат. *ruber* — красный, отсюда наша «красная строка»). Для этих заглавий применялись торжественные маюскульные буквы капитального квадратного письма, рустичного или унциала. К VIII в. сложилась (в дальнейшем усовершенствованная) так называемая иерархия шрифтов, благодаря которой заглавия и первые строки частей резко выделялись среди текста (в наших книгах заглавие на титульном листе и названия глав также набираются крупным шрифтом). Первая буква

текста «книги», главы, параграфа — инициал — выписывалась крупно или особо украшалась (с инициалов и у нас начинается обычно текст главы).

Рубрики, инициалы и появившиеся в VIII в. миниатюры были очень разнообразны. Каждая страна обладала в этом отношении своим художественным стилем, а отдельные скриптории разрабатывали его в своей манере. Это своеобразие очень помогает датировать и локализовать кодексы VI—VIII вв.

Кодекс состоял из нескольких тетрадей. Число листов в тетрадях варьировало; чаще всего употреблялся кватернион — 4 согнутых вдвойне листа, т. е. 16 страниц (эта форма печатного листа из 16 страниц наиболее распространена и поныне). В начале и в конце кодексов встречаются тернионы (3 листа, 12 страниц), бинионы (2 листа, 8 страниц), квинтернионы (5 листов, 20 страниц). Нумерации листов не было, но внизу последней страницы каждой тетради ставился кустод (лат. *custos* — страж) — цифра или буква, иногда цифра и буква вместе. Кустоды помогали последовательно складывать тетради в кодексе (сравните нашу нумерацию печатных листов в начале каждого листа). Порой они украшались многоцветными точками или узором. Для этой же цели впоследствии, в X—XI вв., появились рекламы или рекламанты (лат. *reclama-ge* — громко кричать, оглашать): под последней строкой последней страницы тетради (в дальнейшем — на каждой оборотной странице) повторялись два-три слова следующей страницы; таким образом, страницы как бы «перекликались» между собой. Рекламы сохранились в печатных книгах до конца XVIII в. В XIV—XV вв. вошла в употребление нумерация листов, и листы старых кодексов были также просчитаны. Следуя этой традиции, рукописные книги и сейчас просчитываются не по страницам, а по листам: верхняя страница называется *recto*, оборотная — *verso* (эти термины употреблялись для свитков, см. гл. 2); номер листа из одной цифры означает *recto*, чтобы обозначить *verso*, к цифре добавляется апостроф (например, 6') или буквы *vo* (6vo) или оборот (6^{об.}).

Особое значение для датировки и локализации рукописей имеют применявшиеся в ту пору способы линования и складывания листов пергамента в зависимости от «мясной» или «волосистой» стороны. Еще несогнутый лист пергамента линовался по определенным правилам, принятым в той или иной стране и даже в отдельных скрипториях. Сперва каким-либо острием по самым краям листа делались точки или крошечные дырочки (обычно они затем при переплетании срезались, но в некоторых кодексах сохранились), служившие ориентирами при линовании. Оно производилось затупленным ножом или стилем, поэтому получались «слепые» линейки: с одной стороны листа выпуклые, с другой — углубленные.

Внешний вид грамот

Грамоты раннего средневековья в основной своей массе утрачены; до нас дошла очень небольшая часть.

Грамоты, написанные на папирусе, сохранились плохо, пергаментные — хорошо. Из числа дошедших до нас документов подавляющее большинство было составлено в королевских канцеляриях и в папской. Там работали особые писцы — нотариусы под руководством референдариев. В меровингский период в канцеляриях писцами были светские лица, в каролингский — клирики (т. е. лица, вступившие в ряды духовенства, но не получившие посвящения; отсюда слово «клерк» во французском и английском языках для обозначения писца, затем конторского служащего) под руководством главного нотариуса, впоследствии называвшегося канцлером. Референдарии составляли текст грамот, проверяли написание, заверяли документы и прикладывали печать.

Внешне грамота франкского короля (диплом) гораздо более соответствует «варварскому» духу эпохи, чем кодексы. Она написана на куске папируса или пергамента неправильной формы, лишь слегка подровненном по краям. Письмо, верхняя укрупненная строка, подписи (меровингские короли были грамотны и сами подписывали дипломы), знаки заверки, печати — все имеет несовершенную, даже несколько неуклюжую форму.

Документы папской канцелярии, получившие в дальнейшем название булл, писались в ту пору на папирусе, подлинников их почти не сохранилось. Частные акты из Равенны, тоже на папирусе, дошли в большем числе и в лучшем состоянии (см. гл. 4). Их внешнее, очень простое оформление во всем подражает позднеримским образцам.

Историография

Из всех разделов латинской палеографии история раннесредневекового письма изучена лучше всего. Учтены и описаны все рукописи VI—VIII вв., многие из них детально исследованы.

В проблеме раннесредневекового письма сочетались многие и очень интересные вопросы, касающиеся истоков национальной культуры западноевропейских народов. В этом и коренится основная причина повышенного внимания палеографов именно к данному периоду. Характерная для него необыкновенная пестрота графических форм, их взаимодействие, переработка античной письменности, спонтанные поиски каких-то более рациональных типов письма, его непрерывное движение, особенно выразительное по сравнению с предшественником — унциалом, и преемником — каролингским минускулом, — все это представляет собой

благодарные темы для исследований. Кроме того, количество рукописей достаточно, чтобы на их основе можно было проследить основные линии эволюции, и в то же время оно не настолько велико, чтобы потребовать огромных усилий даже для первичного описания. Следует учесть, что если число рукописных книг (и фрагментов) до IX в. составляет около 1700, то общее их количество (уже без фрагментов) до XV в. включительно исчисляется примерно в 300 тысяч. Таким образом, сочетание теоретического интереса и реальных возможностей поставило письмо VI—VIII вв. в центр внимания палеографов.

Основная задача, стоявшая перед наукой и не до конца разрешенная и в наши дни, заключается в принципах классификации массы разнородных типов письма. Мабильон разбил их на главные (по его мнению) группы по признаку их национального происхождения. Мавристы XVIII в. подробно разработали его классификацию. Так сложилась теория «национальных типов» письма VI—VIII вв. Появились термины: вестготское, лангобардское, меровингское (или франко-галльское), ирландское, англосаксонское письмо (впоследствии к ним добавилось беневентанское письмо, господствовавшее в Южной Италии).

В 1730—1740-х гг. итальянец Маффеи подверг теорию убедительной критике в части происхождения национальных типов, доказав это на примере полнейшей преемственности между новым римским курсивом и лангобардским письмом¹.

Однако в классификации мавристов было свое рациональное зерно. Ошибочная в объяснении генезиса различных типов письма VI—VIII вв., палеографически она была убедительна, ибо исходила из бесспорного сочетания определенных графических признаков с определенной территорией. Поэтому в XIX в., а отчасти и поныне, ее продолжают употреблять с добавлением слов «так называемое», например, так называемое лангобардское письмо, или ставя термины в кавычки. Чаще, впрочем, отбрасываются как кавычки, так и слова «так называемое», поскольку условный характер терминов общеизвестен.

В начале XX в. изучению письма этого периода было дано новое направление, подготовленное работами палеографов XIX в. (особенно француза Делиля), начавшими концентрировать рукописи по скрипториям и библиотекам. Траубе и его ученики Леман, Лоу и другие, а также американские палеографы Ренд и Джонс выдвинули и разработали теорию «областных типов». Под ними подразумевались типы письма определенных не очень больших территорий. Письмо находившихся в известной взаимосвязи скрипториев той или иной области обладало некоторым общим фондом графических признаков; эволюция письма также

¹ В учебнике О. А. Добиаш-Рождественской подробно и красочно изложена история создания теории национальных типов и критика Маффеи (стр. 102—112).

происходила в них более или менее одинаково и одновременно. Так было изучено письмо крупнейших скрипториев и тяготевших к ним более мелких: Луксей, Тур, Корби, Лион, Боббио (Северная Италия), Верона, Монте-Кассино (Южная Италия), ирландские и англосаксонские скриптории и т. д. Большой вклад в изучение деятельности корбийского скриптория внесла О. А. Добиаш-Рождественская.

Изучение по скрипториям и по областям (амфиктиониям) принесло науке много пользы. Оно уберегло от распыления внимания по всем скрипториям и по всем — иногда мельчайшим — разновидностям письма. Оно доставило огромный и очень точно отобранный материал. Оно позволило нащупать главные линии в развитии письма VI—VIII вв.: от первоначального многообразия к единству через несколько графических стадий. Но в настоящее время обозначились и слабые стороны этого направления, поскольку оно совершенно не учитывало проблему национального своеобразия письма. Установив генезис всех национальных типов в унаследованных от Рима новом римском курсиве, унциале и полуунциале, Траубе и другие не интересовались последующей стадией в развитии письма в отдельных странах. Они были убеждены, что каролингский минускул победил в течение IX—X вв. все национальные типы и что графические особенности последних полностью исчезли. Такое мнение могло сложиться в результате того, что письмо XI—XV вв. было в начале XX в. изучено совершенно недостаточно.

Исследования последних десятилетий ввели новый материал и показали, что было бы неверно вместе с отрицанием оригинального генезиса национальных типов отрицать и своеобразие их графики. Выяснилось, что беневентанское и ирландское письмо жили очень долго, что в Англии отдельные черты докаролингского письма сохранились в течение столетий. Была констатирована и более долгая жизнь вестготского письма, отчасти и лангобардского канцелярского письма. Словом, оказалось, что каролингский минускул царил безраздельно на своей родине — в Северной Франции, Фландрии, а также в Германии, где, кстати, до VIII в. вообще не успело сложиться свое национальное письмо латинского алфавита. В других странах его распространение наталкивалось на препятствия.

Общая картина истории западноевропейского письма представляется теперь более сложной. Национальный момент должен быть представлен в ней отчетливее; он не может быть заслонен единством алфавита и большим единообразием письма в IX—XI вв. Национальные особенности снова выступают в письме XIII—XV вв.; они продержатся до XX в. и следы их существуют донныне.

Национальные черты в письме VI—VIII вв. наиболее ясно выражены для стран, не входивших в каролингскую империю. Это относится к письму ирландскому, англосаксонскому, беневентанскому, отчасти вест-

готскому. В письме меровингском и лангобардском графическое своеобразие выражено слабее; они представляют собой переработку римской основы. Но зато они наиболее богаты разновидностями; именно в меровингском письме совершилась эволюция к каролингскому минускулу.

Главные черты развития письма в VI—VIII вв.

Та или иная теория развития раннесредневекового письма находится в прямой зависимости от соответствующей концепции эволюции письма римского. До появления теории Маллона исходными моментами считались унциал в книгах и новый римский курсив в документах; эволюция заключалась в их постепенном сближении, которое осуществлялось через ряд промежуточных стадий. С одной стороны, курсивные формы воздействовали на унциал, с другой стороны, регуляризовался сам курсив. Стадии этого сближения, закончившегося появлением каролингского минускула, можно изобразить при помощи следующей схемы:

Промежуточные группы полуунциалов, полукурсивов, четверть-унциалов и четверть-курсивов представляют собой самое слабое место этой теории. Фактически они являются лишь типологической категорией, под которую подводятся разнообразнейшие конкретные разновидности письма, получившие свои индивидуальные наименования от наиболее характерных букв, например, аб-тип, епа-тип и т. д. В употреблении терминов «полуунциал» и других царствует произвол, так как само их определение расплывчато, основывается на субъективном восприятии больше, чем на сумме графических признаков. Характерно, что Маллон, принимая в целом для римского письма старую терминологию, возражает против термина «полуунциал» как неправильно формулирующего генетическую связь (подразумевается происхождение полуунциала из унциала).

Теория Маллона дает для эволюции письма в VI—VIII вв. другую ориентацию. Основной линией развития является движение первона-

чального минускула по пути к полному усовершенствованию графических форм, т. е. к каролингскому минускулу. Новый римский курсив постепенно изживает себя как в обычном письме, так и в письме канцелярском. Унциал не играет никакой роли во всем этом процессе; будучи каллиграфическим вариантом первоначального минускула, он остается неподвижным вплоть до своего полного исчезновения в VIII в.

Островное письмо

Термины «островное письмо» и «иберно-саксонское» (лат. *Ivernia*, *Hibernia* — Ирландия) прилагаются в совокупности к ирландскому и англосаксонскому типам письма, имеющим между собой много общего.

Христианство распространилось в Ирландии в IV—V вв.; первые миссионеры принесли из западной и южной Галлии церковные книги и Библию, исполненные унциалом и полуунциалом (т. е. книжным первоначальным минускулом в его каллиграфической форме). Дальнейшее развитие письменности, равно как и всей очень оригинальной по духу и форме кельтской культуры, совершилось на острове более или менее изолированно. Широкого распространения латинское письмо не получило; подобно огамическим письмам (см. выше) оно оставалось священным искусством монахов, доведших его до высокого совершенства. В VII в. ирландские монахи основали монастыри в Южной Шотландии и Северной Англии (Нортумбрии). Письмо их скрипториев оказало сильное воздействие на англосаксонское письмо.

Англия была в VII—VIII вв. христианизована непосредственно из Рима и полученные отсюда церковные книги были исполнены унциалом. Таким образом, истоки церковной письменности были в обеих странах одинаковыми. В Англию, кроме того, было принесено также римское обычное письмо в его курсивных формах, проникшее и в ирландские скриптории. Однако при большом сходстве ирландского и англосаксонского письма, в них есть и отличия как в графике, так и в судьбах.

Ирландское письмо

Письмо церковных книг конца VII—VIII в., написанных в ирландских и в основанных ирландцами североанглийских скрипториях, имеет ярко выраженный каллиграфический характер: довольно крупные буквы поставлены свободно, имеют квадратные пропорции и выведены ровно, без нажима. Выносные не превышают размера одного корпуса буквы, расстояния между строками точно соответствуют двум корпусам. Группы слов разделены. По формам букв оно представляет собой унциал с

элементами первоначального минускула (**b d l p q**) и с некоторыми очень характерными для этого письма буквами (**a g r**), а также особыми сокращениями (см. табл. 9). Следует отметить, что в процессе развития в VI—VIII вв. первоначального минускула, а также почти во всех национальных типах письма той эпохи графические варианты существуют в большом числе лишь для некоторых букв (прочие остаются без изменений), а именно: **a e f g n r s t**. Причина заключается в том, что в первоначальном минускуле эти буквы были недостаточно дифференцированы. Например, буквы **f r s**, а также **g t** имели недостаточно отчетливые индивидуальные особенности. При общем минускульном характере письма оставались еще некоторые пережитки маюскула; маюкульное **N** исчезло лишь в IX в.

Характерной чертой ирландского каллиграфического письма церковных книг являются обращенные налево легкие утолщения вверху выносных и некоторое изгибание у **b l**. Очень своеобразны написанные им роскошные кодексы, разукрашенные великолепными по тонкости исполнения цветными инициалами, арками и т. д. Кроме того, весь текст исполнен разноцветными пятнышками, вкрапленными в круги и полукругия больших букв. В миниатюрах и орнаментных мотивах очень много сходства с ювелирными изделиями того времени. Жемчужиной, в которой сочетаются прекрасное по выполнению письмо с ярко выраженным национальным духом в украшениях, является знаменитое Келльское евангелие конца VII в., хранящееся в Дублине. В Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина находится превосходный образец каллиграфического и орнаментального искусства этого типа памятников: евангелие, написанное в конце VIII в. в Нортумбрии (см. статью Приваловой).

В более простых кодексах, для документов и записей применялось другое письмо, типа обычного письма. Оно называется «ирландским острым письмом» или «ирландским минускулом». Его происхождение из обычного позднеримского письма несомненно и подчеркивается курсивными формами букв и лигатурами. Оно выписано довольно небрежно, с сильным нажимом; нижние выносные заострены. Вместе с тем по пропорциям букв и формам некоторых из них, по утолщению и изгибанию верхних выносных это письмо имеет много сходства с письмом евангелий, так что последнее должно считаться каллиграфическим вариантом первого.

Очень интересна судьба ирландского письма. В VII—VIII вв. оно оказало большое воздействие на письмо континентальных скрипториев. Выходцы из Ирландии основали в Галлии, Германии, Италии несколько монастырей (Перонн, Луксей, Санкт-Галлен, Эхтернах, Боббио) и принесли с собой рукописи, исполненные в ирландском письме. С одной стороны, оно вызвало подражание, с другой — само видоизменилось под

влиянием местных типов письма (см. ниже). В Ирландии оно продолжало жить в течение всего средневековья, в особенности обычное («острое») письмо, черты которого в большой степени присутствуют в обычном ирландском письме наших дней.

Англосаксонское письмо

Письмо церковных книг, применявшееся в англосаксонских скрипториях, находилось под сильным влиянием ирландского каллиграфического письма. Ему присуща почти та же самая графика, но вместе с тем оно имеет более унциальный характер, так как верхние выносные меньше, **d** имеет унциальную форму и расстояния между строками обычно больше, чем в ирландском письме. После периода своего расцвета в VIII—IX вв. оно больше не применялось даже в церковных книгах.

Наибольшее распространение получил «англосаксонский минускул» (или «англосаксонское острое письмо»). Старейшие памятники этого письма, применявшегося в кодексах и в документах как для латинского языка, так и для староанглийского, относятся к концу VII—началу VIII в., но в это время формы его уже настолько выработаны, что письмо несомненно существовало до того в течение достаточно длительного времени. По формам букв, лигатурам и общему связному начертанию оно восходит к обычному позднеримскому письму. Его начертание сильно варьирует от очень тщательного до вполне беглого; в последнем случае выносные настолько длинны, что почти достигают соседней строки. Характерной чертой всех разновидностей данного письма являются изогнутые и заостренные нижние выносные, а также несколько удлиненные пропорции букв. «Острое» письмо выписано тонкоочиненным пером, позволяющим заострять нижние выносные, но не допускающим сильных нажимов.

Англосаксонский минускул представлен в собрании средневековых рукописей Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина несколькими кодексами, в том числе знаменитой рукописью 746 г., содержащей труд первого английского историка Беды Почтенного—«Церковную историю английского народа» (см. табл. 10). Помимо того, что точно датированная рукопись представляет для раннего средневековья большую редкость и особенную ценность (она дает ориентиры для датировки других рукописей), в этом кодексе имеются записи отрывков из гимнов на староанглийском языке.

Англосаксонский минускул отчасти применялся в Англии и после нормандского завоевания, особенно в северных областях. Присущие ему графические особенности, главным образом заостренные окончания, ока-

зали большое влияние на развитие английского письма в дальнейшем. В канцелярском письме и в обычном письме XIV—XV вв. эти черты проявились наиболее отчетливо (см. гл. 7 § 3).

Североитальянское письмо

Из всех терминов, употребляющихся для обозначения национальных типов письма, термин «лангобардское письмо» является настолько необоснованным, что в настоящее время его, как правило, не применяют. Однако для этого письма не существует общепринятого термина; чаще всего его называют «североитальянским докарولينгским минускулом».

Письмо, применявшееся в Северной Италии в VI—VIII вв., было очень разнообразным. Оно сохранило почти все разновидности позднеримского обычного письма в книгах и документах; преемственность между ним и письмом раннего средневековья прослеживается вполне отчетливо. Маффеи (см. выше), подвергший критике терминологию Мабиллона, опирался в своих исследованиях на рукописи из библиотеки капитула г. Вероны. В церковных скрипториях Лукки, Вероны, Верчелли и других городов унциал применялся (как и полагалось) в качестве каллиграфического письма в церковных книгах. Для других текстов, равно как и для документов, употребляли обычное письмо, которое начертывалось с разной степенью тщательности или беглости. В документах оно сохранило вплоть до XI в. все черты письма равеннских папирусов (см. гл. 4); в книгах оно также изобилует формами, типичными для нового римского курсива, лигатурами, иногда наклоном вправо (см. табл. 11).

К этому же типу относится письмо папской курии, так называемый «старый папский куриал», исполненный на папирусе (см. гл. 6). Его старейшие памятники относятся к самому концу VIII в., но прямая связь этого письма с новым римским курсивом позволяет предполагать, что и в VI—VIII вв. характер письма был таким же.

Беневентанское письмо

Термин «беневентанское письмо» (от названия Беневентанского княжества на юге Италии) вполне допустим для обозначения южноитальянского письма, но условен, так как письмо это было широко распространено не только в Беневенте, но почти во всех скрипториях Южной Италии. Оно зародилось в аббатстве Монтекассино (поэтому иногда его называют также «монтекассинским письмом») и затем распространилось в Беневенте, Неаполе, Салерно, Бари, Сполето и т. д., вплоть до го-

родов Далматинского побережья (о беневентанском письме см. книгу Lowe).

Происхождение этого письма из обычного позднеимского совершенно бесспорно: у них одинаковые пропорции и формы букв, лигатуры и т. д. В VIII—IX вв. оно еще не приобрело каллиграфического законченного варианта; его отличают лишь слегка изломанные вертикали некоторых букв при прямых и утолщенных выносных, причем последние настолько длинны, что почти достигают соседней строки, несмотря на большие промежутки между ними. В XI—XIII вв. беневентанское письмо переживает пору расцвета и полностью складывается его особая графика (см. табл. 12). Вертикали букв *i p n u* состоят как бы из двух соединенных между собой ромбиков, вертикали выносных, наоборот, не изломаны и очень жирны. При этом основные формы букв и лигатуры по-прежнему роднят это письмо с его предшественником. Причиной этого графического своеобразия было появление особым образом заточенного пера, с широким срезом и значительным расщеплением. Вместе с тем для беневентанского письма характерно почти полное отсутствие волосных, что очень отчетливо отделяет его от готического письма, имевшего также излом и жирные вертикали (см. гл. 7 § 1).

Область распространения и время существования беневентанского письма совпадают территориально и хронологически с политической жизнью Южной Италии. До XI в. она вообще была мало связана с остальными частями полуострова и находилась под властью арабов. Затем там образовалось самостоятельное Королевство обеих Сицилий; лишь в XIII в. связи этого королевства с Италией, Испанией и Францией способствовали проникновению господствовавшего тогда в Европе готического письма, графически очень близкого к беневентанскому, но последнее применялось еще и в XIV—XV вв.

Испанское письмо

Старый термин «вестготское письмо» все более и более выходит из употребления, заменяясь термином «испанское письмо» (иногда в скобках к нему добавляется старое название). Это письмо имело в средние века два названия: «толетанское» (по г. Толедо, славившемуся красивым письмом) и «мозарабское» (поскольку оно существовало также и на арабской территории). Наличие этих терминов, подчеркивающих именно территориальный момент, делает обозначение письма «испанским» исторически оправданным. Это письмо, также вышедшее из римского обычного письма, заимствовало некоторые детали из арабского и выработало свою оригинальную графику. Оно существовало с VII в. вплоть до XIII в.

Во время арабского завоевания в начале VIII в. погибло много рукописей, которыми еще в VI—VII вв. были богаты библиотеки испанских городов. По уцелевшим памятникам можно судить о сохранении традиции многообразия римского письма и применении в книгах всех основных его типов — унциала, первоначального минускула, курсива. Испанское письмо развивалось сперва в церковных скрипториях северных, а затем центральных областей, где была сосредоточена в ту пору христианская культура и письменность. В испанском письме исполнены в VIII—XII вв. кодексы разнообразного содержания, от роскошных до простых, и документы; степень тщательности или беглости письма зависела от целевого назначения рукописи.

Испанскому книжному письму (см. табл. 13) присущи четкие формы почти квадратных и свободно поставленных букв, очень длинные выносные. Оно имеет (впрочем, не всегда) небольшой наклон влево. Общее впечатление «круглящегося» письма создается не только из-за отчетливо выделяющихся кругов и полукружий, но и главным образом — в результате того, что количество круглых форм значительно увеличено за счет буквы *t*, которая состоит из круга и полукружия. Если за *t* следует буква, начинающаяся с вертикали, последняя замыкает собой полукольцо *t* и превращает эту часто встречающуюся букву в два тесно соединенных кольца.

Испанское письмо начертано ровно, без нажимов и без волосных, не очень острым пером.

Меровингское письмо

Термин «меровингское письмо» применяется для кодексов и документов, написанных в Галлии в VI—VIII вв. Теперь он считается столь же необоснованным, как и термины «лангобардское письмо» и «вестготское письмо». Однако между ними нет полной аналогии. Термин «вестготское письмо» неправилен в хронологическом и территориальном отношениях. Термин «лангобардское письмо», правильный в отношении территории, неудачен в хронологическом плане, так как обозначаемый им тип письма продолжал существовать и после франкского завоевания. Наоборот, термин «меровингское письмо» правилен в обоих отношениях. Территориально он относится именно к меровингскому королевству, хронологически появление нового типа письма — каролингского минускула — в основном совпало с концом меровингского королевства.

Условность термина «меровингское письмо» заключается в том, что им обозначается не какое-либо определенное письмо (например, испанское, ирландское) и даже не группа более или менее однородных разновидностей письма (например, североитальянское письмо), а большое

число разнородных по своему характеру типов письма. В Северной Галлии было сосредоточено наибольшее число крупных монастырей; в их библиотеках, наряду с кодексами, изготовленными там же, находилось немалое число рукописей, принесенных из Италии, Испании, Англии. Все это способствовало тому, что именно эта область стала в VI—VIII вв. центром книгописания, где скрещивались самые разнообразны влияния в области письменности: античное письмо (унциальные и полуунциальные кодексы и документы), островное письмо (в рукописях из Луксея и Корби), испанское письмо (в книгах, принесенных из Испании), североитальянское и т. д. Вследствие этого и продукция почти каждого из крупных скрипториев была разнообразной; отдельные варианты того или иного типа письма сменяли друг друга или существовали одновременно.

Однако это многообразие не сводилось к простому подражанию образцам. В основе процесса развития письма лежало постепенное совершенствование форм первоначального минускула, т. е. поиски четкого письма с вполне дифференцированными буквами. Наличие многочисленных влияний приводило к разнообразию конкретных путей, по которым развивалось письмо в разных скрипториях, но вместе с тем именно их интенсивная деятельность и привела к достижению цели, т. е. к выработке четкого письма (каролингского минускула), что имело громадное значение для всего латинского письма в целом.

Античное наследие

Сильное влияние позднеримского письма сказывается как в кодексах, так и в канцелярском и в обычном письме. В кодексах VII — начала VIII в. унциальное письмо сохранялось почти без изменений, но были и такие, где общий облик унциала несколько ослаблен в силу удлинения тех выносных, которые в «чистом» унциале имеют лишь небольшие размеры. То же можно сказать и о полуунциальном письме.

Наиболее четко характерные черты меровингской эпохи (в смысле «варварской») сказываются в письме дипломов королевской канцелярии, называемом иногда «меровингским курсивом» (см. табл. 14). Его преемственность от позднеримского канцелярского курсива несомненна, но ему свойственна особая графика. Она выражается в некотором наклоне влево, в изгибании всех букв, в особенности выносных. Удлиненные буквы поставлены очень тесно и соединены лигатурами, выносные настолько длинны, что достигают соседней строки, так что их принадлежность к той или иной букве не схватывается глазом сразу, а подлежит почти каждый раз определению. Эти длиннейшие выносные и придают всему письму дипломов его особый «дипломатический» вид. В целом,

это один из самых трудночитаемых типов письма раннего средневековья.

Крайне скудные образцы обычного письма того времени дошли до нас в виде пергаментных ленточек, хранившихся в ковчезцах с реликвиями. На этих ленточках имеется по 10—15 слов (названия реликвий), выписанных очень беглым курсивом, по характеру начертания сходным с дипломатическим письмом, но без свойственных последнему излишне длинных выносных.

Луксейское и корбийское письмо VII—первой половины VIII в.

Луксейский монастырь (в Бургундии) был основан в VII в. ирландцами. К середине столетия в его скриптории выработался особый тип каллиграфического письма, называемого обычно «луксейским письмом», или «луксейским минускулом» (см. табл. 15). Традиции островной каллиграфии своеобразно сочетались в нем с некоторыми формами и лигатурами позднеримского обычного письма. Луксейские кодексы имеют свой характерный орнамент и свой ассортимент красок, в котором преобладает зеленый цвет. В луксейских кодексах, написанных беглым и мелким курсивом уже без всякой каллиграфии, влияние позднеримского обычного письма сказывается еще отчетливее.

Корбийский монастырь (на северо-востоке Галлии) основан в середине VII в. королевой Бальтильдой, англосаксонкой по происхождению. Монастырь был тесно связан с королевским двором и с англосаксонскими скрипториями. Сперва в Корби работали писцы, призванные из Луксея, затем появились свои мастера каллиграфии. Но в корбийском скриптории всегда было сильно влияние островного письма, особенно англосаксонского минускула (см. выше).

История корбийской мастерской письма представляет очень большой интерес. До нас дошло много рукописей VII—VIII вв., написанных в этом скриптории или поступивших в библиотеку монастыря. Более 30 корбийских кодексов хранится в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина; они исследованы в труде О. А. Добиаш-Рожественской, вышедшем на французском языке с большим русским предисловием (*Dobiaš—Roždestvenskaia*). Датировка корбийских рукописей облегчается многими элементами, принадлежащими к внешнему оформлению кодексов (например, системой линования, манерой складывать листы в тетрадах и т. д.). Поэтому рукописи можно разложить в хронологическом ряду не только по столетиям, но и более подробно, иногда точно в пределах десятилетия. В результате история письма предстает с достаточно обоснованной последовательностью, которую редко удается установить для других скрипториев.

В начале VIII в. в Корби одновременно применялись разные типы письма. В унциальном и полуунциальном письме незаметно никаких особенностей. Принадлежность кодексов к данному скрипторию устанавливается по характерному для Корби орнаменту (стилизованные рыбки и листья) и ассортименту красок (зеленая, красная, желтая) (см. табл. 16). Книжный курсив также лишен какого-либо ярко выраженного своеобразия. Все его формы выводятся из позднеримского обычного письма; он выписан довольно небрежно, с утолщенными и даже слегка петлистыми верхними выносными (см. табл. 17).

Первым оригинальным корбийским письмом первой половины VIII в. является «епа-тип», названный по трем характерным для него буквам (см. табл. 18). В этом письме, несомненно восходящем по формам букв к позднеримскому обычному письму, заметно стремление придать курсивному начертанию более регулярную, но отнюдь не каллиграфическую форму. Оно не имеет длинных выносных, буквы почти квадратны и очень тесно поставлены, расстояния между строками меньше двух корпусов букв. Письмо исполнено ровно, без нажимов.

Развитие корбийского письма во второй половине VIII в. представляет собой процесс выработки каролингского минускула, рассмотренный в следующей главе.

В других скрипториях Северной Галлии — Туре, Лане, Сен-Рикье, Флери, Перонне развитие письма шло в основном в том же направлении, что и в Корби. Там тоже создавались свои формы регуляризованного курсива, характерные некоторыми буквами (например, «аз-тип» ланского письма).

КАРОЛИНГСКИЙ МИНУСКУЛ (СЕРЕДИНА VIII—XI вв.)

В течение столетия с середины VIII в. и до середины IX в. в западноевропейском письме произошли важные явления. В скрипториях, расположенных в центральной части каролингской империи, между Рейном и Луарой, один вид книжного письма — каролингский минускул — приобрел полную графическую законченность. Вскоре на этой территории он вытеснил все местные варианты и разновидности; затем распространился в мастерских других областей империи, наконец, проник в Рим, Испанию, Англию. К концу XI в. каролингский минускул господствовал в западноевропейских скрипториях, за исключением окраинных стран (Ирландии, Южной Италии), где по разным причинам традиции национальных типов письма держались до XII—XIII вв.

Установление единообразия в книжном письме имело следствием проникновение каролингского минускула в документы и в обычное письмо. В итоге, из западноевропейской письменности курсивные типы письма исчезли почти совершенно. Их возрождение приходится лишь на XII—XIII вв. Чрезвычайно сократилась область применения обычного письма (пометы, записи, письма, глоссы).

Можно проследить три периода развития каролингского минускула: его возникновение в качестве книжного письма, широкое распространение и вытеснение местных вариантов, и, наконец, проникновение в грамоты. В настоящее время хорошо изучена лишь первая стадия, т. е. возникновение каролингского минускула. Для этого периода уже проведена громадная подготовительная работа, исследована деятельность отдельных скрипториев, составлены обширные и снаб-

женные множеством фотоснимков сводные каталоги (см. гл. 1). Число дошедших до нас рукописей второй половины VIII в., по которым можно проследить эволюцию графических форм, достаточно и в то же время не столь велико, чтобы подавить исследователя своей массой.

Гораздо меньше изучено распространение каролингского минускула. Сводных каталогов еще нет (Бишоф готовит каталог рукописей IX в. по образцу каталога Lowe—CLA), материал разбросан и очень велик по объему. Уже для IX в. число сохранившихся рукописей достигает шести с половиной тысяч (без английских и испанских). В X в. оно несколько сокращается, но с XI в. начинается рост и притом в таких масштабах, которые делают для XIII—XV вв. сводное обозрение рукописей, даже в пределах одной страны, практически пока еще неосуществимым.

Внедрение каролингского минускула в документы намечено лишь в общих чертах, так как сама история канцелярского письма в X—XII вв. разработана мало.

Терминология

Термин «каролингский минускул» сложился в процессе развития палеографии в XVII—XIX вв. Долгое время он больше связывался не с каролингским периодом в целом, а с именем Карла Великого, которому приписывалась инициатива в его создании и распространении. После того, как был установлен спонтанный характер этого процесса, термин остался, но приобрел некоторую неточность. Если для середины VIII—IX вв. в территориальном и хронологическом отношениях он действительно связан с каролингским государством, то для X—XI вв. его прилагательное («каролингский») как будто теряет смысл. Поэтому некоторые палеографы называют книжное письмо этих веков «послекаролингским минускулом», «развитым минускулом», просто «минускулом». Другие вводят понятие «романского письма», усматривая в книжном письме черты, характерные для романского стиля в архитектуре и изобразительном искусстве. Недостаток всей этой терминологии заключается в том, что она не соответствует каким-либо изменениям в самом письме. Эволюция каролингского минускула в IX—XI вв. настолько незначительна, что она совершенно неспособна дать основу для изменения палеографического термина. Поэтому старый термин в общем остается в силе, разумеется, с учетом всей его условности.

Проблеме становления каролингского минускула посвящена большая литература. Почти в каждом исследовании о том или ином типе письма раннего средневековья есть соображения и по данному вопросу; к каролингскому минускулу тянутся нити от всех почти типов письма, и он естественно или завершает их развитие, или же прерывает его.

О теории происхождения каролингского минускула было сказано в главе 5 (см. также схему на стр. 73). В этой концепции главное значение придается процессу сближения книжного письма с регуляризованным курсивом. Регуляризация курсива проявляется в постепенном отмирании ненужной в книгах беглости и небрежности; отсюда термины — «полукурсив», «четвертькурсив». Влияние курсива особенно подчеркивали Траубе и его ученики; Делиль, Скьяпарелли и в наши дни Лоу переносят центр тяжести на книжное письмо, на развитие полуунциала¹.

Основные черты развития письма в VII—VIII вв.

Основанием для этих взглядов послужили следующие наблюдения: 1) эволюция происходила в сфере книжного письма — полуунциала, 2) область применения курсивного письма в документах чрезвычайно сузилась, так как число документов по сравнению с античностью сильно сократилось, 3) из своей особой области, т. е. из области делового письма, курсив проник в книги и появились разные его формы, от небрежной (например, «епа-тип») до удивительно каллиграфической (например, Луксейское письмо). Эти наблюдения (равно как и многие другие) сами по себе правильны, но в свете новых данных о римском письме I—V вв. следует пересмотреть сделанные из них выводы.

Эволюция действительно происходила в сфере книжного письма, изменялись формы полуунциала. Однако последний не являлся преемником унциала, наоборот, унциал представлял собой каллиграфический вариант полуунциала, т. е. первоначального минускула. Дело заключается не только в перевернутой генетической связи, но в том, что полуунциал, для того чтобы развиваться в каролингский минускул, не нуждался в проникновении в него курсива. Все основные курсивные формы в нем уже присутствовали.

Наличие курсива в книгах VII—VIII вв. не является нововведением, но представляет собой длительное изживание позднеимской традиции. Характерно, что почти все национальные типы письма (ирландское, англосаксонское, испанское и другие) состояли в сущности из двух видов: обычного (более или менее курсивного) письма в простых книгах и в документах, и его каллиграфического варианта в изукрашенных кодексах. Однако каллиграфические варианты этих типов письма были очень близки к унциалу, т. е. имели слишком торжественные и медленно вы-

¹ На русском языке эти теории изложены в учебнике О. А. Добнаш-Рождественской и в предисловии к ее книге о Корбийской мастерской. Библиографию см. там же и в списке литературы.

писываемые маюскульные буквы. Поэтому сами по себе они были неспособны к дальнейшему развитию. В то же время, обычное письмо носило курсивный характер, изобиловало лигатурами, особыми формами сокращений и т. д., словом, было слишком своеобразно, чтобы положить начало четкому и единообразному письму.

В силу этого было бы неправильно говорить как о сближении курсивного письма с книжным, так и о влиянии курсива на письмо кодексов. Наличие именно в книжном курсиве множества графических локальных особенностей уже само по себе противоречило основным тенденциям, действовавшим в направлении к созданию не только четкого, но и единообразного письма. Поэтому в конце концов оказались нежизнеспособными своеобразные формы некоторых букв (*a b e n s* и др.), причудливые лигатуры и т. п., что составляло отличительные черты книжных курсивов отдельных скрипториев. Вообще, применение курсивного письма в книгах потеряло свой смысл. В условиях господства монастырских скрипториев и при крайне суженной (по сравнению с античностью) потребности в письменности вообще не было нужды в беглости начертания. Единственным преимуществом книжного курсива, в особенности по сравнению с его каллиграфическими вариантами, была в ту пору его «убористость» (см. табл. 18), но и это достоинство исчезло после того, как в каролингском минускуле буквы были также сильно уменьшены.

Взгляды Делиля, Скьяпарелли, Лоу и других исследователей, подчеркивающих первостепенное значение перемен, происходивших в самом книжном письме (главным образом в полуунциале, т. е. первоначальном минускуле), больше соответствуют современным данным о роли римского письма, чем другие теории.

Графические изменения в VIII в.

Эволюция к каролингскому минускулу происходила во второй половине VIII в. во всех крупных скрипториях Северной Галлии. Отчетливее всего ее можно проследить в кодексах, написанных в Корби, благодаря надежной датировке многих из них.

Общий характер этой эволюции станет ясным, если мы сперва сопоставим исходный и конечный пункты, т. е. формы букв первоначального минускула и каролингского минускула (см. рис. 5, колонки 2 и 4).

Сходство их бросается в глаза. Почти все буквы сохранили прежнюю форму и прежний дукт, но стали прямыми, мелкими и сжатыми. Изменились формы букв *f g n s t*. отчасти *e g*. Буква *f* получила длинную выносную и благодаря этому стала сильно отличаться от буквы *g*; буква *g*, схожая с буквой *c*, приобрела очень характерную, чисто курсивную форму (см. колонку 3 с буквами нового римского курсива); бук-

вы **г s** также стали отчетливее; у **t** сократилась его горизонталь, и поэтому буква перестала соприкасаться с соседними; **e** получила петельку, но для отличия от **s** у нее осталась горизонтальная линия. Наконец, буква **n** переменяла маюскульную форму на минускульную. Однако первая еще часто встречается в каролингских рукописях до середины IX в., так как в сочетании с буквой **i**, не имевшей тогда точки, минускульную форму **n** можно было спутать с **m** (**ni in**). Поэтому ее избегали, предпочитая отчетливую форму **N**; последняя исчезла уже в связи с эстетическими соображениями, ибо слишком резко выделялась на фоне остальных чисто минускульных букв.

Буква **a** сохранила форму и дукт, но следует учесть, что не только в книжных курсивах, но и в полуунциале VII—VIII вв. она очень часто имела форму или нашего курсивного **a** или незакрытую, похожую на **u** (см. колонку 3). Поэтому она могла быть спутана с двумя **ss** или **с u**. Возвращение этой буквы к ее прежней форме первоначального минускула было очень удачным приемом; в этой форме буква **a** существует в печатных шрифтах и доньше.

В середине столетия в Корби было выработано письмо, получившее в науке название письма Леутхария¹ (см. табл. 19). Для него характерны не только маюскульная форма **N** и курсивная форма **a**, но и слишком длинная горизонталь **t** и недостаточные отличия между **г** и **s**. Во избежание последнего недостатка букве **г** придано слишком длинное «плечо». Все буквы имеют квадратные пропорции и вообще письмо как бы несколько сплющено, что еще больше подчеркивается большими расстояниями между строками (больше двух корпусов буквы); слова не разделены.

Следующая стадия — письмо аббата Маурдрамна, датируемое последней четвертью VIII в. (см. табл. 20). По формам букв это уже каролингский минускул; устранены недостатки, имевшиеся в письме Леутхария, но маюскульные формы **d** и **N** сосуществуют с минускульными. Однако в общем письмо продолжает оставаться несколько сплюсненным из-за широкой формы букв **m n o r**. Расстояния между строками несколько уменьшились. Слова или группы в 2—3 слова разделены очень небольшими промежутками.

В письме первой четверти IX в. (см. табл. 21) буквы по форме те же, что и в письме Маурдрамна, но по пропорциям они стали стройнее; маюскульная форма **N** встречается лишь в заглавных буквах. Письмо стало гораздо мельче, слова разделены чаще, расстояние между строками равно двум корпусам букв, но выносные длиннее одного корпуса и близко подходят к соседней строке. Эти длинные выносные облегчают чтение мелкого и «убористого» письма.

¹ Письмо называется по имени того или иного аббата на основании помет на кодексах, например: «аббат Леутхарий приказал написать эту книгу».

Все графические достоинства этого письма особенно ясно видны при сопоставлении его с письмом так называемого аб-типа, применявшимся тоже в Корби в конце VIII в. (см. табл. 22). Курсивная основа этого каллиграфического письма бесспорна; оно изобилует лигатурами и явно искусственными формами: **a** как бы состоит из букв **ic**, **o** имеет форму уменьшенного унциального **d** и т. д.

В конце IX в. каролингский минускул имеет уже окончательно выработанную и установившуюся форму, которая не претерпела в X—XI вв. никаких существенных изменений (см. табл. 23). Выносные, как правило, не превышают одного корпуса буквы. Все буквы стоят свободно, выписаны ровно, без нажимов, остроочиненным пером. Расстояния между строками равны примерно трем корпусам буквы. Слова более или менее разделены, хотя промежутки между ними не всегда отчетливы.

Смысл всех этих последовательных изменений заключается в том, что благодаря полной дифференцированности букв оказалось возможным уменьшить их размеры. Это было связано с изменением заточки пера. Мелкие буквы можно выводить лишь тонкоочиненным пером (калам для этого непригоден), допускающим незначительный нажим. В мелком «убористом» письме необходимо более четкое разделение слов с достаточными промежутками. Словом, прогресс заключался не только в письме как таковом, но и в расположении текста на странице.

В результате каролингский минускул IX в. стал гораздо более экономным типом письма, чем его прямые предшественники и вместе с тем превосходил их также по четкости и красоте. Он представляет собой самое рациональное и совершенное письмо из всех типов латинского средневекового письма. В дальнейшем в него нужно будет внести лишь точку над **i** и удлинить вертикаль **t** (см. гл. 8), чтобы он был заимствован для печатного шрифта и дожил до наших дней.

Распространение каролингского минускула

Сравнительно быстрое распространение каролингского минускула в пределах территории империи нельзя не связать с церковной реформой, проведенной при Карле Великом. Возможно, что косвенно она содействовала также и процессу выработки нового типа письма. Реформа заключалась в установлении во всем государстве единообразной церковной службы по римскому образцу (вместо действовавшего ранее местного «галликанского» ритуала). Это потребовало переписки всех литургических книг и стимулировало деятельность скрипториев в их поисках быстрого, четкого и экономного письма.

В IX в. каролингский минускул широко применялся во всех скрипториях Северной Галлии (Туре, Корби, Реймсе), в Германии (Кельне, Майнце, Регенсбурге, Вюрцбурге, Санкт-Галлене), причем в каждой мастерской было написано много книг. Они по содержанию несколько отличаются от кодексов VII—VIII вв. Каролингское возрождение в области культуры, некоторый подъем образования и школ — все это содействовало появлению большого числа сочинений светского характера (хроники, биографии, учебники, литературные произведения и т. п.). Пробудился интерес и к хранившимся в библиотеках памятникам римской литературы. Этим временем датируется подавляющее большинство старейших (из числа дошедших до нас) списков античных авторов; они были переписаны новым письмом со старых рукописей, исполненных в унциале или в первоначальном минускуле.

Многие каролингские кодексы оформлены с необыкновенной роскошью; большая их часть создана в Турском и Реймском скрипториях. Подносные экземпляры евангелий и библий часто написаны золотом и серебром на пергаменте, окрашенном в пурпурный цвет, украшены миниатюрами и инициалами. В это время в западноевропейских рукописях устанавливается система богатого орнамента. Инициалы разных размеров расцвечены всеми красками и золотом. Состав красок и техника укрепления их и тончайших золотых пластинок настолько совершенны, что время не могло им повредить.

В скрипториях Германии каролингский минускул приобрел некоторые мелкие особенности, но наибольшее своеобразие свойственно украшениям кодексов. В Меце, Трире, Рейхенау, Мурбахе, Регенсбурге, Зальцбурге и т. д. в X—XI вв. сложились свои великолепные школы миниатюры, переработавшие римские и византийские элементы в искусство так называемого романского стиля.

В Северной Италии каролингский минускул укрепился в середине IX в., вытеснив местное письмо, развивавшееся в том же направлении, но более медленными темпами.

В другие страны новое письмо проникло гораздо позднее. В Англии оно появилось в конце X в. в результате церковной реформы (аналогичной каролингской реформе). Однако местное англосаксонское письмо пустило очень прочные корни; лишь после нормандского завоевания 1066 г. оно было оттеснено (но не вытеснено сразу) каролингским минускулом.

Появление нового письма в Кастилии и Каталонии также связано с церковной реформой, проведенной в конце XI в. Характерно, что хронисты XIII в. прямо говорят о запрещении употреблять старое (т. е. испанское) письмо при переписке новых литургических книг.

В кодексах другого содержания старое письмо удержалось в течение XII в.

]

В Южной Италии каролингский минускул появился лишь в конце XIII в. и в XIV—XV вв. применялся одновременно со старым беневентанским письмом.

Канцелярское письмо IX—XI вв.

В письме королевских, а затем и императорских дипломов каролингского периода отчетливо сказывается стремление к регуляризации канцелярского курсива (см. табл. 24). Лигатуры почти совсем исчезли, буквы стоят тесно, но не сливаются друг с другом. В знаке инвокации, так называемом хризмоне (см. гл. 1), украшения приняли упорядоченную форму. Первая удлинённая строка читается легко, несмотря на чрезвычайную вытянутость букв. От меровингского периода сохранилась некоторая извилистость очень длинных выносных, которые по-прежнему придают письму его «дипломатический» облик.

В дипломах германских императоров X—XI вв. каллиграфия письма и украшений, а также размещение на листе всего текста, достигли высокого совершенства. Документы, вышедшие из канцелярий французских и английских королей, несравненно скромнее. Во Франции каролингский минускул раньше проникает в грамоты, чем в Англии, где долго держится влияние местного острого письма.

В папской канцелярии до начала XII в. господствовал «старый папский куриал» — курсивное крупное письмо на папирусе. В XII в. он был вытеснен каролингским минускулом, который воспринял от своего предшественника лишь некоторые черты дипломатического письма и в этом виде называется «новым папским куриалом».

Все эти более или менее каллиграфически изысканные формы могли процветать лишь в королевских канцеляриях крупных стран. Писцы более скромных канцелярий (епископских, монастырских) гораздо скорее отказались от прежних канцелярских форм и перенесли в грамоты привычные формы каролингского минускула (в некоторых случаях удастся установить, что тот или иной писец писал как кодексы, так и грамоты). Несмотря, однако, на довольно неуклюжую стилизацию письма под «дипломатическое», оно сохраняет все черты типичного каролингского минускула (см. табл. 25).

Причины распространения каролингского минускула

Основной причиной победы каролингского минускула над всеми прежними типами письма является его графическое совершенство и экономичность. Благодаря этим качествам он вытеснил местное письмо из

основных сфер письменности и принял в себя от своих побежденных соперников лишь некоторые стиливые особенности. Но есть еще одно обстоятельство, объясняющее проникновение каролингского минускула даже в самые консервативные канцелярии. Курсивное письмо папских грамот («старый римский куриал») в XI в. уже стало непонятным в других областях католического мира. В одной хронике конца XI в. рассказано о распре между двумя представителями высшего духовенства Мозельской области (Бельгия). Один из претендентов на церковные доходы оспорил подлинность представленной другим претендентом папской грамоты на том основании, что она написана «странным непривычным письмом». Эксперты, состоявшие из писцов, заверили ее подлинность и для доказательства представили в суд копию, сделанную «привычными буквами», каковая была прочтена вслух и сверена с оригиналом слово в слово. Этот любопытный эпизод показывает, что в 70-х гг. XI в. в изолировавшихся монастырях и церквях Мозельской области, письмо папских грамот могли прочесть лишь немногие знатоки. Аналогичный случай зафиксирован в 1075 г. в Туре, где сам архиепископ не смог прочесть папскую грамоту начала X в., «ибо она написана римским письмом».

Эти факты не могли быть единичными. «Непонятность» того или иного местного типа письма вне пределов его территории подрывала принцип единообразия письма, воплощенный в каролингском минускуле. Однако те же факты показывают, что в установлении этого единообразного письма папство отнюдь не играло роль инициатора. Наоборот, папы вынуждены были изменить консервативное письмо своих грамот под давлением того обстоятельства, что нормой письма и его всеобщей формой стал каролингский минускул.

**§ 1. РАННЕГОТИЧЕСКОЕ ПИСЬМО
(КОНЕЦ XI—XII вв.)**

Каролингский минускул, получивший к XI в. универсальное распространение в скрипториях и канцеляриях Западной Европы, настолько удовлетворял требованиям рациональности, четкости и красоты, что не существовало, казалось бы, причин для каких-либо его значительных изменений. Тем не менее, уже в начале XI в. в письме стали появляться новые черты. До середины XI в. они не были еще отчетливы, затем постепенно приобрели более выраженный характер. Эта эволюция, совершившаяся в различных странах не одновременно, привела повсюду к одному результату: письмо стало «готическим».

Переход от каролингского минускула к раннеготическому письму произошел в Западной Европе в целом в XI в. Раннеготическое письмо господствовало в XII в.; в XIII в. готическое письмо приобрело законченные формы.

**Термин
«готическое письмо»**

Термин «готическое письмо» (или «готический минускул») исторически не обоснован, ибо готы не имели к нему никакого отношения. Но он так же прочно вошел в науку и в широкий обиход, как термины готическая архитектура, готическая скульптура, готическая миниатюра. Современники называли это письмо иначе (см. § 2).

Термин «готическое письмо» возник в кругу итальянских гуманистов в XV в., которые прилагали его к письму докаролингского периода и стремились в своем «гуманистическом письме» (см. гл. 8)

возродить античные, как им казалось, традиции. Затем термин «готический» стал применяться в более широком плане как синоним понятия «варварский», средневековый. В XVIII в. он хронологически и предметно уточнился; его стали употреблять для обозначения архитектуры, искусства и письма «готической эпохи» XIII—XV вв. Мавристы сохранили этот термин в своих палеографических трактатах и, следуя гуманистам, считали «готическое письмо» испорченным по сравнению с каролингским минускулом. Реабилитация в эпоху романтизма всего средневековья и особенно средневековой культуры отразилась и на оценке готического письма; термин «готический» утратил прежний пренебрежительный оттенок и превратился в чисто условное понятие. Длительное существование в Германии готического печатного шрифта и готического обычного письма (они вышли из употребления лишь в середине XX в., см. гл. 9) способствовало тому, что в применении к письму это слово особенно упрочилось в широком обиходе.

Основные черты готического письма

На первый взгляд развитое готическое письмо кажется совсем непохожим на каролингский минускул. Такое впечатление складывается на основе следующих различий (см. табл. 23 и 26):

в каролингском минускуле	в готическом письме
1. буквы поставлены свободно	тесно слиты друг с другом
2. » округлые	угловатые
3. » почти квадратные	сильно вытянуты вверх
4. » не имеют резко выраженных жирных и волосных, вертикали выведены ровно	имеют резко выраженные жирные и волосные, вертикали имеют излом
5. промежутки между строками равны 2 и более корпусам	меньше 2 корпусов
6. промежутки между словами равны 1—2 корпусам	меньше 1 корпуса
7. выносные не меньше 1 корпуса	меньше 1 корпуса

Следовательно, различия сводятся к тому, что буквы сузились и вытянулись, слова и строки расположились теснее. Кроме того, стало употребляться перо иной заточки, позволившее проводить очень жирные линии наравне с тончайшими волосными. В общем письмо приобрело иной облик и гораздо плотнее заполнило пространство страницы.

Однако определяющие элементы письма — форма букв, дукт и угол письма остались (за вычетом незначительных исключений) теми же, что и в каролингском минускуле. Изменения коснулись лишь пропорций

букв, толщины линий и расположения текста на странице. Поэтому готическое письмо не является новым этапом в развитии латинской письменности и представляет собой лишь один из типов средневекового минускульного письма.

Причину его появления следует искать в общем комплексе развития общества и культуры.

Историография

Генезис готического письма долгое время не являлся предметом специального палеографического исследования. Было распространено мнение (сохранившееся отчасти и доньше), что основные тенденции в развитии письма — такими считались удлинённые пропорции букв и излом вертикалей — послушно следовали за общим ходом складывания готического стиля в архитектуре и в изобразительном искусстве, подчиняясь его общим эстетическим принципам. Казалось, что вытянутые и угловатые буквы соответствуют устремляющимся ввысь готическим соборам и излому готической арки, что они гармонируют с удлинёнными пропорциями готической скульптуры. Эти зрительные аналогии представлялись настолько убедительными, что палеографическое детальное исследование становилось как бы излишним. Поэтому палеографы ограничивались лишь формальным описанием признаков готического письма, не анализируя их происхождения и смысла. При такой постановке вопроса, когда решающая роль отводилась эстетическому принципу, итог длительного процесса неправильно принимался за его причину. Как будет показано дальше, в основе вытянутых линий как в строительстве, так и в письме, лежит один и тот же принцип экономии места, который при своем воплощении в соответствующие архитектурные и графические формы привел к появлению готического стиля с его эстетическими нормами. Надо отметить, что хронологически письмо не следовало за развитием готического стиля в архитектуре, а наоборот, предшествовало ему более, чем на столетие, так как первые признаки готических тенденций в строительстве относятся лишь к середине XII в.

Проблема генезиса готического письма была поставлена лишь в 1920-х гг. Первая гипотеза принадлежит О. А. Добиаш-Рождественской, обратившей внимание на графические аналогии (излом) в беневентанском (см. гл. 5) и готическом типах письма. По мнению автора, территориальная отдаленность Южной Италии от Северной Франции (где, как считалось в начале XX в., готическое письмо появилось раньше всего) не могла помешать беневентанскому письму послужить образцом для готического. Эти две области были связаны друг с другом как политически (под властью нормандских герцогов), так и вследствие того, что

в них были расположены святилища очень почитавшегося в средние века архангела Михаила — Монте Гаргано на берегу Адриатического моря и Мон-Сен-Мишель у берегов Нормандии. Благодаря паломникам, посещавшим эти святилища, беневентанские рукописи могли попасть в Северную Францию и оказать воздействие на каролингский минускул.

Действительно, связи между особо почитаемыми святилищами способствовали тому, что паломники переносили с собой рукописи, письмо которых оказывало то или иное воздействие на практику скрипториев. Однако этой гипотезе не хватает чисто палеографических доказательств. Ей противоречит бесспорный факт постепенного складывания готического письма и медленное изменение формы пера. Если же допустить, что образцом для готического письма послужило беневентанское, то подражанию должны были подвергнуться его основные черты, т. е. очень жирные, изломанные посередине вертикали, и перо сразу стали бы затачивать так, чтобы можно было их начертать. Обманчивым является и само внешнее сходство между этими типами письма; Сьяпарелли (Schiaparelli) доказал, что излом и лигатуры у них различны. Кроме того, неодинаковы и формы букв, так как беневентанское письмо принадлежит к числу докарolingских типов.

В 1951 г. французский палеограф Буссар (Boussard) выдвинул гипотезу об английском происхождении готического письма. Главную роль в его возникновении он отводит перу особой заточки (с косым срезом и расщеплением правее середины, см. табл. 1), считая, что та или иная форма пера автоматически приводит и к зависящей от нее форме букв. Первые признаки применения такого пера он усматривает в грамотах, написанных в первой половине XII в. в английской королевской канцелярии. Отсюда это письмо распространилось по всему континенту. Мнение Буссара справедливо в том отношении, что сочетание жирных изломанных вертикалей с тончайшими волосными возможно лишь при наличии соответствующим образом заточенного пера. Однако дело заключается не в одном лишь пере; готическое письмо обладает и другими признаками, не зависящими от орудия письма. Не подтверждаются и указанные Буссаром хронологические грани, равно как и территориальное распространение.

В докладе, прочитанном в 1960 г. на совещании в Париже по истории письменности, Маришаль уделил готическому письму особое внимание (Marichal — *L'écriture latine*). Он считает, что письмо это появилось в результате подъема образования и культуры и отмечает его более плотное расположение на странице, что позволило уменьшить размер книги и сделать ее более дешевой и удобной. Маришаль детально критикует теорию прямой зависимости готического письма от готической архитектуры. По его мнению, стрельчатая арка и излом букв не имеют между собой ничего общего. Это технические новшества, обусловлен-

ные в первом случае необходимостью усовершенствовать конструкцию сводов, во втором — особой заточкой пера. При объяснении специфики готического письма Маришаль развивает дальше теорию американского искусствоведа Панофски, усматривающего многие черты сходства между готической архитектурой и схоластической диалектикой XIII в. (сходство между общей композицией зданий и системой диалектических доказательств). Эту аналогию Маришаль распространяет и на готическое письмо в целом (главным образом на расположение текста на странице и на его членение), полагая, что можно его рассматривать как графическое воплощение диалектики. Таким образом, аналогия между письмом и архитектурой оказывается, по его мнению, не непосредственной и зримой, а интеллектуальной: она проистекает из применения к письму тех методов размышления, которые характерны для всего духа эпохи.

Эта теория Маришалья идеалистична и построена на столь же шатких предположениях, как и теория прямой зависимости письма от архитектуры, которую он справедливо критикует. Автор не занимается палеографическим анализом и не рассматривает эволюцию букв и других элементов письма.

Первая детальная палеографическая разработка проблемы генезиса готического письма была предпринята в начале 1950-х гг. Т. В. Луизовой, проследившей процесс постепенного накопления в письме новых черт («готизация» письма) и их соединение в определенный комплекс. Главное внимание было при этом устремлено на выявление смысла данной эволюции и выяснение ее причин в связи с новыми требованиями к письму в результате развития городов и городской культуры в XI—XII вв.

«Готизация» письма в XI в.

Процесс «готизации» письма протекал более или менее одинаково почти во всех странах, но несколько варьировал во времени и в последовательности появления отдельных черт. В зависимости от этого, как раннее, так и развитое готическое письмо получило известные национальные (а не узко локальные, как в раннем средневековье) особенности. Перемены совершались в основном в книжном письме, действовавшем затем и на письмо канцелярий.

В течение первой половины XI в. буквы стали постепенно вытягиваться вверх, но начертание их почти не изменилось. К середине столетия пропорции ширины и высоты достигли 3 : 5, т. е. уже далеко отошли от близких к квадрату букв каролингского минускула. Характерно, что новые пропорции сохранились почти без изменения вплоть до появления книгопечатания. Такая устойчивость свидетельствует о том,

что присущие готическому письму пропорции были эмпирически найдены на первом же этапе его формирования.

Параллельно вытягиванию букв вверх происходило все более и более тесное сцепление их внутри слова. Буквы не только примыкают друг к другу, но и соединяются между собой легкими волосными штрихами, а некоторые из них (особенно те, что имеют округлую форму корпуса **bdopq**) сливаются друг с другом. Тесное сцепление букв внутри слова, уничтожая свободную постановку букв в каролингском минускуле, сильнее подчеркивало промежутки между словами и позволило уменьшить пустые расстояния. Поэтому одновременно сжимаются и промежутки между словами.

Излом появился тогда же, но сперва лишь в очень слабой форме. К середине XI в. он становится заметным во Франции и в Англии, в других странах — в начале XII в. Постепенно усиливается разница между жирными и волосными; первые значительно утолщаются, вторые становятся тоньше. В местах их соединения буква как бы слегка изламывается, вертикали и выносные получают угловатые окончания. В буквах с закругленными очертаниями корпуса (**bdopq**) овалы начинают постепенно превращаться в ромбики. Постепенность в развитии излома может быть объяснена лишь такой же постепенностью в изменении заточки пера. Его особая форма была тоже найдена эмпирически и притом в течение довольно длительного срока.

Изменения письма в течение XI в. можно свести к следующим основным стадиям.

Первая половина столетия представляет собой период исканий новых форм. Они обнаруживаются далеко не во всех кодексах. Многие из них исполнены еще в прежней традиционной манере, каролингским минускулом, хотя несколько более жестким, чем в X в. Тенденция к изменению каролингского минускула проявляется в разных рукописях не совсем одинаково. В одних буквы лишь слегка вытягиваются и становятся как бы прямоугольными, в других пропорции почти прежние, но заметен легкий излом, в третьих видны все основные признаки: вытягивание и сжатие букв, излом. Развитие новых черт можно порой проследить в одной и той же рукописи: начатая в еще чисто каролингском минускуле, она демонстрирует на своих серединовых, и особенно на последних листах последовательные стадии постепенно «готизирующегося» письма (образец письма XI в., см. табл. 27).

Начиная с середины XI в. количество рукописей, написанных в новой манере, все более и более увеличивается и к концу столетия решительно превышает число рукописей каролингского минускула. Характерные черты готического письма вырисовываются достаточно отчетливо. К концу XI в. переходный период был в основном закончен.

Раннеготическое письмо XII в.

Термин «раннеготическое письмо» означает, что письмо уже обладает всеми характерными признаками, но некоторые из них еще продолжают развиваться. Так, если удлиненность и сжатость получили окончательное оформление и пропорции букв установились, то их слияние и особенно излом все время прогрессируют. Продолжают сжиматься промежутки между словами и сокращаются расстояния между строками, в результате чего число строк на странице увеличивалось, несмотря на то, что высота корпуса букв была больше, чем у каролингского минускула. Подобное сжатие промежутков между строками стало возможным благодаря укорачиванию выносных и изменению их формы. В каролингском минускуле они были прямыми и длинными, теперь они утолщаются, загибаются или слегка расщепляются на концах. При этом их основная функция сохраняется, так как глаз продолжает легко схватывать хотя и укороченные, но зато утолщенные выносные.

Раннеготическое письмо (см. табл. 28) уже резко отличается от каролингского минускула, но в то же время оно еще не достигло полного графического совершенства и законченности всех своих форм, которые появляются в XIII в.

К середине XII в. каролингский минускул совершенно исчезает в книгах, а затем готическое письмо проникает и в грамоты.

Процесс вытеснения каролингского минускула готическим письмом совершился во Франции быстрее и интенсивнее, чем в других странах. Он закончился там уже в начале XII в. Почти эти же сроки характерны и для Англии, где резче была выражена угловатая остроконечность букв. Для Германии срок оформления надо отодвинуть на конец столетия, так как «прямоугольное» письмо (т. е. переходное к готическому) держалось довольно долго. В Северной Италии готические черты получили своеобразное преломление: излом, короткие выносные, тесные промежутки сочетались с округлыми, хотя и несколько вытянутыми буквами. Аналогичное явление наблюдается в Испании. В Южной Италии продолжало господствовать беневентанское письмо.

Причины графических изменений

Исходными моментами послужили удлиненные пропорции букв и их тесное расположение внутри слова. Это сопровождалось постепенным усилением излома (благодаря изменению в заточке пера). Вытянутые вертикали утолщались по двум причинам: во-первых, ради чет-

кости письма (вытянутые и тесно расположенные тонкие вертикали превратили бы письмо в трудночитаемый частокол прямых линий), во-вторых, ради каллиграфии (тонкие длинные вертикали нельзя сделать столь же безупречно прямыми, как вертикали жирные). Сжатое расположение букв сводило к минимуму небольшие закругления (с е), добавочные элементы (г), полукруги (т п и) и позволяло начертывать их с помощью волосных. В результате появилось сильное различие между жирными и волосными. Косой срез пера придал форму угла верхним и нижним окончаниям жирных вертикалей. Таким образом, излом и особая заточка пера были не первопричиной, а следствием изменений пропорций букв и их плотного сцепления друг с другом.

Тесное слияние букв внутри слова, а также сужение промежутков между словами и даже между строками, свидетельствуют о поисках таких форм письма и расположения текста на странице, которые дали бы возможность более экономного расходования писчего материала. Действительно, подсчеты числа букв на странице определенного формата показали, что уже раннеготическое письмо позволило увеличить это число на 12—15% по сравнению с каролингским минускулом, а развитое готическое письмо — даже на 50%. Разумеется, речь идет о средних цифрах и им не противоречит то обстоятельство, что уже в XII в. (а позже еще чаще) встречаются рукописи каллиграфически-крупного письма.

Почему же такую значительную экономию надо было осуществлять подобным образом? Не проще ли было уменьшить размеры букв каролингского минускула? Такой способ был в тех условиях неприемлем. Графически он был возможен (в рукописях IX—X вв. оглавления писались иногда очень мелко), но физиологически он сделал бы длительное чтение неосуществимым¹. В смысле размера букв и соответствующих им расстояний между строками, каролингский минускул довел до предела возможности невооруженного человеческого глаза. Очки появились в XIII в. и вплоть до XVI в. исправляли лишь дальновзоркость. Следовательно, до XIII в. писцы и читатели могли рассчитывать только на свои глаза. Между тем это были нередко люди не первой молодости, зрение которых могло быть ослаблено из-за чтения и писания при недостаточном освещении, или из-за возрастной дальновзоркости. Поэтому уменьшать и без того достаточно мелкие буквы каролингского минускула было невозможно. Основное условие письма — его читаемость — надо было сохранить, и в то же время требовалось экономить место, т. е. писать как можно теснее, «убористее».

¹ Даже теперь, несмотря на очки и значительно большую натренированность глаз, существует предел размера обычного печатного шрифта; очень мелкие шрифты употребляются лишь для коротких текстов и в справочных изданиях (словарях, энциклопедиях и т. п.).

Начиная с XI в. во всех странах Западной Европы в связи с ростом городов ощущается потребность в развитии школ и образования.

До появления городов светского образования фактически не было; грамоте учились только клирики. Развитие торгово-ремесленных центров потребовало значительного расширения круга грамотных людей. Число школ в городах возросло. В XII в. появились школы, где преподавание вели частные лица; в это же время начали появляться первые университеты. Расширился и объем образования.

Развитие и расширение образования увеличивало потребность в книге. До XI в. общее количество книг в церковных (преимущественно монастырских) библиотеках было невелико и соответствовало столь же немногочисленным читателям. В XI в. и в особенности в XII в. потребность в книге резко возросла. Книги стали переписываться не только для церковных библиотек, королей, епископов и аббатов, но и для юристов, врачей, университетских профессоров. Книга входила в относительно широкий обиход.

До XII в. производство книг по-прежнему оставалось монополией монастырских и церковных скрипториев, но число последних увеличилось, особенно в городах. Затем появились писцы — цеховые ремесленники, для которых переписка книг была не богоугодным делом, а оплачиваемым ремеслом. Они легче приспосабливались к новым требованиям, работали быстрее, их продукция была дешевле, а круг переписываемых текстов все время расширялся. В результате в общей массе книжной продукции доля, выполненная ремесленниками, возрастала. Случалось, что монастыри находили для себя более выгодным заказать книгу писцу-ремесленнику, чем переписать ее в своей мастерской.

Одновременно с увеличением числа книг оживилась деятельность канцелярий, особенно городских, где составлялись разнообразные документы.

Цеховые ремесленники, монастырские скриптории, канцелярии — все они предьявляли непрерывно возрастающий спрос на писчий материал. Им по-прежнему был лишь пергамент. Нехватка писчего материала стала ощущаться отчетливо уже к середине XI в., а в XII в. сказалась в достаточно тяжелой форме. «Готизация» письма, приведшая к более экономному расходованию пергамента, была ответом на потребность уместить наибольшее количество текста на наименьшем пространстве. В этом отношении очень характерно то обстоятельство, что по мере распространения бумаги с конца XIII в., и в особенности в XIV—XV вв., в готическом письме произошли соответствующие изменения. За исключением литургических книг, где в письме сохранились и даже увеличились все его особенности, во всех прочих рукописях оно стало утрачивать именно те черты, которые делали его экономным, т. е. вытянутость, сжатость и тесное слияние букв, а также минимальные расстоя-

ния между словами и строчками. Оно стало «раскидистым» и свободным, появились длинные выносные и, следовательно, значительные расстояния между строками. Сравнительное обилие писчего материала позволило отказаться от тесного расположения текста на странице, которое, несомненно, затрудняло до известной степени процесс чтения. Однако перо осталось по-прежнему «готическим», поэтому в письме сохранились излом, жирные вертикали и тончайшие волосные.

Теперь можно вернуться к вопросу о связях между архитектурой и письмом в «готическую» эпоху. Готическая архитектура имеет сходство с готическим письмом в том отношении, что ее конструктивные особенности также выработались постепенно под влиянием потребности увеличить полезную площадь здания. В больших готических соборах стены и внутренние конструкции стали тоньше, увеличилась высота здания, что позволило расширить хоры¹. Архитектурное оформление готических соборов подчеркивает их устремленность ввысь — пучки тонких стрельчатых арок веерообразно разбегаются по высоким сводам, огромные окна сильно вытянуты вверх. Этому же принципу подчиняются украшающие собор статуи и цветные витражи; фигуры, расположенные, как правило, на большой высоте, имеют сильно удлинённые пропорции (иначе они казались бы снизу укороченными и дисгармонирующими с общими пропорциями здания). Расцветшая в XIII в. готическая миниатюра испытала сильное воздействие уже сложившихся в ту пору эстетических норм готического стиля в целом. Удлиненные фигуры на книжных иллюстрациях зрительно необоснованы, ибо их можно рассматривать на близком расстоянии, но эстетически они соответствуют удлиненным и сжатым формам букв готического письма.

Сокращения в раннеготическом письме

Сокращения в раннеготическом письме XII в. почти не отличаются по своему характеру и числу от сокращений в письме VIII—XI вв. Это объясняется тем, что область письменности, где они применяются чаще всего (записи лекций, всевозможные черновые записи, судебные протоколы, глоссы (примечания) в юридических трактатах и в сборниках законов, финансовая документация и т. п.), хотя и появилась во второй половине XII в., но еще не развилась в полной мере, как это случилось позднее в XIII в., и особенно в XIV—XV вв. В XI—XII вв. писались пре-

¹ В дальнейшем, по мере распространения готического стиля в архитектуре и особенно в период его полного господства в XIV—XV вв., его стали применять и при возведении таких зданий, где не было нужды экономить площадь фундамента.

имущественно книги для многократного чтения и грамоты, т. е. памятники письменности, требующие определенной степени легкости и быстроты чтения и поэтому не допускающие большого числа сокращений. К тому же готизация письма, хотя она происходила достаточно медленно и глаз постепенно приучался к новому более сложному облику письма, очевидно препятствовала на первых порах его усложнению еще и в отношении роста сокращений.

§ 2. КНИЖНОЕ ГОТИЧЕСКОЕ ПИСЬМО XIII—XV ВВ.

В XIII в. готическое письмо приобретает вполне законченные формы. Все его характерные признаки — излом, вытянутые буквы, слияния, штрихи — проявляются полностью. Но это не исключает дальнейшего развития готического книжного письма, в нем вырабатываются новые каллиграфические варианты. Кроме того, в XIII в. еще не все признаки готического письма регулярно повторяются в каждой рукописи.

Большое влияние на дальнейшее развитие книжного готического письма оказывает сложившийся в XIII в. готический курсив грамот. С проникновением элементов курсива в книжное письмо появляется большое количество вариантов письма, трудно поддающихся классификации. В XIV в. под непосредственным влиянием курсива происходит выработка последней каллиграфической формы готического книжного письма — готической бастарды, отличающейся широкими и раскидистыми буквами. Ее быстрому распространению в XIV—XV вв. содействовало широкое применение бумаги. Удлиненные пропорции букв сохраняются в этот период, главным образом, в письме литургических книг.

В начале XV в. с появлением в Италии гуманистического письма монополия готического письма в книгах была нарушена. Однако в большинстве стран Западной Европы оно сохранило свою господствующую роль в качестве книжного письма вплоть до изобретения книгопечатания, и отдельные его формы были заимствованы для печатных шрифтов.

На развитие книжного письма XIII—XV вв. оказало большое влияние ремесленное производство книг в городах. Само понятие «книги» для этого периода нуждается в уточнении. В форме кодексов переписывались рукописи самого различного содержания: не только авторские произведения, но и городские и цеховые статуты, правовые памятники, сборники документов, записи лекций студентами и т. д. Значительная их часть предназначалась для личного пользования владельцев (которые зачастую сами их и переписывали), а не для продажи. Такого рода рукописи, количество которых постоянно возрастало, по своему содержанию и назначению не могут считаться книгами в точном смысле слова. Под книгой в этот период следует понимать рукописи, написанные про-

фессиональными писцами для продажи или на заказ с целью многократного использования. С этим ограничением и употребляется ниже понятие книжного готического письма.

Рост потребности в книге. Библиотеки

Социально-экономическое и политическое развитие стран Западной Европы в XIII—XV вв. сопровождалось крупными успехами в области культуры.

Появилась письменная литература на национальных языках: рыцарские романы, исторические хроники, поэмы, театральные пьесы, лирика, записи эпоса, песни трубадуров и т. д. Одновременно осуществляются переводы с латинского языка произведений античных авторов, трудов схоластов и сочинений «отцов» церкви. Появление литературы на национальных языках делало книгу более доступной для читателя. Значительно увеличилось и число грамотных людей. Центрами образования стали университеты, которые в течение XIII—XV вв. распространились по всей Европе; к концу XV в. их насчитывалось более 60. Вокруг университетов в городах объединились тысячи учащихся, преподавателей и ученых. Все они нуждались в большом количестве книг различного содержания: учебниках и комментариях, юридических, медицинских, философских и богословских трактатах, произведениях античных авторов.

О возросшем интересе к книгам и расширении образования свидетельствует появление в XIII—XV вв. многочисленных библиотек при университетах, во дворцах королей и крупных феодалов, в домах богатых горожан и ученых. Количество книг в библиотеках часто достигало внушительных для того времени цифр, хотя книги стоили дорого. Библиотека Сорбонны при Парижском университете насчитывала в 1338 г. 1720 книг. Большие библиотеки были созданы в XIII—XIV вв. при университетах в Оксфорде и Кембридже. Значительных размеров достигают частные библиотеки. Большой славой пользовалась библиотека французских королей. В XIV в. в ее состав входило 1200 томов. В 1368 г. библиотека была помещена в Лувре, был назначен специальный хранитель книг, который составил их инвентарь. Инвентари и каталоги средневековых библиотек содержат много интересных сведений о рукописных книгах (в том числе о таких, которые до нас не дошли), об их цене, создателях, владельцах и т. п. Составители инвентарей иногда отмечали название письма, которым написана рукопись. Состав средневековых библиотек свидетельствует о широких и разносторонних вкусах образованных людей того времени и о разнообразной тематике книг, создававшихся в городских мастерских.

Изготовление книг в ремесленных мастерских

Постоянно возрастающий спрос на книги явился причиной коренных изменений в организации их изготовления. С конца XII в. центром производства книг окончательно становятся города. Большинство монастырских и церковных мастерских постепенно приходят в упадок будучи не в состоянии выдержать конкуренцию городских ремесленников. В отличие от монастырей, где весь процесс изготовления книги, от подготовки пергамента до художественного оформления, был сосредоточен в рамках одной мастерской, в городах в XIII—XIV вв. развивается узкая специализация мастерских, изготовлявших книги. Создаются цехи пергаментщиков и переплетчиков, цехи, изготовляющие металлические застежки и другие элементы переплетов, мастерские переписчиков, рубрикаторов, иллюстраторов. Такое разделение давало значительный рост производительности труда, содействовало увеличению книжной продукции и ее удешевлению.

Основным материалом для книг в XIII—XIV вв. по-прежнему оставался пергамент, но применялись новые приемы, содействовавшие улучшению качества этого материала. До XIII в. белизна и гладкость пергамента достигалась путем втирания яичного белка и свинцовых белил; в XIII в. его полировали пемзой, получались очень белые и хорошо выделанные листы. Самый хороший пергамент по тонкости и гладкости не уступает лучшей современной бумаге.

Развитие городской культуры предъявляло к книге новые требования — она должна была быть не только полезной, но и красивой. В XIII—XIV вв. вырабатываются новые разнообразные приемы художественного оформления книг. На полях появились бордюры, сменившиеся в середине XIV в. рамками с пышным растительным орнаментом. Инициалы украшались золотом и различными красками. Особенного развития достигает в этот период искусство готической миниатюры. Его общепризнанным центром в XIV в. становится Париж. Книги, вышедшие из парижских мастерских, высоко ценились во всех странах Западной Европы, а искусство миниатюры по мастерству парижских мастеров стало называться «парижским искусством».

Для удовлетворения возросшего спроса на украшенную книгу в городских мастерских иллюстраторов широко применялось разделение труда. Отдельные части книги, обычно поступавшей из мастерской писца в несброшюрованном виде, глава мастерской распределял между иллюстраторами. Предварительно он делал набросок карандашом или пометки на полях рукописи, в которых указывал сюжет миниатюры. По этим указаниям и работал иллюстратор, чей труд оплачивался сдельно. Такая организация труда позволяла значительно увеличить продукцию

мастерской. В оформлении книг вырабатывались определенные штампы, создавались идентичные рукописи. Писец также работал по строго определенным образцам. Индивидуальные черты сохраняют только роскошные книги, изготовлявшиеся по заказу королей, крупных феодалов, богатых горожан и т. д. Эти рукописи, выполненные талантливыми мастерами, являются шедеврами письма и миниатюры.

Широкое применение бумаги для изготовления книг со второй половины XIV в. сыграло важную роль. Бумага стоила намного дешевле пергамента, поэтому и книга стала более дешевой и более доступной. Это позволило перейти к изготовлению книг непосредственно для продажи, а не на заказ. В городах появились в XV в. крупные мастерские, в которых книгу писали, иллюстрировали и переплетали, т. е. делали целиком от начала до конца. В некоторых мастерских широко применялось разделение труда. В это время получили широкое распространение часословы (молитвенники). Для быстрого удовлетворения спроса на них обычно отдельно изготовлялись календарь и часть, содержащая основной текст, причем последняя делалась в большом количестве одинаковых копий, представляющих собой своеобразные заготовки, а календарь писался с учетом праздников той или иной местности. Затем обе части соединялись и книга переплеталась. Создание многочисленных копий приводило к выработке более или менее единообразных приемов в письме и иллюстрации, что сыграло большую роль в подготовке книгопечатания.

Университетское книгопроизводство

Обучение в университетах требовало снабжения студентов и профессоров учебниками и литературой, связанной с университетским курсом. Этой цели отвечала система университетского книгопроизводства, сложившаяся к середине XIII в. и получившая наибольшее распространение во Франции и Италии в XIV в. Университетские мастерские письма имели ряд особенностей. Они входили в университетскую корпорацию и пользовались всеми ее привилегиями. В то же время труд университетских пергаментариев, переплетчиков, переписчиков, иллюстраторов, стационариев был регламентирован статутами университета. В университетских мастерских изготовлялись лишь те книги, которые требовались по программе; кроме того, университет контролировал содержание книг, с которых делались копии. Тесная связь с университетом определяла и язык книг — латинский.

Чтобы сделать книгу доступной студентам, ее нужно было удешевить. Поэтому университетские рукописи почти лишены украшений. Уде-

шевление книги и наиболее быстрое изготовление многочисленных копий обеспечивалось организацией работы по переписке рукописей. С книги, хранившейся в университетской библиотеке, или непосредственно с оригинала произведения того или иного автора делалась копия, называвшаяся «экземпляр». Он писался на переплетенных тетрадах (ресіа), по четыре листа в каждой, количество тетрадей зависело от размера книги. После составления «экземпляра» он проверялся и утверждался специальной комиссией, избранной университетом, которая устанавливала цену за копирование каждой тетради. Затем «экземпляр» в несброшюрованном виде передавался на хранение к стационарию (stationarius), который не только хранил «экземпляры», но одновременно был главой университетской мастерской письма, где под его руководством работали писцы, иллюстраторы, переплетчики. Он распределял работу по изготовлению новых «экземпляров», следил за заменой старых ветхих «экземпляров» новыми. Студент приходил к стационарию, брал у него одну тетрадь (ресіа) из «экземпляра» и платил установленную цену. Переписав тетрадь, он возвращал ее стационарию и брал следующую, и так до тех пор пока не переписывал всю книгу. Таким образом, одновременно один «экземпляр» могли переписывать несколько человек. Переписка осуществлялась студентами или профессиональными писцами, иногда профессорами. Стационарий играл также посредническую роль между заказчиком и писцом.

Труд профессионального писца в университетской мастерской регламентировался, что привело к середине XV в. к полной унификации письма университетских книг. Благодаря системе «ресіа» за время, необходимое одному переписчику для того чтобы сделать одну копию (если он один работал над перепиской всей книги), создавалось 40 копий.

Заслуга исследования системы «ресіа» принадлежит французскому палеографу Дестре (Destrez). Изучив около 15 000 рукописных книг с текстами учебников и т. п., он установил, что свыше тысячи из них были созданы на основе всего только 82 «экземпляров». Эти цифры дают приблизительное представление о масштабах университетского книгопроизводства, причем имеются в виду только книги, имеющие помету о «ресіа», т. е. в основном переписанные профессиональными писцами. Гораздо большее число рукописей таких помет не имеют; они переписывались студентами и профессорами для личного пользования.

Мастерские монастырские и «братьев общей жизни»

Несмотря на упадок монастырского книгописания в некоторых монастырях продолжали действовать мастерские письма, но работа в них также была организована по-новому; широко применялся труд плат-

ных писцов и иллюстраторов, книги часто изготовлялись для продажи. Большую активность в переписке книг сохранили вплоть до середины XV в. монастыри в Бельгии, Нидерландах, Германии. Некоторую роль играли и монахи нищенствующих орденов; книги, переписанные ими и обычно скромно оформленные, стоили относительно дешево и находили широкий сбыт.

В конце XIV в. в Девентере (Голландия) была основана религиозная организация «братья общей жизни» (*Fratres vitae communis*), которая успешно конкурировала в изготовлении книг на Севере Европы как с городскими ремесленными, так и с монастырскими мастерскими. В отличие от последних «братья общей жизни» изготовляли книги на национальных языках и исключительно для продажи. Сферой их деятельности также были Бельгия, Голландия, Северная Германия.

Терминология книжного письма в XIII—XV вв.

Первые попытки классифицировать многочисленные разновидности книжного письма XIII—XV вв. принадлежат его современникам. Средневековые писцы не знали термина «готическое письмо» (см. § 1); они выработали свою терминологию. Нам известно о ней из инвентарей и каталогов средневековых библиотек, а также из тетрадей и афиш мастеров письма (в афишах-объявлениях, которые писцы вывешивали на дверях своих мастерских, обычно давались образцы письма и указывались их наименования). Самая старая из дошедших до нас афиш датируется XIV в., но наибольшее распространение они получили в XV в. Терминология, которую употребляли средневековые писцы разных стран, обнаруживает большое сходство, это позволяет предположить, что она была единой для всей Европы. Однако отдельные термины имели в разных странах различное содержание.

Терминология XIII—XV вв. представляет большой интерес, так как она отражает классификацию различных типов письма, принятую в то время в зависимости от их характера и целевого назначения. Какие же наименования давали современники книжному письму XIII—XV вв.?

1. *Littera formata* (*lettre de forme*). Во Франции в XIII—XIV вв. этим термином обозначалось всякое каллиграфическое письмо текста книг в противоположность канцелярскому письму и с конца XIV в. бастарде. В XV в. это наименование закрепилось лишь за письмом литургических книг с его ярко выраженными «готическими» особенностями.

2. *Textus, textura*. Так называлось в Англии и Германии каллиграфическое письмо самого текста книг в отличие от письма глосс и ком-

ментариев (термин *littera formata* там не употреблялся). Различались четыре разновидности «текстуры», представляющие собой варианты крупного письма с двойным и простым изломом вертикалей. Во Франции термин *textus* употреблялся редко, в качестве эквивалента термина *lettre de forme*.

3. *Littera rotunda*. В Италии так называлось каллиграфическое книжное письмо, сохранившее (в отличие от французского) большую округлость букв. Оно возникло на севере Италии в XIII в. и окончательно оформилось в XIV в. в болонских юридических кодексах. Во Франции ротунду очень ценили за ее четкость и называли по месту происхождения «болонским письмом» (*lettre boulonnoise*) или «ломбардским» (*lettre lombarde*). Применялся к ней также и термин *lettre de forme*. В Германии ротундой называли одну из разновидностей текстуры (*textus rotundus*) — угловатое вытянутое письмо, не имеющее ничего общего с округлым итальянским.

4. *Fractura*. Первоначально этот термин употреблялся не самостоятельно, а в качестве определения, указывающего на излом готического письма. Он мог относиться как к книжному (*littera seu textus fractus*), так и к канцелярскому письму (*notula fracturarum*). В Германии в XV в. термин «фрактур» начинает употребляться в самостоятельном значении как эквивалент текстуры. Во Франции он по-прежнему служил лишь для обозначения излома.

5. *Littera bastarda*. Ни один термин не вызывал и не вызывает столько споров. Они касаются не только содержания термина (чаще, чем в других случаях, менявшегося в зависимости от места и времени), но и одного из коренных вопросов истории книжного письма XIII—XV вв.: проблемы происхождения бастарды. Ранее всего этот термин встречается в инвентарях и каталогах французских библиотек XIV—XV вв. для характеристики письма книг исторического и литературного содержания на французском языке. Современники проводили четкое разграничение между бастардой и *lettre de forme*, бастардой и курсивом (*lettre courante*). Другим наименованием бастарды было *lettre de court* (что по мнению многих палеографов указывает на ее канцелярское происхождение). Таким образом, во Франции бастарда помещалась как бы посередине между каллиграфическим книжным письмом и курсивом.

В Германии термин «бастарда» употреблялся очень редко для письма, имевшего только одну черту, сближающую его с французской бастардой XIV—XV вв. — утолщенные сверху и слегка наклонные оси букв *f s*. Близкое к бастарде полукурсивное письмо дешевых книг в Германии именовалось обычно по месту их изготовления.

В качестве печатного шрифта бастарда была широко использована первопечатниками в книгах светского содержания, однако в них она заметно трансформировалась. Поскольку в XVI—XVII вв. термин «бас-

тарда» стал применяться для совершенно других типов канцелярского и обычного письма (см. гл. 9), для более точного определения мы будем называть бастарду рукописных книг XIV—XV вв. «готической бастардой».

Кроме перечисленных терминов, современники употребляли для характеристики книжного письма XIII—XV вв. наименования, отражающие его «национальные» особенности. Выше говорилось о терминах «ломбардское письмо», «болонское письмо». Французские писцы широко пользовались термином «французское письмо» (*lettre française*). Это свидетельствует о том, что современники хорошо различали и учитывали сложившиеся в этот период «национальные» черты того или иного письма. Проникновение в книги курсивного письма также нашло свое отражение в терминологии: в инвентарях и каталогах французских библиотек для обозначения разновидностей книжного курсивного письма широко употреблялись термины *lettre courante* и *lettre de note*.

Созданная средневековыми писцами терминология как бы подвела итог эволюции письма, но главным образом в сфере его каллиграфических вариантов. В ней почти не отражены промежуточные формы между книжным каллиграфическим письмом и курсивом (см. § 3 и 4), т. е. многообразии обычного письма эпохи, различные виды которого мы встречаем в дешевых книгах, предназначенных для широкого читателя.

Классификация книжного письма XIII—XV вв.

Отношение к готическому письму XIII—XV вв. как к письму «испорченному» и не имеющему своей проблематики (см. § 1), было причиной того, что только в конце XIX — начале XX в. стали предприниматься попытки его классификации. Они сводились в основном к стремлению дать наименования встречающимся в книгах XIII—XV вв. видам письма. Но большое разнообразие книжного письма при таком формальном подходе приводило попытки классификации в тупик. Для большинства палеографов характерно отсутствие единых принципов классификации. В общих работах Стеффенса, Пру и других (*Steffens, Prou*) ее основой служили произвольно выбранные и часто противоположные критерии: различное применение письма (в книгах «готический минускул», в документах «готический курсив»), размер букв, характер излома (термин *lettre de forme* был заимствован палеографами из практики средневековых писцов для обозначения письма с двойным изломом), «национальные» или местные особенности письма («парижское письмо» для обозначения письма парижских университетских рукописей XIII в., «болонское письмо», «оксфордское письмо»).

В 1930-х гг. попытки создать классификацию готического письма XIII—XV вв. были сделаны немецкими палеографами Вемером и Кроусом (Wehmer, Crous) и английским палеографом Джонсоном (Johnson). Они подвергли критическому изучению терминологию средневековых писцов и печатников XV—XVI вв., дали описание отдельных шрифтов, создали ряд новых терминов. Однако и они подходили к решению проблемы преимущественно с формальных позиций и при характеристике различных видов готического письма учитывали главным образом форму букв, не рассматривая исторических условий возникновения того или иного типа и его развитие. Кроме того, они считали, что с точки зрения формы букв нет никакого различия между рукописной и печатной книгой и свободно переносили наименование печатных шрифтов на письмо рукописных книг. Такой подход неоправдан: письмо рукописных книг перешло в книгопечатание на определенном этапе своего развития и содержание терминов, обозначающих его разновидности, при этом часто менялось, приобретая совершенно новое значение. Неудача попытки классификации готического письма XIII—XV вв. палеографами конца XIX — первой половины XX в. показывает бесплодность статической классификации, основанной на чисто внешних признаках письма. Практически невозможно передать в наименованиях все бесчисленное разнообразие письма этого периода, особенно когда дело касается курсивов. Научной основой для классификации письма XIII—XV вв. должна быть его эволюция и ее особенности в отдельных странах.

Заслуга первой попытки связать проблему классификации письма XIII—XV вв. с вопросами его развития принадлежит нидерландскому палеографу Лифтинку (Lief tinck). Выработанная Лифтинком номенклатура¹ явилась отражением предложенной им схемы развития готического письма XIII—XV вв., которое характеризуется двумя основными чертами: проникновением курсивного письма в книжное (взаимодействие этих двух сфер письма создает множество разновидностей и приводит к появлению в первой половине XV в. бастарды, т. е. письма смешанного типа), наличием «иерархии стилей» в области как книжного, так и канцелярского письма. Под «иерархией стилей» Лифтинк понимает деление письма (книжного и канцелярского) в зависимости от тщательности исполнения на каллиграфическое (*scriptura formata*), беглое (*scriptura currens*) и стоящее между ними «обычное», но тщательно исполненное письмо, т. е. типичное письмо эпохи.

Основные тенденции в развитии письма книг XIII—XV вв. намечены Лифтинком в основном правильно. Однако созданная им классифика-

¹ Под номенклатурой письма в современной палеографической литературе подразумевается совокупность наименований, употребляемых при характеристике письма рукописей того или иного периода, в данном случае XIII—XV вв.

ция сложна и не вполне отчетлива. Лифтинк недостаточно учитывает целевое назначение той или иной рукописи, а также национальные особенности в готическом книжном письме XIV—XV вв. Эта классификация основана главным образом на изучении нидерландских рукописей, и для письма других стран неудачна. Кроме того, рукописи, на которые ссылается Лифтинк, в основном церковного происхождения, что для Европы XIV—XV вв. в целом уже нетипично.

Обсуждение доклада Лифтинка на совещании и отклики на него в печати показали, что для большинства западных палеографов проблема номенклатуры письма является в основном вопросом терминологии и рассматривается в отрыве от научной классификации. Споры вокруг предложенных Лифтинком образцов письма, именуемого им бастардой, свелись к обсуждению термина, которым следует определять это письмо. Вопрос же о месте, которое оно занимает в эволюции письма XIII—XV вв. и о его историческом значении был оставлен в стороне. В то же время это обсуждение отразило общее неблагоприятное состояние данного раздела палеографии. Обширное рукописное наследие этого периода еще недостаточно учтено и каталогизировано; нет обобщающих работ о развитии этого письма, как в отдельных странах, так и в целом, не выработана классификация книжного письма по странам, без чего невозможно создание общей классификации и единой номенклатуры.

Развитие книжного готического письма XIII—XV вв.

В развитии готического книжного письма XIII—XV вв. можно выделить несколько периодов, хронологические рамки которых устанавливаются только приблизительно, так как они меняются в зависимости от условий развития письма в той или иной стране. Культурно-историческая обстановка играет здесь ведущую роль и определяет национальные особенности письма.

Однако основные тенденции в развитии готического книжного письма в целом являлись общими для всех стран Европы: отставание или опережение определяется всего несколькими десятилетиями.

Первый период включает XIII в. и продолжается до 1320-х гг. Уже в начале этого периода готическое книжное письмо приобретает свои завершенные формы. Его развитие в течение XIII в. приводит к образованию каллиграфического письма с двойным изломом, своего рода каллиграфического тупика. Оно получает наибольшее распространение в литургических книгах и сохраняет это свое значение вплоть до конца XV в. Во Франции оно сложилось окончательно во второй половине XIII в., в других странах — к концу первой четверти XIV в.

В книгах преимущественно светского содержания на национальных языках развитие готического письма приобретает иной характер. В нем проявляются черты, сближающие его с каролингским минускулом (почти квадратные пропорции букв, сохранение большого количества округлых элементов). В течение XIII в. это письмо регуляризуется и на его основе на рубеже XIII—XIV вв. вырабатывается прекрасное каллиграфическое письмо. В отличие от каллиграфического письма литургических книг мы называем его готическим каллиграфическим минускулом. Широкое распространение это письмо получило в романских странах: Франции, Италии, Испании. В Англии и Германии оно не применялось.

Письмо глосс и заметок в книгах XII в. послужило исходным моментом для развития мелкого каллиграфического письма, нашедшего применение во Франции XIII в. в качестве письма библий. Однако из-за чрезвычайно мелких букв, затруднивших чтение, это письмо в качестве самостоятельного книжного письма просуществовало недолго.

Сложившийся в XIII в. готический курсив (см. § 3) употреблялся в этот период главным образом в книгах, написанных для личного пользования. Профессиональные писцы прибегали к нему редко.

Второй период в развитии готического книжного письма охватывает время с 1320 до 1380-х гг. В течение этого времени готическое книжное письмо продолжает оставаться господствующим, вырабатывается «иерархия стилей». В зависимости от целевого назначения книги письмо меняет свои формы от тщательно выписанных до небрежных и трудно читаемых. Каллиграфические варианты определяются содержанием рукописей (письмо университетских рукописей, письмо часословов и т. д.). В литургических книгах продолжает сохраняться каллиграфическое письмо с двойным изломом.

Характерная эволюция происходит в это время с готическим каллиграфическим минускулом. Сложившиеся в ту пору эстетические нормы готического искусства оказывают на него влияние в сторону утраты им почти квадратных пропорций. Он превращается в письмо удлиненное, сжатое, но по-прежнему сохраняющее ясность, четкость и легкую читаемость. Лучшие образцы этого письма были созданы для книг библиотеки Карла V. Итальянское готическое письмо сохраняет свои округлые формы.

Характернейшей чертой этого периода является энергичное проникновение в книги курсива. Готический курсив с середины XIV в. становится повсеместно в Европе письмом дешевых книг. Особенно широкое распространение он получает в рукописях университетского происхождения.

Третий период — 1380—1470-е гг. — характеризуется тем, что роль основного книжного письма переходит к готической бастарде, которую применяли в книгах на национальных языках. К этому времени удельный

вес этих книг в общей массе книжной продукции значительно возрос, и бастарда быстро стала самым распространенным книжным письмом. Ее успеху способствовал присущий ей смешанный характер: по сравнению с готическим книжным письмом она является письмом более беглым, но сохраняющим в то же время «готические» черты, отвечающие эстетическим вкусам эпохи. В XV в. на ее основе создаются готическая каллиграфическая бастарда — письмо роскошных книг, выполнение которого требовало не меньших затрат труда и времени, чем готическое каллиграфическое письмо, — и готическая курсивная бастарда — беглое письмо дешевых книг.

Таким образом, главная линия развития книжного письма с конца XIV в. и до конца XV в. состоит в развитии бастарды. Готическое книжное письмо в книгах на латинском языке также подвергается значительному влиянию бастарды и ассимилирует ее отдельные формы. Сохраняется готическое каллиграфическое письмо литургических книг, образующее несколько вариантов стиля (разновидности «текстуры»). Наряду с бастардой в книгах продолжает широко употребляться курсивное письмо, развивающееся в индивидуальных почерках в сторону все большей беглости.

Перейдем теперь к анализу письма каждого периода.

Книжное готическое письмо XIII в. — 1320-х гг.

Освобождение от церковной рутины и известная «демократизация» книги, с одной стороны, отсутствие еще не успевших сложиться строгих правил книжного письма, с другой, — создали благоприятные условия для творческих поисков писцов в XIII в. Именно в этот период складываются принципы художественного оформления книги, и в готическом письме развиваются его каллиграфические варианты. Процесс выработки готической каллиграфии растянулся на целое столетие. Он совершался главным образом в письме литургических книг, прошедшем через несколько этапов, прежде чем приобрести законченные формы готического каллиграфического письма с двойным изломом. В письме первой половины XIII в. еще чувствуются отдаленные связи с каролингским минускулом, хотя все «готические» признаки уже налицо (см. табл. 29). Письмо сохраняет четкость и хорошо читается. Буквы вытянуты вверх, но их выносные еще достаточно возвышаются над строкой (пропорции ширины и высоты 2 : 3). Буквы сжаты, однако они стоят достаточно свободно и часто изолированы друг от друга. Расстояние между строками равно одному корпусу буквы; расстояние между словами сократилось, но его хватает для того, чтобы слово могло быть выхвачено глазом из

строки. Характерно большое количество почти закругленных линий: полукружия **b c d e** и очертания буквы **o** закруглены, с небольшим изломом у основания. Слияния букв употребляются, но нерегулярно (на одной странице **do de** пишутся и вместе и раздельно). Формы букв еще альтернативны: **d** имеет и минускульную форму, и унциальную, причем изогнутая выносная приобретает характер маленькой горизонтальной черточки. Минускульное **s** чередуется с длинным в конце слов. Вертикали букв сохраняют свою подвижность, штрихи имеют незначительное развитие, излом характерен главным образом для верхних частей букв. Основания **i m n** как бы срезаны и имеют чуть заметные утолщения; они не лигируются со следующей буквой.

Это письмо получает особенно широкое распространение в середине XIII в. во французских рукописях. Дальнейшее его развитие завершается во Франции уже в 1280-х гг. выработкой готического каллиграфического письма (см. табл. 30), в котором еще более усиливается прямоугольный принцип построения букв. Полное развитие получает излом вертикалей, регулярно повторяющийся уже не только сверху, но и у оснований букв. Излом приобретает подчеркнутую форму. Каллиграфический эффект достигается также и многочисленными штрихами, которые подчеркивают контраст тонких и толстых линий букв. Сцепление букв внутри слова усиливается и промежутки между словами становятся еще меньше.

Если «готизация» письма была вызвана необходимостью экономить писчий материал (см. § 1), то на формирование готического каллиграфического письма несомненное влияние оказывали уже сложившиеся в XIII в. эстетические нормы готического стиля. Основным принципом этого письма становится подчеркнутое (с помощью использования всех возможностей готического пера) чередование жирных черных вертикалей и белых просветов. Буквы становятся объемными и как бы получают третье измерение. В чередовании просветов выдержан определенный ритм. Писец избегает белых пятен и там, где абзац кончается посередине строки, оставшееся место заполняется цветными виньетками. Это придает эстетическую законченность странице, которая воспринимается как единое целое.

В XIII в. широкое распространение получает очень мелкое книжное письмо (см. табл. 31), которому немецкие палеографы дали выразительное название «бисерное письмо» (Perlschrift). Его буквы имеют почти квадратные пропорции и почти правильные круги. Несомненно происхождение этого письма от письма глосс и заметок в книгах XII в.; оно имеет с ним много общего. Его применение в качестве книжного письма объясняется как соображениями экономии материала, так отчасти и тем, что в XIII в. начинают появляться книги небольшого формата (in octavo и меньше) — преимущественно библии, которые пользовались боль-

шим спросом у читателей. Этот формат делал книгу более удобной в обращении и требовал мелкого письма. Однако уменьшаясь, письмо становилось более трудным для чтения, тем более что «готизация» не миновала и его: уменьшились выносные, сократились расстояния между строками и между словами. Для того чтобы глаз мог легче выделить слово, в мелком письме особенно сильно развиваются штрихи, благодаря которым буквы в слове тесно соединены между собой, а промежутки между словами более заметны. Но и это не могло в целом компенсировать потерю мелким письмом легкости в чтении. В то же время его исполнение требовало не меньше труда и времени, чем готическое каллиграфическое письмо с двойным изломом. Поэтому очень мелкое письмо не закрепилось в качестве книжного текстового письма и уже к концу рассматриваемого периода его употребляют редко.

Наибольшее разнообразие заметно в письме книг светского содержания на национальных языках, в меньшей степени связанного сложившейся традицией. В нем тесная связь готического книжного письма с каролингским минускулом проявлялась особенно ярко и — в отличие от письма литургических книг — сохранилась даже в самых развитых каллиграфических вариантах. Причину этого следует искать в том, что появление и распространение книг на национальных языках было прежде всего связано с развитием городской культуры и с деятельностью городских ремесленных мастерских. Быстро растущий спрос на эти книги заставлял писца искать такие формы письма, которые были бы достаточно четкими и экономными, и в то же время требовавшими меньше времени для написания, чем письмо литургических книг и очень мелкое письмо библий. Такие формы подсказывались сохранившим свою генетическую связь с каролингским минускулом обычным письмом эпохи, которые в XIII в. широко пользовались для личных записей студенты, ученые, юристы и просто образованные люди. Влияние обычного письма на письмо светского содержания сказывалось в его размерах (не слишком мелкое, но и не столь крупное, как в литургических книгах), в пропорциях букв (пропорции каролингского минускула), в формах букв (большое количество округлых элементов) и в развитии лигатур.

В первой половине XIII в. это влияние становится особенно сильным: буквы готического минускула почти квадратны (см. табл. 32); расстояния между строками больше одного корпуса; излом имеет своеобразный характер: овал **o** и полукружия **e** изламываются посередине, благодаря чему буквы приобретают ромбическую форму, но имеют закругленные основания. Штрихи у оснований **m** **n** также округлены, что позволяет легко отличать эти буквы от **i** **u**. Некоторые буквы имеют различные формы: **a** **s** (на конце слова встречается в двух формах) **b** **p** (часто имеют открытую форму). Стремление к беглости письма обусловило развитие в готическом минускуле лигатур — **st** **ct** **cu** **ti** **re** и т. д.

Во Франции готический минускул к началу XIV в. заметно регулируется. На выработку его каллиграфических форм оказывают все большее влияние эстетические нормы готического стиля: буквы удлиняются, выносные сокращаются, реже встречаются ромбические формы **o**, появляется излом в верхних частях букв. Письмо получает больше сходства с книжным готическим письмом. Однако в сложившемся каллиграфическом готическом минускуле принцип прямоугольного построения букв и штрихи не получили такого развития, как в письме литургических книг. Более того, в каллиграфическое письмо богато иллюстрированных книг проникают отдельные курсивные элементы (см. табл. 33).

В Германии к началу XIV в. письмо книг на немецком языке также сохраняет почти квадратные пропорции букв с длинными выносными. Для него характерно отсутствие округлений у оснований букв, а штрихи еще больше подчеркивают их заостренность.

В Англии в готическом письме книг на английском языке ясно проступает преемственность с англосаксонским письмом (см. гл. 5); особенно ярко это выражено в букве **g**, образующей многочисленные лигатуры со следующей буквой.

Книжное готическое письмо в XIV в.

В XIV в. в каллиграфических вариантах готического книжного письма постепенно все резче подчеркиваются стилевые особенности: буквы удлиняются и сжимаются, расстояния между строками сводятся к минимуму, штрихи получают максимальное развитие. В XIII в. они были в основном средством выделения слова путем более тесного сцепления букв и таким образом частично компенсировали потерю письмом его четкости, в XIV—XV вв. штрихи приобретают характер своеобразных украшений, подчеркивающих контраст жирных и волосных линий (см. табл. 34). Парадная неподвижность букв делает письмо особенно торжественным, но в то же время тяжелым и угловатым. Оно читается с трудом, несмотря на тщательность, с которой выписана каждая буква.

Во Франции готическое каллиграфическое письмо с двойным изломом широко применяется в XIV в. в литургических книгах, в смягченных формах оно встречается в дорогих книгах на национальных языках и в университетских рукописях, исполненных профессиональными писцами. За ним к концу XIV в. окончательно закрепляется наименование *lettre de forme*.

Для письма университетских рукописей в этот период характерны особенно сжатые буквы и наличие многочисленных сокращений. В каждом университетском центре в XIII в. вырабатываются свои приемы

оформления рукописей, а в XIV в. они настолько отчетливы, что можно точно определить место и время написания отдельных рукописей, отличающихся друг от друга качеством пергамента, форматом, цветом чернил, способом линования, характером помет о «ресіа», размером последних, орнаментацией и т. п. В письме ярко проявляются национальные особенности. Однако бо́льшая часть рукописей университетского происхождения вышла в XIV в. из-под пера студентов и профессоров и написана готическим курсивом (см. § 4).

В романских странах готический каллиграфический минускул в книгах на национальных языках в большинстве случаев приобретает в XIV в. двойной излом и удлинённые пропорции букв; выносные сильно уменьшаются. В отличие от предыдущего периода расстояние между строками становится меньше корпуса буквы. Таким образом, основные отличия, характерные для готического минускула XIII в. в книгах на национальных языках, в XIV в. исчезают. Независимо от языка и содержания, в книгах теперь господствует готическое удлинённое письмо, лишь несколько отличающееся от каллиграфического варианта дорогих книг.

Однако несмотря на усиление готических черт в рукописях, написанных лучшими мастерами XIV в. (на табл. 35 приведен образец письма Рауля Орлеанского, придворного писца Карла V), письмо по-прежнему сохраняет ясность и четкость. Все буквы дифференцированы: каждая имеет свою, только ей присущую форму. В отдельных случаях излом подчеркнут сильнее, чтобы придать письму большую парадность. Разнообразие вносят выписанные синей и красной красками заглавные буквы. В целом, письмо воспринимается почти как печатный шрифт.

В XIV в. каллиграфические варианты книжного письма приобретают полную законченность, но в целом готическое книжное письмо заметно деградирует. Все возрастающий спрос на книги и, как следствие этого, стремление писать быстрее приводят к тому, что письмо становится небрежным, буквы неровно выписанными и более заостренными, часто плохо читаемыми (см. табл. 36). Сокращения многочисленны и их знаки часто трудно различимы. В отдельных рукописях сжатость письма достигает наивысшего предела: соединяются не только две, но три и четыре буквы, что затрудняет чтение.

Национальные особенности готического письма XIII—XIV вв.

В XIII—XIV вв. в готическом книжном письме ярко проявляются национальные особенности. Подробно описанное выше французское готическое письмо (см. табл. 27—35) раньше приобрело свои закончен-

ные формы и оказало значительное влияние на развитие письма в Англии и Германии. Там также появились удлинённые формы букв, однако в немецких рукописях двойной излом несколько запаздывает и в XIII в. применяется менее регулярно. Это относится и к письму университетских рукописей. Своеобразный характер английскому готическому книжному письму придаёт сложившиеся в XIII в. и получившие законченный вид в XIV в. заостренные формы удлинённых букв с выступающей над строкой петлей а. Эта форма а сохраняется и в английском готическом минускуле XIV в. (см. табл. 37), равно как и в английской бастарде с ее высоко поднятыми утолщенными осями f s.

В Англии и Германии в XIV в. письмо литургических книг приобретает торжественные, массивные и угловатые формы. В текстуре двойной излом применяется уже регулярно. В отличие от заостренных французских форм буквы имеют квадратные основания. В книгах на немецком языке письмо угловато и изобилует штрихами декоративного характера (см. табл. 38).

Особые формы получило в XIV в. готическое каллиграфическое письмо в Италии (см. табл. 39), возникшее в XIII в. Средневековые писцы называли его «ротундой», подчеркивая округлый характер этого письма. Действительно в ротунде много несколько вытянутых овалов и полукружий. Наибольшее своеобразие придают ротунде прямые и ровные по толщине вертикали слабо сжатых букв и излом, главным образом у оснований, при закругленных верхних частях букв (во Франции, наоборот, раньше всего излом появился вверху вертикалей). Еще более округлые буквы почти квадратных пропорций имело в XIV в. в Италии письмо книг светского содержания.

Национальные различия проявляются в XIII—XIV вв. также и в обычном письме, для которого во Франции, Италии, Испании характерно сохранение округлых элементов. В Англии и Германии оно имело более угловатые формы.

Книжное готическое письмо в 1380—1470-х гг.

В основном две причины определили перелом в развитии книжного готического письма в конце XIV в., выразившийся в том, что роль основного типа письма книг переходит к бастарде — последнему варианту книжного готического письма.

Первая причина заключалась в непрерывно возраставшей потребности в более беглом книжном письме (даже небрежное готическое письмо требовало много времени для начертания) и в то же время четком и легком для чтения (готический курсив при всей своей беглости

не обладал этими качествами). Вторая причина, способствовавшая распространению готической бастарды, заключалась во все более широком применении бумаги для изготовления книг. Стоившая намного дешевле пергамента, бумага позволила отказаться от постоянной экономии материала; следствием этого была потеря готическим письмом таких черт, как чрезмерная сжатость, удлинённая форма букв, их тесное слияние, небольшие расстояния между строками и между словами.

Однако, если причины появления бастарды более или менее ясны, то по вопросу о ее происхождении нет единой точки зрения. Большинство французских палеографов полагают, что основой бастарды является канцелярское письмо, а ее происхождение они связывают с деятельностью писцов канцелярии герцогов Бургундских, одной из самых крупных и активных канцелярий того времени. Другие палеографы (в том числе Лифтинк) считают основой бастарды книжное готическое письмо, а ее происхождение объясняют постепенным проникновением в него курсивных элементов.

В спорах о происхождении бастарды отражается характер этого письма, сочетающего одновременно черты книжного письма и курсива (см. табл. 40). От курсива готическая бастарда заимствовала петлистую форму **d** и петлистые верхние выносные. Особое своеобразие придает бастарде **f s** с утолщенными осями, уходящими далеко вниз. Курсивную форму имеет также **a**.

Введение курсивных элементов способствовало большой беглости бастарды, в связи с чем упростился дукт отдельных букв (многие пишутся без отрыва пера, например **d f s**). О том же свидетельствует и манера образования вертикалей букв: они имеют как бы клинообразную «факельную» форму, получающуюся тогда, когда готическим пером пишут быстро — в верхней части линии рука делает нажим, а затем быстро и свободно скользит вниз (иную манеру мы наблюдаем в готическом книжном письме, где писец выписывает вертикаль одинаково жирной на всем ее протяжении). Сближает бастарду с курсивом и наклон вправо некоторых букв. В то же время в отличие от курсива бастарда имеет регуляризованные, хорошо выработанные формы букв с чередованием и жирных и волосных линий. Лигатур меньше, чем в курсиве. Отдельные буквы не связаны со следующими. Расстояние между строками больше корпуса буквы, а расстояние между словами позволяет с легкостью их разделять. Все эти черты, свойственные бастарде как книжному письму, делают ее хорошо читаемой при одновременном сохранении эстетических норм, присущих готическому письму (см. табл. 40).

Найдя, благодаря своим качествам, широкое применение в книгах на национальных языках, бастарда очень быстро эволюционировала до каллиграфической бастарды, с одной стороны, и беглой — курсивной бастарды, с другой. В каллиграфической бастарде нашли свое проявление

все черты, присущие каллиграфическим формам готического письма в целом: штрихи получили усиленное развитие, в большинстве случаев приобретаю чисто декоративный характер, а хорошо выписанные буквы — ярко выраженный излом, нередко двойной; вертикали букв заметно выпрямились, и в большинстве случаев потеряли клинообразную форму; оси *f* и *s* лишились наклона вправо и стали почти перпендикулярными строке. Исполнение каллиграфической бастарды требовало не меньше времени, чем любая другая каллиграфическая форма готического письма. Изящная каллиграфическая бастарда употреблялась в XV в. не только в книгах на национальных языках, но и в роскошных книгах на латинском языке, предназначенных для светских лиц, например, в часовниках. В книгах церковного содержания появляются характерные для бастарды *f s*. Буквы теряют сжатость, слияния и сокращения применяются реже. Это письмо обычно называется «гибридным» (*hybrida*). Только в литургических книгах по-прежнему господствовало каллиграфическое готическое письмо с двойным изломом, сохранявшее все свои основные черты, приобретенные во второй половине XIV в.

Курсивная бастарда приобрела еще более беглый характер. Параллельное развитие готического курсива привело в XV в. к появлению большого количества смешанных форм письма, которые трудно дифференцировать. Поэтому уже в конце XV в., и особенно в XVI в. содержание термина «бастарда» в большинстве стран получило свое особое значение (см. гл. 9).

Итоги развития книжного готического письма в XIII—XV вв.

Не являясь новым этапом в жизни средневекового письма, книжное готическое письмо XIII—XV вв. тем не менее оказало влияние на это развитие. «Готизация» каролингского минускула сделала письмо более экономным и позволила значительно удешевить книгу, способствуя ее распространению. Частичная потеря готическим письмом четкости и ясности компенсировалась некоторыми новшествами. Так, именно в готическом письме был завершён начатый еще в каролингском минускуле процесс четкого разделения слов в строке. Несмотря на то, что расстояние между словами в готическом письме меньше, чем в каролингском минускуле, слова в нем выделены резче, благодаря тесному сцеплению букв внутри слов. Некоторые буквы (*d r s u*) получили различные формы в зависимости от того, где они расположены: в начале или в конце слова, что так же облегчило при чтении выделение начала и конца слова. Буква *i* приобрела в готическом письме штрих (впоследствии он был заменен точкой). Созданные в готическом письме новые формы

букв (s конечное, r круглое, i длинное, употреблявшиеся перед m n) продолжали существовать в латинском письме и в последующие столетия, особенно в курсивах. Регуляризация письма в ремесленных мастерских подготовила почву для создания печатных шрифтов.

§ 3. КАНЦЕЛЯРСКОЕ ПИСЬМО И КУРСИВЫ XII—XIII ВВ.

В грамотах, написанных каролингским минускулом в XII в. также проявились тенденции к готике, но при сохранении традиций дипломатического письма, унаследованных от раннего средневековья. Поэтому по сравнению с письмом книг письмо грамот графически осталось ближе к каролингскому минускулу.

Благодаря тому, что все грамоты (за исключением фрагментов) точно датированы, эволюция их письма может быть прослежена буквально год за годом.

Особенности письма грамот, появившиеся в XII—XIII вв., в дальнейшем получили значительное развитие и широкое распространение. Они связаны с выработкой своеобразной каллиграфии канцелярского письма и появлением тех форм курсивного письма, которые с некоторыми видоизменениями просуществовали до конца средневековья.

Терминология

Для письма документов XII—XIII вв. в палеографии применяют два основных термина: дипломатическое письмо и готический курсив. Оба термина условны, поскольку ни тот, ни другой не раскрывают характерных особенностей письма. Термин «дипломатическое письмо», употребляемый по отношению к письму торжественных королевских, императорских, папских документов, мало применим к письму частных актов, квитанций и расписок, появившихся в XII—XIII вв. и совсем неприменим к письму картуляриев и регистров, написанных в канцеляриях. Термин «готический курсив» неточен, так как «готические» черты (вытянутость, тесное расположение букв, излом и штрихи) не всегда проявляются в письме грамот.

Следует различать ряд терминов в применении к письму документов и обычному письму. Поскольку большая часть документов была написана в канцеляриях, к письму документов применим термин «канцелярское письмо». Известно два типа канцелярского письма: каллиграфическое и курсивное. Каллиграфическое канцелярское письмо выписано четкими красивыми буквами, снабженными украшениями в виде завитков и росчерков. Канцелярский курсив — более беглое письмо, со-

храняющее однако каллиграфический аспект. Все документы (грамоты, акты разного содержания, расписки, квитанции), а также регистры и картулярии написаны канцелярским письмом, но одни из них каллиграфическим, другие (особенно расписки, квитанции, дорсальные записи, регистры и черновые записи нотариев) — курсивным.

Обычное письмо — заметки, пометы и глоссы, сделанные учеными, студентами, писателями, а также частная переписка — всегда имеет отпечаток индивидуальности и чаще всего является курсивным или со значительными элементами курсивности.

Термин «небрежный курсив» применяется по отношению к курсивам индивидуальным, а также к черновым записям актов и документов, называемым «минутами».

Акты XII—XIII вв. и их оформление

В XII—XIII вв. во всех странах Западной Европы умножается число грамот и появляются новые категории документов.

Торжественные дипломы уступили место грамотам более простым и по форме, и по внешнему виду.

Кроме королевских и папских канцелярий во всех странах существовали многочисленные канцелярии церковных и светских феодалов.

Многочисленными становятся частные акты, составленные нотариами. Влияние Италии с ее развитой еще в предшествующую эпоху системой нотариата сказалось в XIII в. прежде всего в соседних с Италией французских областях: в Провансе и Лангедоке. В странах на север от Альп в городах возникли и муниципальные канцелярии. В них составлялись или оформлялись не только городские, но и частные акты. С конца XII и начала XIII в. в муниципальных и нотариальных канцеляриях вводится систематическое ведение регистров.

В XII—XIII вв. официальные акты по-прежнему писались на пергаменте. Это могли быть большие документы (до 75×95 см) и совсем маленькие (до 3×4 см). Для черновиков грамот, счетов и других записей широко пользовались восковыми табличками. С XIII в. для регистров стали применять бумагу. Грамоты на бумаге в это время еще очень редки.

В оформлении грамот XII—XIII вв. сохраняются традиции XI в., но появляется характерное своеобразие: торжественные грамоты часто украшаются большим орнаментированным инициалом с изображением фантастических фигур или заполнены изящным узором, нанесенным пером либо легкой растушевкой. Грамоты небольшого размера и менее значительные документы оформлялись весьма скромно. Как правило, до середины XIII в. в большинстве грамот первая строчка составлена из

очень удлиненных, сплетающихся между собой букв; иногда сохраняются поля; некоторые грамоты снабжены вислой печатью (на шелковом шнурке или пергаментной ленточке).

Канцелярское письмо XII—XIII вв.

Канцелярское письмо и курсивы XII—XIII вв. изучены недостаточно. В общих трудах Prou, Steffens, Battelli даны лишь описания отдельных букв.

В 1950-х гг. появились специальные работы.

В работе венгерского палеографа Хайнала поставлены вопросы, связанные с ролью средневековых университетов в процессе формирования канцелярского письма, исследована эволюция курсива. Автор считает, что развитие средневекового письма происходило под прямым воздействием университетского обучения, и стремится выяснить, какое место занимало обучение письму также и в школах. Он полагает, что в XII—XIII вв. техника беглого письма вообще могла развиваться только в результате интенсивного обучения письму в университетах, но ему не удалось установить, какому именно типу письма там обучали. Хайнал впервые поставил вопрос о возникновении в XIII в. готического курсива. Он считал, что курсив появился именно в грамотах (поскольку в книгах в это время развитие письма шло по пути совершенствования его четкости в целях быстрого чтения, а не быстрого начертания), причем это обуславливалось развитием общества.

В работе бельгийского палеографа Стъенона детальнейшим образом изучено письмо епископских канцелярий Льежской области (Бельгия) с XI до середины XIII в. Автор считает, что развитие канцелярского письма шло по линии изменения не форм букв, но лишь их каллиграфических особенностей; поэтому он обращает большое внимание на изменение каллиграфии письма. Готизация каролингского минускула (которую Стъенон усматривает только в появлении излома) в епископских грамотах Льежской епархии произошла позднее, чем в других странах Западной Европы. Каллиграфическая особенность данного письма очень незначительна и сводится всего лишь к своеобразному начертанию буквы *g*, похожей на наш знак §, однако это своеобразие стойко сохраняется в течение XI—XII вв. В дальнейшем формы украшений становятся столь же стереотипными как и во всех других канцеляриях. В результате детальное исследование локального канцелярского письма еще раз подчеркивает, что в XI—XII вв. оно не обладало никакими существенными отличиями.

Особую роль в развитии канцелярского письма вообще Стъенон отводит папской канцелярии, письмо которой, по его мнению, явилось

образцом для канцелярий всех стран Европы. Это значительное преувеличение. На деле имела место имитация лишь каллиграфических черт письма папской канцелярии некоторыми епископскими канцеляриями. Эволюция собственно канцелярского письма происходила независимо от папского.

Письмо английских документов за большой период времени (XIII—XVII вв.) исследовано Л. Гектором (L. Hector), но автор не прослеживает эволюцию письма в целом. Периодом наивысшего развития небрежного курсива в письме документов он считает 1250—1330-е гг. В дальнейшем оно сочетает беглость с каллиграфическим изяществом. Появление индивидуального обычного письма в Англии Гектор приурочивает к XV в.

Канцелярское письмо XII в. представляет собой слегка измененный каролингский минускул. Оно имеет тот же угол и дукт. От раннеготического книжного письма XII в. канцелярское письмо чаще всего отличается буквами меньшего размера и — что очень существенно — иных пропорций, близких к пропорциям каролингского минускула. Излом, характерный для книжного готического письма в канцелярском письме выражен недостаточно; можно наблюдать только тенденцию к излому. Буквы не сливаются и не начертываются плотно одна к другой. Расстояние между строками не уменьшается, за исключением тех случаев, когда акт написан на очень маленьком куске пергамента.

Основной особенностью канцелярского письма XII в. является более широкое, чем прежде, внедрение украшений (удлиненных выносных в виде дубинок с утолщением или раздвоением на конце). К середине XII в. украшения становятся каллиграфической особенностью канцелярского письма; удлиненные выносные закручиваются в изящные петли, а знаки сокращения приобретают форму девятки или узелка (см. табл. 41).

Особенности канцелярского письма XII в. характерны для всех стран Западной Европы, где каролингский минускул «готизировался», за исключением Северной Италии; там во многих грамотах первой половины XII в. еще ясны традиции письма североитальянских канцелярий раннего средневековья.

Изменения, происходящие в канцелярском письме в XIII в., касаются не столько характера письма (форм букв, их размера), сколько его стиливых особенностей. Вырабатывается большое разнообразие каллиграфических стилей. Оно выражается в изменении положения букв по отношению к строке (они могут стоять перпендикулярно или с наклоном вправо и влево, что зависит от способа держания пера), и в создании разнообразной и усложненной системы украшений, причем перо, применявшееся в канцеляриях, имело по сравнению с пером, употреблявшимся для книжного письма, более узкий «готический» срез с рас-

щеплением посередине, что допускало начертание букв с менее выраженным изломом. Украшения возникали на выносных букв **b d f h l p q s**. Они то удлинялись, вытягивались перпендикулярно к строке, то резко наклонялись влево. Часто верхние выносные, удлиняясь, закручивались на концах вправо в узелки или спирали, а для равновесия нижние выносные закруглялись влево. В ряде букв (**h m n**) на конце слов, а иногда и в середине, второй или третий составной элемент буквы удлинялся под строку и закруглялся. То же происходило с буквами **i s** (на конце слов) и буквой **g** (в середине слова). Знаки сокращения изображались в виде узелков или изящных полукружий. Лигатура **st** превратилась в своеобразный знак. Над буквой **i** появился легкий нарочито удлиненный штрих. Над строками вырисовывались узелки, крючки или штрихи, представляющие собой чисто декоративный узор. Строки отделялись друг от друга значительным расстоянием, что давало возможность свободно располагать между ними каллиграфические украшения. Сочетание горизонтальных и наклонных линий как самих букв, так и украшений создает своеобразную гармонию целого. Это свидетельствует о сильно развитом эстетическом ощущении графических форм.

Особенность каллиграфического канцелярского письма XIII в. проявляется в том, что изменения каллиграфических стилей происходят почти одновременно и в пределах одного-двух десятилетий во всех без исключения странах Западной Европы. Сходство письма настолько велико, что часто бывает трудно и даже невозможно определить по письму место написания той или иной грамоты. Иногда кажется, что грамоты написаны одной рукой, хотя в действительности они вышли из канцелярий, значительно удаленных друг от друга (см. табл. 42).

В папской канцелярии до второго десятилетия XII в. применялся «старый папский куриал» (крупное письмо с характерными чертами позднеимского курсива), но он стал меньше по размеру, чем его ранние формы. В 20-х гг. XII в. папская канцелярия перешла к каролингскому минускулу, и с этого времени ведет начало своеобразная изящная тщательно оберегаемая каллиграфия, снискавшая себе подражателей в епископских канцеляриях западноевропейских стран. Это письмо («новый папский куриал») построено на сочетании небольшого размера корпусов букв с длинными слегка изогнутыми вправо выносными. Характерные лигатуры **st ct** построены так, что буквы находятся на значительном расстоянии друг от друга и соединяются сверху длинной горизонтальной чертой. Знаки сокращения имеют форму узелков.

Особым изяществом и красотой отмечена каллиграфия папских торжественных булл. Как правило, они большого размера, текст написан мелкими буквами. Первая строка удлинена и часто сопровождается крупным орнаментированным инициалом. В самом тексте тоже встречаются небольшие орнаментированные инициалы (см. табл. 43). Другие

папские грамоты (бреве) украшены значительно скромнее и обнаруживают большое сходство с грамотами светских западноевропейских канцелярий.

В XIII в. в письме папских грамот появляются некоторые элементы готики (незначительный излом слегка вытянутых букв). Украшения усложняются и совершенствуются. Выработанная в течение XII—XIII вв. каллиграфия папских грамот надолго сохраняется в папской канцелярии.

Канцелярский курсив XIII в.

Очень важной особенностью канцелярского письма XIII в. является проникновение в него элементов курсива.

Основными признаками курсива являются последовательно-слитное начертание элементов, составляющих отдельную букву, и соединение нескольких букв между собой (буквы начертываются без отрыва пера). В обоих случаях происходит частичное нарушение дукта книжного письма, а именно — уменьшается число приемов в начертании элементов буквы, а в некоторых случаях нарушается и их последовательность. Соединение букв между собой увеличивает число лигатур, и у букв появляются петли, играющие роль соединителей. Слитное начертание нескольких букв и лигатуры позволяют писать за один прием целое слово; кроме того, беглость письма вызывает увеличение числа сокращений (особенно суспензий).

Особенность канцелярского курсива XIII в. состоит в соединении перечисленных курсивных признаков с некоторыми каллиграфическими чертами. Это выражается в том, что беглое начертание букв сдерживалось привычной каллиграфической размеренностью и четкостью. Закругления выносных превратились в петли, причем у всех букв они приобрели своеобразную, характерную для данного стиля форму. Ускорение движения пера вправо при курсивном начертании удлинит горизонтальные элементы букв. Этому соответствовало изменение форм знаков сокращения: узелки и крючки заменялись размашистыми горизонтальными линиями.

Благодаря применению писцами разнообразных каллиграфических приемов можно различать ряд вариантов (стилей) канцелярского курсива, в каждом из которых сохраняются свои особенности (форма и длина выносных, варианты форм, петель, наклон букв и др.). Однако один и тот же вариант канцелярского курсива встречался в канцеляриях разных стран Западной Европы.

Изменение канцелярского письма — усложнение украшений и курсивизация — происходили почти одновременно во всех странах Западной Европы в течение XII—XIII вв. Ранее всего — в конце XII в. — про-

цесс курсивизации начался в Северной Франции. Затем через одно-полтора десятилетия канцелярский курсив появился в восточных и южных областях Франции, в Англии и Германии. Североитальянские нотариусы долго сохраняли традиции курсива VII—VIII вв., но с проникновением в грамоты каролингского минускула в Италии во второй половине XII в. происходят те же процессы, что и в письме других западноевропейских стран. Можно считать, что оформление канцелярского курсива закончилось в 1260—1270-х гг. Буквы становятся менее жесткими, часто уменьшается их размер, изменяются пропорции. Если в XII в. они слегка вытянуты, то в XIII в. ширина букв уравнивается с высотой или даже превосходит ее. Это является результатом убыстренного движения пера по горизонтали. Признаки курсива проявляются постепенно один за другим. Сначала соединяются элементы букв. Например, **a b d h n r s u** пишутся теперь в один прием вместо двух, **f g**, выполняемые прежде в три приема, пишутся в два, **m** начертывается в один прием. Слитные начертания **st rt ti ci cu fu fi** широко практиковались уже в начале XIII в.; постепенно число таких слияний увеличилось. Выносные начинают превращаться в петли, позволяющие легче и быстрее присоединять одну букву к другой. Подобно выносным, петли облегчали процесс чтения курсивного письма.

Происхождение канцелярского курсива из обычного письма

Вопрос о происхождении канцелярского курсива в зарубежной палеографии почти совсем не разработан. Господствует мнение (скорее предположение), что курсив грамот XIII в. («готический курсив») появился в результате беглого начертания книжного готического письма.

На деле к тому времени, когда в канцелярском письме стали проявляться тенденции к курсиву (в книжном письме их еще не было вовсе), уже существовали письменные памятники, написанные курсивным и даже небрежным письмом. Речь идет о записях ученых, студентов (на восковых табличках или на пергаменте), о черновиках грамот (минутах), о нотариальных записях в регистрах, о письмах, пометах, глоссах на полях книг, дорсальных записях грамот и т. д. Первые тенденции к курсиву обнаруживаются уже в X в. в кратких заметках на полях книг; развились они в период готизации книжного письма, т. е. во второй половине XI — начале XII в. Эти факты свидетельствуют о том, что как книжное готическое письмо, так и письмо грамот, происходят оба от каролингского минускула, но каждое из них имеет свои стилевые особенности, диктуемые разным назначением памятников, в которых они применялись (книга и документ или записи переходящего значения).

Процесс проникновения курсивных особенностей в канцелярское письмо (табл. 44) был связан с очень важным явлением: возрождением в XII в. обычного письма. После длительного перерыва, обусловленного господством каролингского минускула во всех областях письменности (см. гл. 6), в XII в. в итоге подъема школ и образования вновь появилось письмо, которым пользовалась основная масса пишущих людей, за исключением книжных и канцелярских писцов-профессионалов. В XII в. сфера этого обычного письма была еще довольно узкой, в книги и документы оно не проникало и формировалось в разного рода более или менее беглых записях, пометах, глоссах и т. п. Для него характерно прежде всего изменение размера букв — как правило, они легче и мельче. Но бывало, что беглое и небрежное начертание в ряде случаев деформировало букву, не меняя дукта, размера и веса. Для некоторых форм обычного письма XII—XIII вв. характерно такое начертание букв, которое напоминает движение стила по воску. Эта особенность объясняется привычкой писать на восковых табличках, широко используемых образованными людьми того времени. Индивидуальность курсива сказывалась в привычке начертывать своеобразные формы букв (с длинными или короткими выносными, более округлыми или угловатыми формами корпуса буквы), в наклоне всех букв вправо или влево, в сочетании разных наклонов, в неодинаковых пропорциях букв, в применении индивидуальной системы сокращений.

В связи с возрождением и развитием обычного письма начинается очень важный этап в истории письменности: появляются индивидуальные почерки. Некоторые черты индивидуального почерка заметны в курсиве всевозможных записей проходящего значения. На раннем этапе развития индивидуальное письмо по существу своему не является радикально новым, в нем нет коренных изменений форм, дукта, угла. Но в небрежном, беглом начертании форм букв обычного письма уже проявляются характерные для данного индивида особенности. Они связаны с возрастом, чертами характера (аккуратностью или небрежностью, рассеянностью), с эстетическим вкусом, выучкой, с тем или иным способом держания или заточки пера.

Как правило, буквы небольшие, для их начертания применялось остро заточенное перо (см. табл. 44).

Индивидуальные особенности в письме XI—XII вв. еще трудно уловимы. В XIII в. они проявляются выразительнее. В некоторых исключительных случаях можно даже говорить об индивидуальном почерке (см. например, почерк Фомы Аквинского, табл. 45). Даже само наличие многочисленных каллиграфических вариантов в канцелярском письме и канцелярском курсиве в XII—XIII вв. свидетельствует о том, что независимо от вырабатываемого системой обучения единообразия и унификации письма, индивидуальность проявляла себя.

Причины графических изменений

Происходившие в течение XII—XIII вв. изменения канцелярского письма касались некоторой готизации букв, усложнения украшений и курсивизации. Неполная готизация канцелярского письма объясняется отсутствием причин, породивших готическое письмо в книгах. Вопрос об экономии пергамента для грамот не стоял так остро, как для книг. В грамотах эта экономия достигалась другими способами. Поскольку грамота не предназначалась, как книга, для многократного чтения, буквы можно было уменьшать в размере. Кроме того, лист пергамента, предназначенный для грамоты, старались исписать полностью, оставляя лишь незначительные поля или же не оставляя их вовсе. Лишь внизу грамоты оставалось небольшое пространство, не заполненное текстом и предназначенное для прикрепления вислой печати: В случае, когда грамота такой печати не имела, лист пергамента целиком заполнялся текстом. Поскольку в канцелярском письме не было необходимости удлинять буквы и выписывать их изломанными жирными и волосными, то применялись перья не с широким срезом, как для книжного готического письма, а с более узким, что позволяло сохранить большую округлость букв.

Появление в канцелярском письме украшений является результатом возрождения традиции оформления королевских дипломов раннего средневековья, отчасти утраченной в период господства каролингского минускула; дальнейшее их развитие и усложнение объясняются уже только каллиграфической эстетикой.

Причиной появления курсива было ускорение процесса письма, а это в свою очередь было вызвано потребностью много писать. Развитие и усложнение социально-экономических и политических отношений в Западной Европе имело следствием появление многих новых видов памятных письменности. Письмо стало служить повседневным нуждам. В связи с этим деятельность канцелярий стала более активной; из них исходили сотни грамот, актов и прочих документов. В XII в. черновые записи, как правило, велись на восковых табличках; в них стали с особой ясностью проявляться курсивные признаки. В XIII в. благодаря дальнейшему увеличению объема письменности, необходимость ускорить процесс письма сказалась и на самом письме.

Характерное для всей Западной Европы единообразие канцелярского письма и канцелярского курсива в XIII в. может быть объяснено следующими причинами: 1) графической основой для него везде послужил каролингский минускул; 2) система обучения была везде одинакова; 3) между всеми странами уже существовали достаточно развитые связи.

Уровень социально-экономического и культурного развития также был более или менее единообразным. Возникновение университетов явилось в первую очередь следствием этого развития. Немалую роль играла также возросшая потребность расширения обучения письму и необходимость обеспечить канцелярии грамотными людьми и профессиональными писцами. Уже самый факт появления школ и университетов имел огромное значение для развития письма, так как вызвал к жизни большое число новых форм письменной продукции. Появились статуты и постановления университетов, протоколы заседаний, матрикулы, регистры, списки профессоров, студентов и служащих, расписания лекций и диспутов, официальная переписка университетских властей с государством и церковью и пр. Возникла необходимость в учебниках, комментариях, многочисленных трактатах по философии, богословию, юриспруденции, медицине, грамматике, риторике. Из стен университетов выходили все ученые того времени: богословы, юристы, медики и просто образованные люди.

Первоначальное обучение в ту пору получали в приходских, городских школах и на артистических факультетах университетов, куда поступали в возрасте 9—13 лет. Программа школ и артистических факультетов ставила одной из своих задач обучение письму, которое проходило несколько этапов. Первоначально учили писать буквы на восковых табличках, затем на пергаменте. После прохождения основ латинской грамматики обучали риторике. Под этим названием на данном этапе обучения подразумевался так называемый *dictamen prosaicum*, т. е. умение составлять акты делового и судебного характера, письма и т. п. Вместе с формулами документов обобщались некоторые юридические сведения. В Италии уже в XI в. возникли специальные нотариальные школы, готовившие нотариев, столь необходимых для канцелярий. Во Франции, Англии и Германии нотариумами могли стать студенты, окончившие артистический факультет университета.

Огромную роль в развитии письма сыграл Парижский университет, приобретший в XII—XIII вв. международное значение. В нем обучались представители разных стран и областей Европы. Возвратившись к себе на родину, они привозили с собой умение писать и составлять грамоты. По мнению Хайнала, именно это обстоятельство имело решающее значение в формировании единообразного канцелярского письма в странах Западной Европы в XIII в.

Профессора при подготовке лекций и своих трудов и студенты в процессе обучения писали много. В заметках, предназначенных для себя, не было необходимости четко выписывать каждую букву. Трактаты переписывались затем профессиональными писцами (см. выше). Слушая лекции, студенты старались записать все, что им говорилось. Но несмотря на то, что лекции почти диктовались, записать их полностью не уда-

валось. Поэтому, торопясь, студенты не следили за четкостью начертания букв. Эти обстоятельства сыграли немаловажную роль в развитии курсивного письма. Выработанные в процессе обучения приемы небрежного начертания букв, способы их соединения и сокращения слов проявлялись и в дальнейшем, уже в сфере профессиональной работы.

§ 4. КУРСИВНОЕ ПИСЬМО XIV—XV вв.

Период XIV—XV вв. характеризуется дальнейшим развитием курсивного письма и его энергичным внедрением во все типы документов (грамоты, всевозможные акты), письма, канцелярские регистры и даже в книги.

Если в XIII в. во всех западноевропейских канцеляриях встречаются однородные и очень между собой сходные варианты канцелярского письма и канцелярского курсива, то в XIV—XV вв. в письме документов ярко вырисовываются национальные особенности. К этому добавляются разнообразные индивидуальные почерки, которые оформляются и приобретают большую выразительность, чем в предшествующую эпоху.

Изучение курсивов вообще и особенно курсивов XIV—XV вв. важно не только для общей картины развития западноевропейского средневекового письма, но и для практических целей, а именно: датировки книг. Поскольку в книги курсив проникал из документов, т. е. точно датированных памятников, то, изучив характер канцелярского письма и процесс его проникновения в книги, можно более точно датировать последние, что весьма существенно, так как в большинстве случаев датировка кодексов XIV—XV вв. очень приблизительна.

Терминология

Курсивное письмо XIV—XV вв. остается почти неизученным. Нет ни одной работы, посвященной как эволюции курсивного письма этого периода в целом, так и отдельным вопросам. В общих работах им отведено лишь незначительное место. Зато имеется большое число факсимильных изданий, сопровождаемых описанием графических особенностей.

Из-за отсутствия работ на эту тему в палеографической науке не существует точной терминологии для курсивов XIV—XV вв. Употребляются следующие термины (даем их в переводе на русский язык); «ильно курсивное», «готическое письмо», «готический курсив», «дипломатический минускул», письмо английской, французской и других канцелярий и пр.

Лифтинк дал определение некоторых книжных курсивов и беглого книжного письма (см. выше), выделив письмо помет на полях книг в отдельную группу, назвав его *potula* (т. е. письмо заметок). Бартолони предложил давать наименование канцелярскому письму, исходя из типа письма (курсив, полукурсив), определения канцелярии (или нотариия), места и времени. Такое определение удобно и достаточно точно.

Сделаны также первые шаги по пути разработки вопросов терминологии для отдельных разновидностей канцелярского письма.

Для периода XIV—XV вв. терминология канцелярского письма усложняется еще и тем, что необходимо учитывать не только особенности письма в разного типа документах, но и в разных странах и в разных канцеляриях.

Грамоты и важные официальные документы продолжали писать каллиграфическим курсивом. Особо красивой и четкой каллиграфией отмечены документы, вышедшие из королевских, императорской, папской и ряда церковных канцелярий. Такое письмо, также как и для XII—XIII вв., можно назвать каллиграфическим канцелярским курсивом.

Термин «небрежный курсив» дает представление о курсиве неразборчивом, беглом. Им написаны бесчисленные квитанции, регистры, отчеты, черновики и прочие менее важные документы. К каждому наименованию следует прибавить прилагательное, обозначающее национальную принадлежность курсива (английский, итальянский, немецкий, французский). В некоторых случаях ради большей точности определения следует дополнительное обозначение с указанием местной канцелярии, например: «нотариальный курсив такой-то итальянской канцелярии XIV в.» или «курсив французской королевской канцелярии XV в.»

Обычное письмо XIV—XV вв. в значительной своей части представлено достаточно выраженными индивидуальными почерками. Но следует учесть, что индивидуальность письма в ту пору проявлялась в рамках существовавших графических форм канцелярского и книжного письма.

Национальные канцелярские курсивы XIV—XV вв.

Канцелярским курсивам XIV—XV вв. присущи три главные черты: 1) сочетание курсивных и каллиграфических элементов (особенность, унаследованная от предшествующего периода), причем в одних типах памятников преобладают каллиграфические элементы, в других — курсивные; 2) нарушение сложившегося в XIII в. сходства между отдельными вариантами канцелярского письма в итоге появления характерных для каждой страны национальных особенностей; 3) постепенная эволюция и совершенствование как каллиграфии, так и курсивных элементов

в пределах национальной формы. Поэтому каждый национальный тип канцелярского курсива следует охарактеризовать в отдельности.

Первые признаки национальных особенностей в английском курсивном письме появились в конце XIII в., а в начале XIV в. их формы уже определились. Они заключаются в том, что графика письма построена на контрастах жирных и волосных линий, а также угловатых и закругленных форм разных букв (см. табл. 46). Жирные утолщения на выносных **f h l p q s r** (последняя буква пишется с удлиненной вниз чертой) сделаны во всю ширину среза пера с энергичным нажимом вверху и ослаблением нажима книзу. Эти формы отдаленно напоминают формы выносных тех же букв в англосаксонском письме. У букв **b h l** выносные загибаются вправо тончайшими волосными линиями.

Характерна и своеобразна форма петли **d**. Буква начертывается одним приемом, петля вытянута влево и заканчивается энергичным нажимом пера, что вполне гармонирует с утолщениями других выносных. Буквы с прямыми вертикалями построены на чередовании жирных и волосных линий. Вертикали букв **i m n u t** (**u t** не всегда) вверху и внизу имеют излом и соединяются между собой и с другими буквами тонкими волосными линиями. В некоторых грамотах вертикальные черточки, составляющие букву, заостряются книзу (следуя опять-таки традиции англосаксонского письма). Буквы **a c d e o p q s** (на конце слов) начертаны мягкими округлыми линиями без излома, характерного для книжного готического письма, причем округлость букв нарочито подчеркивается округлыми закрытыми петлями у **b l h**, полузакрытыми вверху у **f s** (в середине слова) и внизу у **p**. В английских канцеляриях (как и в других странах) применялось перо готического среза, но ширина среза была уже, чем в пере, употреблявшемся для книг.

Знаки сокращения также построены на контрастах. Знак суспенсий имеет закругления или петли, поднимающиеся вверх, контракции — длинную горизонтальную черту над словом. Все отмеченные национальные особенности проявились в той или иной степени в разных английских документах в течение всего периода XIV—XV вв.

Ведущей канцелярией во Франции к XIV—XV вв. стала королевская канцелярия, и выработанные в ней графические формы, приемы начертания, заточка пера находили широкое применение в других французских канцеляриях.

XIV век — это время движения канцелярской графики и поисков графического выражения национальных особенностей. Тогда еще не во всех типах канцелярских документов они были выражены одинаково; в одних они заметны в большей степени, в других — в меньшей. Если в канцелярском курсиве XIV в. преобладают каллиграфические черты, то в XV в. они слились с курсивом и окончательно подчинились его закономерностям (см. табл. 47).

Графические особенности французского канцелярского курсива сводятся к следующему. Буквы **f s** (в середине слова) имеют удлинённые формы в виде «факелов» (или «ланцетов»), загнутых вверху в полупетлю и заостренных книзу. Буква **d** имеет вытянутую влево вверху петлю, начертанную жирными линиями, а петли **b h l** — излом вверху; буква **g** с помощью мягкого излома закругляет свою длинную выносную влево; второй элемент **c** и **e** слегка как бы отскакивает от первого, напоминая о таких же формах в римском и мерovingском курсивах. Все буквы с выносными наклонены вправо, а вертикали остальных букв либо перпендикулярны строке, либо наклонены влево. Крупные буквы чуть заметно растянуты в ширину, но размещаются свободно друг от друга, их линии обладают готическим изломом. Расстояние между строками в 3—5 раз превышает высоту корпуса буквы, так что все петли и выносные свободно размещаются между строк, создавая целостную и гармоничную каллиграфию.

В XV в. эти особенности становятся привычными для писцов всех французских канцелярий. Каллиграфия подчинилась принципу курсивности. Полупетли на выносных **f s** превратились в закрытые петли, смыкающиеся внизу к следующей букве. Перо, стремясь к связному начертанию букв, растянуло их формы так, что высота корпуса стала равна ширине или чуть ее превысила. Буквы **d r s** (на конце слов) **и** изменили свою привычную форму. У **d** вместо петли часто (но не всегда), особенно в королевских грамотах, прямая жирная линия значительно наклонена влево. У **и** первый наклонный влево элемент высоко поднимается вверх, а второй закругляется; **г** имеет четыре формы (см. табл. 42^б и 47). Конечное **s** либо в виде петли, либо сходно с **e** (но с двумя крючками вместо одного).

В Италии самой крупной канцелярией была папская (см. § 3). В течение XIV—XV вв. там сохранились почти без изменения традиции XIII в., т. е. каролингский минускул с тенденцией к готике и сложная система украшений.

Нотариальные канцелярии в ту пору были многочисленны, а письмо грамот очень разнообразно. Большая часть итальянских нотариальных курсивов относится к числу небрежных. В основе их лежит каролингский минускул, выполненный либо острозаточенным пером, либо пером с чуть готическим срезом, что позволило сохранить более или менее округлые формы букв. Это является одной из отличительных черт итальянских нотариальных курсивов. Каллиграфия канцелярского письма была предельно упрощена уже в XIII в., украшения почти отсутствуют, зато появилось обилие петель и сокращений. В XIV—XV вв. итальянские нотариальные курсивы приобретают достаточно выраженные индивидуальные черты. В XV в. в Италии был создан гуманистический курсив (см. гл. 8).

Национальные особенности немецкого канцелярского курсива формировались медленнее, чем в других странах. В начале XIV в. писцы ведущей в Германии императорской канцелярии писали еще в норме общеевропейских традиций XIII в., хотя и в этом письме можно уловить некоторые национальные черты. Примерно к 30-м г. XIV в. они уже отчетливо обнаруживаются в разного рода документах.

В немецком канцелярском письме, так же как и во французском, буквы имеют излом (что объясняется применением пера с готическим срезом); так же как и во французском, *s* и *f* отличаются от других букв своей длиной. Однако сходство это поверхностное.

В немецком курсиве буквы сильно растянуты в ширину и эта особенность вскоре стилизуется. Во французском буквы *f* и *s* имеют заостренную книзу факелообразную форму, одинаковую во всех без исключения документах. В немецком формы этих букв разнообразны: тупые внизу, с петлей, полупетлей или горизонтальной линией сверху. Характерны для немецкого канцелярского письма своеобразные формы *a b d g h l s* (на конце слова) и *u z*. Каждая из них состоит из двух закруглений: одно составляет небольшая приплюснутая петля, а другое — корпус буквы.

Сочетание букв, состоящих из прямых элементов, начертанных с изломом наклонно влево, со специфическими формами круглых букв создает неповторимое своеобразие немецкого канцелярского письма (см. табл. 48).

Обычное письмо и индивидуальные почерки

В XIV—XV вв. сфера обычного письма значительно расширилась. Его применяли не только ученые и студенты, но и нотариусы, клирики, купцы и вообще все грамотные люди, число которых возросло; оно проникло в документы. Писцам-профессионалам, особенно нотариусам, приходилось много писать. Они часто вели протоколы судебных заседаний, заседаний городских советов и т. д. Ускорение письма исключило каллиграфию, но национальные особенности сохранились. В течение XIV—XV вв. индивидуальный почерк как таковой сформировался именно в сфере обычного письма.

В XIV—XV вв. в обычном письме произошел ряд общих преобразований. Оно заметно изменило пропорции (буквы растянулись в ширину) и стало предельно небрежным, порой настолько, что многие буквы утеряли свои элементы, превратившись в черточки. Появилось огромное число петель; иногда вся буква становилась одной большой размашистой петлей. Наконец, очень часто слова оставались недописанными без всяких знаков суспензий (см. табл. 49).

Изучение индивидуальных почерков требует изучения физиологии процессов письма. Для этого необходимо обратить особое внимание на два основных момента: 1) на начертание букв и прежде всего петель, которые в курсивном письме вообще, а в индивидуальном почерке в особенности, играют главную роль «ориентиров» при чтении; 2) на связь букв между собой.

Начертание букв определяется способом держания пера и движением трех пальцев (большого, указательного и среднего); связь между буквами осуществляется движением слева направо безымянного, мизинца и края ладони. Координация движений трех пальцев объясняет механизм начертания букв, а координация движения всех пальцев и ладони — механизм соединения букв. Для каждого индивида характерен свой способ держания пера (между большим и указательным, между указательным и средним, у кончика пера или значительно выше, при согнутых или выпрямленных фалангах указательного пальца и т. д.) и свой метод передвижения кисти: плавный или отрывочный. Все это необходимо учитывать при изучении индивидуальных почерков.

Форма заточки пера тоже имела значение. Одни пользовались пером с готическим срезом; тогда при определенном способе держания пера вертикали получались жирные, а соединительные и верхушки петель тонкие. Одновременно размашистые движения края ладони увеличивали размеры петель, а энергичный нажим на перо приводил к появлению широких жирных петель. Другие писали пером с острым срезом; тогда при тех же движениях буквы начертывались с некоторыми особенностями (см. табл. 49, 50 и 51).

Все возрастающее обилие и разнообразие документов содействовало изменению письма и широкому распространению его курсивных форм.

На смену единообразию в канцелярском письме появились национальные особенности. Как и в книжном письме, это явление несомненно связано с общим процессом формирования элементов будущих европейских наций.

В XIV в. Парижский университет стал терять свою былую славу и международную роль. В ту пору во всех странах Западной Европы один за другим возникали свои университеты, и уже не было необходимости ехать для получения образования именно в Париж. На артистических факультетах университетов и в школах каждой страны велось обучение письму, но дальнейшее совершенствование происходило либо в специальных нотариальных школах, либо в школах при корпорациях писцов, появившихся с XIV в., либо у отдельных мастеров-каллиграфов и писцов.

Появление книгопечатания в XV в. повлияло на развитие канцелярского письма лишь в том отношении, что сферой применения мастерства писцов стали только канцелярии или педагогическая деятельность.

ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ ПИСЬМО (XV в.)

В XIII—XV вв. готическое письмо стало универсальным во всей Западной Европе. Хотя каждая страна обладала своим национальным вариантом его, эти особенности касались только деталей, не изменявших основной характеристики письма, применявшегося в книгах, канцеляриях и для разного рода записей. В конце XIV — начале XV в. в этой универсальности была пробита брешь. В Италии появилось иное письмо — гуманистическое. В графическом отношении оно не было новым и представляло собой возрожденный каролингский минускул с некоторыми усовершенствованиями. Его возникновение и развитие прослеживаются несравненно отчетливее и лучше, чем предшествовавших типов письма, так как хронологически этот процесс гораздо ближе к нашему времени и памятники данного письма дошли до нас в большом числе. Гуманистическое письмо было творением определенной, довольно узкой группы лиц и жило в качестве книжного письма очень недолго — менее столетия. Однако значение его как для письма в целом, так и для книгопечатания чрезвычайно велико. Современные печатные шрифты и современное обычное письмо латинского алфавита являются непосредственными преемниками гуманистического письма.

Терминология

Термин «гуманистическое письмо» был введен учеными-палеографами второй половины XIX в. для обозначения письма, изобретенного итальянскими гуманистами.

Сами творцы этого письма называли его иначе — *littera antiqua*, а по-итальянски — *lettera antica formata*, т. е. антич-

ное книжное письмо, или *lettera all'antica*, т. е. письмо на манер античного. Большинство гуманистов полагали, что они возродили подлинное римское античное письмо, образцами которого они считали переписанные в IX—XI вв. кодексы, содержавшие произведения античных авторов. Отсутствие в ту пору палеографии как науки лишало их возможности представить себе хотя бы приблизительно историю латинского письма, тем более, что их мнение о раннем средневековье не допускало даже подозрения, что эти кодексы были написаны монахами в IX—XI вв. Они были вполне уверены, что приводившее их в восторг письмо было действительно созданием античности, и называли эти кодексы «древнейшими» (*codices vetustissimi* или *antiquissimi* или *venerandae vetustatis* и т. п.). Нам теперь ясно, что по существу это мнение довольно близко к действительности, поскольку основы каролингского минускула были заложены в эпоху античности (см. гл. 4). Но оно, разумеется, ошибочно в своем конкретном воплощении, поскольку переносит написание кодексов IX—XI вв. в глубь веков, в период самой римской античности. От обозначения возрожденного гуманистами письма как «античного» произошло и название первого печатного итальянского шрифта — антиква, так как в основу его (при создании в 1465 г. в монастыре Субиако близ Рима первой в Италии типографии) было положено гуманистическое книжное письмо. Шрифт антиква применяется и в наши дни.

Основные черты гуманистического книжного письма

Гуманистическое письмо представляет собой усовершенствованный каролингский минускул и поэтому в нем повторены все основные черты последнего. Это чрезвычайно четкое и красивое письмо со свободно поставленными буквами почти квадратных пропорций, с выносными не менее одного корпуса и в силу этого с расстояниями между строчками не менее двух корпусов. Оно выполнено тонко очиненным, но не очень жестким пером, позволяющим делать ровный четкий нажим без жирных и почти без волосных. При определении того, каким именно веком следует датировать каролингский минускул, послуживший образцом для подражания, мнения палеографов расходятся. Их колебания легко понять, если учесть, что на протяжении почти трех веков своего существования это письмо эволюционировало в незначительной степени. Обычно считается (Ullman), что это был каролингский минускул X—XI вв., т. е. поры расцвета, и с этим мнением следует согласиться, с той лишь оговоркой, что XI век лучше ограничить его первой половиной.

Однако в гуманистическом письме есть и некоторые новшества по сравнению с каролингским минускулом. В нем сохранились унаследованные от готического письма очень маленькие расстояния между сло-

вами (как правило — меньше одного корпуса), что отличает его от каролингского минускула. По-видимому, это следует приписать уже упрочившейся привычке чтения тесно расположенных слов, тем более, что по общей четкости гуманистическое письмо значительно превосходит готическое. Готическим «наследством» являются также точки или штрихи над *i*, удлинение вертикали *t* над горизонталью, готические лигатуры *st* и *et*, круглое *s* на конце слова. Сокращения встречаются еще реже, чем в рукописях IX—XI вв. В силу этих особенностей гуманистическое письмо легко отличить от каролингского минускула.

Книжное гуманистическое письмо, являясь последним типом книжного письма вообще, непосредственно предшествует печатной книге, а во второй половине XV в. сосуществует с ней. Оно обладает предельной четкостью (каллиграфически исполненные кодексы можно порой принять за печатные книги) и очень легко для чтения. Не представляет трудностей и классификация отдельных его вариантов (см. ниже). Но специфика этого письма привлекает большое внимание исследователей, особенно за последние годы.

Гуманистическое письмо — письмо искусственное в том смысле, что оно не возникло спонтанно и более или менее одновременно во многих местах, под воздействием тех или иных широких потребностей. Оно сперва употреблялось небольшой группой самых образованных людей своего времени, которые, хотя и писали много, не были писцами-профессионалами. Индивидуальный момент — впервые в истории письма вообще — играл в этом письме чрезвычайно важную роль. Можно назвать имена его творцов и определить их вклад. Гуманистическое письмо применялось преимущественно для переписывания трудов античных авторов, а затем и произведений гуманистов, т. е. для определенной группы памятников письменности. Гуманисты создали каллиграфические школы и мастерские. Их индивидуальные почерки очень своеобразны и не всегда легко читаются. По всем этим причинам интерес к созданному ими письму тесно сочетается с интересом ко всей их деятельности и к итальянскому гуманизму в целом. Это и определяет основное содержание многих работ, посвященных гуманистическому письму (Н. П. Лихачев, Battelli, Fairbank and Wolpe, Ullman, Wardrop), в которых внимание уделено не столько письму, сколько гуманистам.

Раннегуманистическое письмо

Хотя гуманистическое письмо было повторением уже существовавшего ранее типа письма, тем не менее оно не возникло сразу во всем своем совершенстве. Его создание было продиктовано практическими, а не эстетическими соображениями; прошел известный срок, прежде

чем к нему применили общие эстетические мерки Ренессанса и оно само стало одной из таких мерок.

Первый итальянский гуманист, Франческо Петрарка, был также первым человеком, который открыто высказал свое отрицательное отношение к современному ему готическому письму (очевидно, к итальянскому его варианту, т. е. готической ротунде). Однако это отношение проистекало не из ощущения «безобразия» или «варварства» готического письма, что характерно для каллиграфов и палеографов последующих веков (см. гл. 7, § 1), а было вызвано изощренностью, нерациональностью готического письма, сложностью его начертания и трудностью чтения. Петрарка считал, что это письмо приходится более вырисовывать, чем выписывать и что оно ослабляет и утомляет глаза. Он предпочитает письмо более мелкое и ясное (*castigata et clara*). Это мнение представляет большой интерес, так как оно свидетельствует о сравнительной оценке двух типов письма по признаку их читаемости. Подобное сравнение, очевидно, могло быть произведено именно гуманистом. Подавляющее большинство других ученых и неученых читателей того времени не имело нужды обращаться к рукописям IX—XI вв. Для них вся наличная литература, наука, теология содержались в кодексах, исполненных готическим письмом различных вариантов. Оно давно уже стало единственной графической нормой и другого письма они вообще не знали. В противоположность им Петрарка, а за ним и другие гуманисты, занявшись систематическим сличением кодексов, содержавших произведения античных авторов, естественно должны были познакомиться и с кодексами, исполненными каролингским минускулом, поскольку в IX—XI вв. были переписаны почти все труды латинских классиков, хранившиеся во времена Петрарки по преимуществу в монастырских библиотеках. Изучая эти рукописи с точки зрения содержавшегося в них текста, Петрарка обратил внимание и на основную практическую разницу между двумя типами письма: первый тип (т. е. каролингский минускул) привлекал легкостью написания и чтения, второй (т. е. готическое письмо) — отвращал медленностью написания («вырисовыванием») и трудностью для чтения (был утомителен для глаз). Тем самым ему был вынесен обвинительный приговор и предпочтение было отдано мелкому и ясному письму, легко читаемому и легко начертываемому. Подчеркнем момент легкости начертания; острая заинтересованность в нем появилась тогда впервые и объясняется тем, что в XIV в. вообще, а в кругу много писавших гуманистов в особенности, вопрос о гармоничном сочетании легкости в процессе письма и в процессе чтения должен был приобрести особую значимость. Однако выработка законченного гуманистического письма потребовала почти столетия — от 1370 (датированная рукопись, написанная самим Петраркой) до 1420-х гг. Нормы готического письма изживались лишь постепенно и довольно медленно.

Поскольку эволюция протекала в Италии, где готическое письмо всегда имело буквы округленной формы, не было нужды преодолевать их вытянутость, характерную для готического письма в заальпийской Европе. Но буквы следовало разъединить, «отлепить» их друг от друга, а также вернуть им свободную постановку, характерную для каролингского минускула. Надо было также вернуть письму свободное, разреженное расположение его на странице, т. е. увеличить расстояния между строками и удлинить выносные. Наконец, нужно было изменить заточку пера.

Кодексы гуманистического письма датируются сравнительно легко и надежно, благодаря их принадлежности тому или иному гуманисту, написанию в мастерских, которыми они руководили и т. п.; поэтому эволюция письма прослеживается довольно отчетливо. Сам Петрарка употреблял письмо, называемое обычно раннегуманистическим (точнее «почти гуманистическим», *ferè humanistica*). Оно довольно мелкое (в глоссах Петрарки на полях рукописи с каролингским минускулом оно даже мельче последнего, но это может объясняться просто недостатком места), почти квадратное по пропорции букв, имеет несколько удлиненные — по сравнению с готическим письмом — выносные (но еще не во всех случаях) и большие расстояния между строками. Однако округленные буквы продолжают сливаться друг с другом, и общее впечатление от письма остается «готическим» из-за обилия жирных линий, ибо перо затачивается еще на прежний манер. В силу этого впечатления Бателли (*Batelli — Nomenclature...*) называет его «готическим письмом, предшествовавшим гуманистическому» (*écriture gothique préhumanistique*), но это обозначение, помимо своей громоздкости, ставит акцент на термин «готическое», т. е. не подчеркивает новое, что имеется в данном письме.

Развитое гуманистическое письмо

В конце XIV — начале XV в. письмо все более и более приближается к принципам каролингского минускула: буквы совсем отделяются друг от друга, еще значительнее делаются промежутки между строками, а в некоторых случаях (но далеко не всегда) и между словами. Резко изменяется общий облик письма, так как перо затачивается остро и начертывает в достаточно мелком письме тонкие ровные линии. Иногда подражание письму копируемого кодекса доходит до того, что писец повторяет решительно все детали каролингского минускула, например, делая выносные слишком длинными и безусловно ровными (см. табл. 52). В наиболее каллиграфически совершенных рукописях (см.

табл. 53) письмо поражает как законченным изяществом, так и почти предельной легкостью чтения. Однако достижению безупречности и в этом отношении мешают сокращения. Хотя они немногочисленны (в среднем 3—4 на строку), очень просты (назализация и некоторые тиронские знаки) и при общей четкости письма раскрываются без труда, тем не менее в этом, чрезвычайно близком к печатному шрифту письме, они являются как бы родимыми пятнами средневекового прошлого. Впрочем, надо отметить, что сокращения перешли (в таком же составе) в печатный шрифт и исчезли из него далеко не сразу.

Гуманистические кодексы сильно отличаются от готических и по своему оформлению. Гуманисты возродили иерархию шрифтов, характерную для каролингского минускула. В их книгах снова появились большие торжественные буквы капитального квадратного письма; рустичному письму они тоже старались придать почти квадратные пропорции. Заглавия, как бы длинны они ни были, выписывались капитальным письмом без разделения слов — знакомство с римскими надписями усилило тяготение к капитальному письму в его на этот раз действительно подлинно античной форме. В гуманистических кодексах впервые появились титульные листы (точнее — предшественники титульных листов), исполненные, как правило, в капитальном квадратном письме.

Ранние гуманистические кодексы украшались вполне готическими инициалами и рамками, что не создавало стилового противоречия, поскольку внешний облик письма еще оставался — из-за готического пера — почти прежним. В дальнейшем, по мере совершенствования письма и параллельно развитию станковой живописи и складыванию новых эстетических норм вообще, кодексы начали менять свое убранство. Сперва эта перемена привела к воспроизведению романских инициалов XII в. с их сложной плетенкой, восходящей к орнаментации раннего средневековья (Pächt). Это больше соответствовало письму, повторявшему формы каролингского минускула, так как позволяло замкнуть инициал в резко отграниченный квадрат и сохранить чистыми поля, которые делались очень большими для подчеркивания пространства, занятого текстом, и ради возможности нанесения глосс. Наконец, в инициалах, миниатюрах, а порой также и рамках стали претворяться в «малой» форме декоративные и живописные принципы итальянского изобразительного искусства XV в.

Гуманистический курсив

Почти одновременно с гуманистическим письмом, воспроизводившим каролингский минускул, гуманисты стали употреблять в кодексах, а также в тщательно написанных личных письмах и записях так назы-

ваемый гуманистический курсив (см. табл. 54). Главная его черта заключается, как у всякого курсива, в связанном начертании букв в пределах слова. Но он имеет и свои особенности: в нем нет петель (ибо их не было в каролингском минускуле); вместо них — длинные выносные, на концах утолщенные или загнутые, он наклонен вправо. В отдельных деталях гуманистический курсив заметно варьирует в зависимости от мастерской или писца. Этим письмом написано очень большое количество гуманистических кодексов. Особенно его любили применять для стихотворных произведений, начиная каждую строку с большой капитальной буквы. По своей четкости гуманистический курсив мало отличается от книжного гуманистического письма. Он почти точно воспроизводит присущие последнему формы и пропорции букв (лишь иногда они несколько удлинены) и не увеличивает числа сокращений. Он послужил образцом для курсивного печатного шрифта (*italique, carattere italico*), с середины XV в. появился в папской канцелярии, а с конца XV в. нашел широкое применение во многих канцеляриях (см. гл. 9).

Гуманистическое обычное письмо

Гуманистическое письмо применялось сперва лишь в книгах, и понадобилось некоторое время, чтобы изменилась прежняя основа обычного письма, и оно начало строиться на основе гуманистического книжного курсива. Такая несвойственная обычному письму эволюция объясняется искусственностью создания гуманистического письма вообще; кроме того, долгое время оно употреблялось лишь в среде итальянских гуманистов.

Вначале во всех записях, предназначенных для себя, гуманисты продолжали употреблять привычный им беглый готический курсив. Затем реформа коснулась и этой области письменности, что в дальнейшем сыграло исключительно важную роль в распространении гуманистического письма в других европейских странах.

Как и всегда в обычном письме, быстрота и небрежность почерков гуманистов варьируют в огромных размерах в зависимости от объема их авторской продукции (или комментирования других авторов), их возраста, характера и цели данной записи, качества зрения и т. д. и т. п. Впервые в истории латинского письма почерки гуманистов (если не всех, то очень многих) приобрели резко выраженные индивидуальные отличия, благодаря которым наметанный глаз палеографа почти сразу признает «руку» того или иного лица. Впрочем, всем им в той или иной мере присущ общий типический облик, зависящий от того, что при самом небрежном начертании отчетливо сохраняется форма гуманистического курсива, почти не имеющая петель и петлеобразных связей.

Распространение гуманистического письма в XV в.

Над созданием гуманистического книжного письма и курсива много потрудились Колюччо Салютати (1331—1406), Никколó Никколи (1363—1437), Поджо Браччолини (1380—1459), Амброджо Траверсари (1386—1439). В руках этих гуманистов письмо приобрело редкую легкость начертания и чтения. В начале XV в. оно вышло за пределы кабинетов ученых и стало достоянием писцов-профессионалов, придавших ему законченную каллиграфическую форму. Никколи основал во Флоренции школу каллиграфов; возникли мастерские письма, где можно было заказать сразу много кодексов, исполненных «древним письмом»; появились знаменитые каллиграфы, работа которых ценилась очень дорого. Характерно, что почти единственной сферой применения этого письма были произведения латинских античных авторов. Итальянские государи и частные лица составляли себе большие коллекции роскошных кодексов с творениями римских поэтов, историков, философов и т. д. С середины XV в. эта мода стала распространяться и за пределами Италии. Дело заключалось не только в четкости письма и красоте оформления рукописей. Добрую славу эти кодексы приобрели также и потому, что содержали хороший текст античных авторов; благодаря ученым трудам гуманистов, он был в значительной мере очищен от многих ошибок, внесенных переписчиками на протяжении столетий.

В первой половине XV в. гуманистический курсив существовал наряду с *lettera antica formata*, но не для заказных кодексов. Его употребляли сами гуманисты для своих трудов. Сохраняя характер четкого книжного письма, он все же не достиг каллиграфической законченности.

Параллельно с гуманистическими типами письма в той же Италии продолжали широко применяться все прежние виды готического письма: ротунда — для литургических книг, юридических трактатов, теологических произведений и т. п.; готический курсив — для ведения коммерческих книг, финансовой документации, судебных и иных протоколов; канцелярское письмо — для грамот; обычное беглое письмо — для писем и записей всех лиц, не принадлежавших к числу гуманистов, их близких друзей и приверженцев. Словом, гуманистическое письмо даже в Италии господствовало лишь в определенной сфере. В других странах оно было в ту пору еще редким гостем. Там везде продолжалось царство национальных вариантов готического письма.

Книгопечатание нанесло процветавшей итальянской каллиграфии тяжелый удар, но далеко не сразу вытеснило ее из области книжного производства. Сперва погибло каллиграфическое книжное письмо — *lettera antica formata*. Печатная книга в точности его воспроизводила, но

была в несколько раз дешевле. Тогда настала короткая пора расцвета гуманистического курсива. Он был в свою очередь доведен писцами-профессионалами до каллиграфического совершенства и превращен в книжное письмо. Им исполнены многие прекрасные кодексы второй половины XV в., содержащие произведения как античных авторов, так и гуманистов. Но вскоре и он был использован быстро развивавшимся книгопечатанием. В 1501 г. знаменитый венецианский типограф Альд Мануций выпустил первую книгу, напечатанную великолепным шрифтом, воспроизводившим каллиграфический гуманистический книжный курсив.

Не только в Италии, но и во всех странах Западной Европы, рубеж между XV и XVI вв. стал датой смерти рукописной книги. Письмо осталось и продолжало жить только в канцеляриях и в широкой сфере личного обихода.

XVI—XVIII вв. — очень важный период в истории западноевропейского обычного и канцелярского письма. Именно в это время окончательно изживаются элементы готического курсива; складывается тип нашего современного письма. Этот процесс был очень длительным. В основе его лежало стремление к созданию такого письма, которое соединило бы в себе простоту и разборчивость с достаточной беглостью. Готический курсив к XVI в. был хорошо приспособлен для беглого письма, но оставлял желать многого с точки зрения простоты. Напротив, идеал разборчивости — гуманистическое книжное письмо — не связывало буквы между собой и было поэтому медленным; его надо было приспособить к курсиву.

Рост письменной активности во всех сферах жизни, связанный с интенсификацией торгово-промышленной деятельности, с усложнением работы административного аппарата, с бурным развитием культуры, был фактором, вызвавшим необходимость поисков нового типа письма, и он же обеспечил успех этим поискам. Поиски были направлены на упрощение письма и освобождение его от излишней изощренности.

Вместе с тем продолжали играть свою роль старые культурные традиции, национальные особенности. Естественно, что отказ от готики проходил легче в тех странах, где готическое письмо никогда не достигало полного развития, — в Италии и Испании, тогда как в Германии готическое письмо сохранилось почти до наших дней. Франция, Англия, Нидерланды занимают середину между этими двумя полюсами, — в них этот процесс, принявший форму борьбы и взаимодействия между двумя типами письма — национальным готическим курсивом и чу-

жеземным, итальянского происхождения, гуманистическим письмом, — завершился в XVII—XVIII вв.

Период XVI—XVIII вв., как предмет изучения палеографии, обладает своей спецификой. Во-первых, распространение книгопечатания в это время почти полностью вытесняет письмо из сферы книжного производства. Отныне книги пишутся от руки лишь в исключительных случаях (особо роскошные экземпляры, в частности, книги религиозного характера, списки, снятые с запрещенных книг и т. п.). Письмо ограничивается сферой официальных и частных документов и огромной по масштабам областью применения обычного письма. Зато количество дошедших до нас документов чрезвычайно увеличивается именно с этого времени, поскольку неизмеримо вырос объем деловой административной и частной переписки.

Во-вторых, для изучения письма этого времени имеется значительное количество источников: в XVI в. в различных странах Западной Европы — раньше всего в Италии и Германии — появляются печатные пособия по каллиграфии. Эти пособия подразделяются на два вида: прописи и собственно учебники. Первые представляют собой образцы письма, исполненные в гравюре; они или не сопровождаются никакими пояснениями или имеют их в очень краткой форме, в виде вступительных замечаний. В собственно учебники помимо образцов письма включались обстоятельные тексты, содержащие сведения о форме заточки пера, правилах его держания, о форме и дукте букв, расстояниях между буквами, словами и строками и т. п. Иногда автор высказывает и свои теоретические взгляды на задачи каллиграфии, полемизирует с представителями других течений. В XVIII в. появляются первые опыты истории самой каллиграфии.

Авторами учебников письма в подавляющем большинстве случаев выступали профессионалы-практики, которые вели большую преподавательскую деятельность; нередко они же были одновременно граверами или типографами.

Благодаря наличию учебников по каллиграфии, взаимодействие норм обычного письма с их каллиграфическими вариантами проявляется в XVI—XVIII вв. особенно наглядно. В сфере обычного письма происходит развитие в направлении к упрощению и рационализации, а каллиграфия его объясняет и канонизирует. Кроме того, каллиграфия этого времени является одной из «малых форм» искусства. До XVII в. включительно сохраняется непосредственная связь между сменой стилей в каллиграфии и «большом искусстве». Затем эта связь отпадает, идет процесс отмирания письма как искусства, но зато возрастает роль прописей как регулятора обычного письма. Несмотря на все значение этого периода для истории письма, палеографы до сих пор не уделяли ему почти никакого внимания. Лишь в самое последнее время в специаль-

ной литературе отмечается насущная необходимость изучения письма XVI—XVIII вв. Несколько лучше обстоит дело с изучением собственно каллиграфии, но вне связи ее с письмом документов.

§ 1. ИТАЛЬЯНСКОЕ ПИСЬМО XVI — НАЧАЛА XVII в.

Италия была родиной как гуманистического книжного письма, так и соответствовавшего ему письма документов — гуманистического курсива (см. гл. 8). В XVI в. итальянские каллиграфы и писцы канцелярий продолжают разработку этого нового типа письма. Из Италии гуманистический курсив широко распространяется по другим странам Европы; овладение им стало частью общей культуры Ренессанса. Таким образом, XVI в. можно с полным правом назвать веком итальянской гегемонии в каллиграфии. В этот период каллиграфический вариант гуманистического курсива претерпевает в Италии значительные изменения. Можно отметить две основные фазы его развития, хронологический рубеж между которыми проходит (в том, что касается каллиграфии) в 60-х гг. XVI в.

Гуманистический курсив первой половины XVI в.

Выдающимися представителями итальянской каллиграфии первой половины века были Лодовико Арриги (Arrighi) или Вичентино (автор первого печатного учебника по письму, вышедшего в Риме в 1522 г.) — венецианец Джованни Антонио Тальенте (Tagliente, первое издание его учебника — Венеция, 1524 г.) и работавший в Риме Джанбаттиста Палатино (Palatino, первое издание — Рим, 1540 г.). Книги их многократно переиздавались и оказали большое влияние на писцов в Италии и в других странах. При всем своеобразии каждого из этих трех каллиграфов в образцах их письма было много общего.

Гуманистический курсив первой половины XVI в. — письмо ясное, четкое, легко читаемое. Его графический состав восходит к каролингскому минускулу (см. гл. 8). Однако в отличие от книжного гуманистического письма, в нем не употребляется сложная для написания книжная форма **a**, которую заменяет курсивная форма, взятая из обычного письма. Для буквы **g** также постепенно отмирает книжная форма, место которой заступает современная курсивная; каролингские **s** и **f**, получив нижние выносные, превратились в «длинные» формы этих букв. Буквы гуманистического курсива обладают значительно удлиненными

пропорциями (1 : 2) и не переменным наклоном вправо; эти черты восприняло и наше современное письмо.

Вместе с тем, в отличие от книжной ротунды, гуманистический курсив первой половины XVI в. не был круглым почерком; напротив, поражает его характерная угловатость. Эта особенность связана с употреблением пера, обладавшего сравнительно широким срезом — прямым или даже слегка скошенным справа (ср. табл. 1), как в готических перьях.

Гуманистический курсив несравненно проще готического. Он почти не пользуется иными типами сокращений, кроме удобной для понимания системы вынесения над строкой окончания слова. Символика специальных знаков выходит из употребления.

Только за одной буквой *s* (*s* длинное и *s* малое) признается право на разные формы. Все прочие буквы имеют только одну каноническую форму; даже *g*, столь многообразное в готическом письме, обладало лишь одной «прямой» формой, подобной каролингской. Характерной чертой были короткие головки, скорее даже зачины верхних выносных элементов букв, направленные справа под углом к основной оси. Они нередко были немного толще оси. Аналогичные окончания слева у нижних выносных *p q*.

Кроме этого основного вида курсива существовали и другие варианты, близкие к книжному шрифту, в которых выносные либо вообще не имели никаких завершений, либо получали короткий косой штрих — отсечку.

Обычное стремление каллиграфов к декоративному, изошренному письму отражалось и на гуманистическом курсиве. Писцы украшали его смелыми извивами, которые, сплетаясь между собой, заполняли пространство между строками. Однако все эти добавления рассматривались все же как нечто необязательное, не являющееся неотъемлемой частью канцелярского курсива.

Несмотря на простоту форм, гуманистический курсив того времени имел крупный недостаток с точки зрения беглости письма — недостаточную разработанность системы связок между буквами. В некоторых случаях причиной неспособности буквы к связке являлся ее дукт (например, у *b h*, которые заканчивались движением вниз влево, т. е. против хода письма). Писцы часто избегали связок, которые могли бы нарушить форму букв (см. табл. 55). Например, если связке подвергалось *o*, оно теряло ясность своей замкнутой формы; связка у *g* привела бы к путанице с *q*; связка у *r* разрушила бы ее точечное утолщение, у *s* малого образовалась бы излишняя петля и т. п. Очень ярко эта недостаточная беглость сказывается в связках с буквами, имеющими выносные с головками. С точки зрения беглости, наиболее целесообразным было бы подведение к головке соединительной линии и образование таким образом

петли. Однако это привело бы к разрушению головки; поэтому получается лишь простое соединение букв. Итак, то самое стремление к четкой и ясной форме, которое было источником силы гуманистического курсива, оказывалось вместе с тем и источником его слабости; стремление к беглости приносилось в жертву форме.

Торговое письмо

Итальянское «торговое письмо» употреблялось в торговых и банковских кругах. У каждого крупного центра был свой стиль; в том, что касается форм букв, эти различия не имеют принципиального значения. У всех вариантов торгового письма одна общая основа — итальянский готический курсив. Они изобилуют петлистыми формами, придававшими письму беглость; употребляются характерные «факелообразные» готические формы *f s*, вместо прямого *g* гуманистического курсива появляется «ломаная» форма этой буквы, распространившаяся в готическую пору. Итальянский характер готики торгового письма сказывается в характерной для него скругленности; перо, которым оно исполняется, обладает скругленной заточкой.

Таким образом, между уже завоевавшим канцелярии итальянских властителей письмом гуманистов и письмом купцов, банкиров, нотариусов продолжал существовать разрыв; они были построены на разных основах.

Гуманистический курсив второй половины XVI — начала XVII в.

Во второй половине XVI в. в итальянской каллиграфии происходят важные изменения. Начало их связывается с выходом в свет учебника Джанфранческо Креши (*Cresci*, Рим, 1560), где прежний угловатый канцелярский курсив был заменен округлым. Креши полемизировал с представителем старой каллиграфии Палатино, упрекая его в том, что его угловатый, застылый курсив восходит к готическим «варварским» образцам¹. Это обвинение очень показательное. Оно свидетельствует об упрощении гуманистической реформы письма.

Каллиграфия, исходя из изменений, давно уже накопившихся в

¹ За пределами Италии, где противоположность гуманистического курсива и готического письма выступала гораздо резче, так как последнее имело более ярко выраженную форму, это словоупотребление относится уже к началу XVI в. Например, у Рабле «готическое письмо» связывается со средневековой схоластикой: именно так учили писать Гаргантюа его первые учителя-схоласты (см. статью Е. Casamassima).

обычном письме и в практике итальянских канцелярий, решительно отказывается от угловатости, ее идеалом становится абсолютная скругленность. Столь важное изменение облика курсива было связано с изменением заточки пера. Самое широкое распространение получают перья с тонкой, скругленной заточкой.

Происходит проникновение новых, беглых форм букв, более способных к связке (см. табл. 56). Некоторые формы берутся из торгового письма; у других с той же целью облегчения связки соответственно меняется дукт. Все это — важные и положительные изменения, способствовавшие большей беглости письма. Вместе с тем они применялись главным образом в канцелярском письме, а это привело к подчеркиванию чисто декоративных элементов (по аналогии с искусством эпохи их можно назвать барочными). Так, мало выделявшиеся по своей толщине головки верхних выносных приобрели подчеркнутую каплеобразную форму; они называются «тестеджата» (*testeggiata*), нижние выносные получают эффектные росчерки. Это усиление декоративного эффекта делало невозможным последовательное применение петлистых соединений в буквах с такими головками. Иногда буквы утрированно вытянуты в высоту, что также противоречит быстроте письма.

Человеку, писавшему быстро, было не до выведения «тестеджата». Таким образом усиление декоративности противоречило наметившемуся в позднем канцелярском курсиве сближению его с беглым письмом.

К XVII в. в Италии сложились очень неблагоприятные условия для дальнейшего развития гуманистического курсива. Начавшийся во второй половине XVI в. хозяйственный упадок, свертывание деловой активности, отсутствие единого национального центра лишали его важнейших стимулов к усовершенствованию. В канцеляриях итальянских властителей в конце XVI в. усиливается тяга к вычурности. Недаром понтификат Клементы VIII (1592—1605) ознаменовался введением в папской канцелярии для самых торжественных булл крайне вычурного письма (*scrittura bollatica*). К середине XVII в. каллиграфическая активность в Италии затихает, а гегемония в каллиграфии уже с начала этого века переходит к Франции.

§ 2. ФРАНЦУЗСКОЕ ПИСЬМО XVI—XVIII вв.

Развитию французского письма следует уделить особое внимание, так как оно имело огромное общеевропейское значение, а также и в силу того, что в библиотеках СССР хранится особенно много документов, относящихся именно к истории Франции этого времени.

Готический курсив в XVI в.

Готический курсив продолжал оставаться господствующим типом письма в центральных и местных канцеляриях, в бумагах нотариусов и купцов. На его основе продолжало строиться обычное французское письмо того времени.

Однако это не значит, что французский готический курсив оставался неизменным. Наоборот, парадный курсив канцелярий очень изменился по сравнению с XV в. К середине XVI в. новый стиль уже совершенно сложился (см. табл. 57) и настолько выкристаллизовался, что оказалось возможным создать на его основе новый вид печатного шрифта. Инициатором внедрения нового стиля были центральные канцелярии, тогда как в провинциальных еще и в это время бытовало старинное письмо.

В XVI в. готический канцелярский курсив регулируется, делается стройнее, писцы тщательнее следят за тем, чтобы не нарушалась перпендикулярность почерка. Уже редко встречаются в документах центральных канцелярий почерки, исполненные пером с очень широким срезом, что было весьма распространено в XV в.; соответственно письмо становится менее жирным и менее угловатым. Расстояние между строками возрастает, в связи с чем увеличивается роль незаполненного пространства, а членение на отдельные строки выступает яснее: как правило, выносные, кроме тончайших продолжений *f s*, не задевают соседних строк. Таким образом, ренессансные веяния сказались и на французском готическом курсиве, усилив стремление к ясности письма.

Некоторые изменения произошли и в форме букв. В центральных канцеляриях выходят из моды подчеркнутая стилизация петлистых форм (характерных для готической бастарды и культивировавшихся каллиграфией XV в.) и тончайшие зачины букв *a* и *q*; выпадение их было важным явлением, облегчившим в дальнейшем отказ от готических форм этих букв. Буквы *l* и *t* получают горизонтальные основания, подчеркивающие их перпендикулярность. Для *s* конечного окончательно вырабатывается беглая двухчастная форма, вытесняющая простую петлистую форму этой буквы. Наконец, стилизуется особая форма *t* конечного, образовавшаяся из естественного росчерка.

Курсив XVI в. продолжает оставаться готическим в том, что касается дукта букв, их форм, сохраняющих угловатость, употребления пера с косым срезом. В XVI в., как и впоследствии, каллиграфы считают нормой перья с косым правым срезом (см. табл. 1). Основные декоративные элементы восходят к курсиву XV в. Следует отметить и происходящие из беглого письма сильно стилизованные *f s*, эффект которых усиливается благодаря тончайшим росчеркам, часто пересекающим соседние строки; *d* с подчеркнутыми жирными дубинками, тончайшие зачины начальных

m n, извивы выносных, больших букв и т. п. (см. табл. 57). Конец строки часто отмечается прямыми или фигурными росчерками.

В XVI в. во французском курсиве прочно укореняются некоторые, очень немногие, итальянские формы букв. Это — длинное **f**, а также две формы **s**: длинная и малая. Наличие этих инородных элементов может служить для французского курсива XVI в. хорошим отличительным признаком при сравнении его с письмом предшествовавшего столетия.

Помимо парадного письма канцелярий, готический курсив встречается и в обычном письме, в черновиках «минутах» (см. табл. 58). В них естественное стремление к беглости приводит к тому, что слова не дописываются, в большом количестве употребляются сокращения и иные формы букв, чем те, которые приняты в парадном письме. Так, **g** часто пишется в один прием, что неузнаваемо меняет букву в сравнении с ее привычной формой. Буква **d** употребляется предпочтительно в беглой петливой форме; **p** часто исполняется в один приём. Буквы **f s** пишутся без подчеркнутых утолщений, в виде тонких осей. Однако все эти модификации не меняют общего готического типа письма.

Почерк минуты может встретиться в самой различной степени беглости. Наряду с черновиком, написанным только «для себя» (например, секретарем в ходе заседания), может существовать черновик, написанный в расчете на показ другому лицу; тогда он, естественно, будет гораздо разборчивее. Наконец, в XVI в. в документах канцелярий и в сочинениях каллиграфов этот почерк тоже подвергается стилизации. В результате получился старательный почерк с «минутными» формами букв; он начертывался также пером с косым срезом, хотя и небольшой ширины, что вообще считалось нормой и для беглого письма.

В XVI в. начинается важный процесс постепенного отмирания старой системы сокращений, связанной с обильным употреблением специальных знаков. Переход официальной документации на французский язык, окончательно узаконенный ордонансом 1539 г., наносил ощутимый удар по этой системе, создавшейся применительно к латинскому языку; даже специальные знаки, перешедшие во французское письмо, мало-помалу выходят из употребления. Почти совершенно исчезают ранее очень распространенные сокращения слогов **er, re, ir, ri** (кроме **per, pre, pri**), форма некоторых видов сокращений теряет свою специфичность. Так, знак, обозначающий опущенный слог **ur**, употребляется и для других сокращений и тем самым постепенно теряет свой характер специального знака. В XVI в. этот процесс еще не завершился.

В пунктуации современная система точки и запятой вытесняет старую систему обозначения смысловых пауз. Появляются акценты и апострофы, но употребление их очень нерегулярно. Применение акцентов ограничивается простейшими случаями: **é** в окончаниях причастий прошедшего времени и иногда предлога **à**.

Итальянский гуманистический курсив во Франции

Итальянский гуманистический курсив интенсивно проникает во Францию с начала XVI в. — эпохи итальянских войн и широкого общения между обоими странами. Первоначально новый тип письма распространялся среди узкого круга людей гуманистически образованных. Это было в основном письмо интеллигенции и приобщившихся к гуманистической культуре королей и придворных. Подпись Франциска I исполнена еще в готической манере, но его преемники уже подписываются итальянским курсивом. Гуманистический курсив господствует в собственноручных письмах представителей высшей придворной аристократии. Это почерк с очень крупными буквами, иногда неумело-старательный, часто небрежный и всегда далекий от стремления к выработке удобного беглого письма.

Гуманистический курсив во Франции в XVI в. не отличался принципиально от итальянского. При достаточно небрежном письме встречаются смешанные почерки, где к итальянской основе прибавляется более или менее значительная «примесь» национальных, т. е. готических форм. Это может свидетельствовать о том, что писавший еще недостаточно прочно овладел гуманистическим курсивом, или о том, что он пользовался обоими типами письма, от чего могло происходить смешение. Во всяком случае, смешанные почерки еще не означают закрепления иных графических форм в итальянском курсиве, возведения их в ранг норматива. Французские каллиграфы и писцы не допускали таких примесей в парадных образцах гуманистического курсива.

В самом конце XVI в. видный французский каллиграф Гийом Леганьер (Le Gangneur) по-новому осмыслил принципы итальянского курсива, провозгласив, что все его формы образуются графически от двух основных — *o* и *i*, т. е., что все они представляют лишь комбинации частей овала и наклонных прямых. Например, *s* длинное — основа всех выносных — является частью двух соприкасающихся больших *o*. Аналогичной унификации подверглись и большие буквы гуманистического курсива, которые стали рассматриваться как происходящие от *o* и *s* длинного. Провозгласив этот важнейший принцип, прочно укоренившийся в последующей каллиграфии, Леганьер подвел логический итог всему развитию итальянской каллиграфии, перешедшей во второй половине XVI в. от угловатого курсива к округлому. Было наглядно продемонстрировано преимущество итальянского курсива над французским в простоте начертания, поскольку для французского типа письма, особенно для его сложных больших букв, подобная унификация еще не представлялась возможной. Вместе с тем этот решительный шаг был связан с общим классицистическим характером эстетических воззрений Леганьера.

Французский курсив в XVII в.

В первой половине XVII в. во французском письме растет популярность простых форм итальянского курсива, их употребление повсюду становится все более широким.

Состояние всего французского обычного письма того времени хорошо иллюстрирует табл. 59. Этот разборчивый почерк, без особого стремления к каллиграфии, принадлежит секретарю провинциального учреждения — финансовой палаты Прованса. Элементы французского и итальянского письма смешаны в самой сильной степени. С одной стороны, писец пользовался тонким пером без косо́го среза, но в то же время квадратные пропорции букв и прямой почерк свидетельствуют о родстве этого письма с французским готическим курсивом. Итальянские формы **e h q** конкурируют с французскими; зато **c** встречается только в новой форме и пишется в один прием. Преобладание прямой формы для **g** говорит о влиянии итальянского курсива, но употребляются и готические формы этой буквы.

Усвоение французским обычным письмом норм итальянского гуманистического курсива видно и в парадном канцелярском письме. Оно выражается в сближении каллиграфических вариантов обоих типов письма. Сущность этих перемен хорошо иллюстрируется изменениями в терминологии. Национальный французский курсив теперь называется «финансовым письмом», что указывает на сферу его распространения. Появление подобного термина говорит об усилившемся применении данного типа письма в местных финансовых органах и вообще в учреждениях. В XVIII в. его стали называть «рондо» (см. ниже). Итальянское письмо теперь всегда называется итальянской бастардой или просто бастардой, что указывает на определенную трансформацию этого типа, приспособление его к французской почве.

Процесс складывания финансового письма хорошо прослеживается в документах центральной администрации начиная с 90-х гг. XVI в., переходный период заканчивается примерно к 20-м гг. XVII в. На протяжении этого времени в парадном канцелярском курсиве становятся нормой почерки со скругленными очертаниями букв (см. табл. 60). Одновременно исчезают старые, наиболее характерные декоративные элементы — **d** с длинной дубинкой; **d** пишется либо в унциальной форме, либо — что в конце концов становится нормой — состоит из одних округлых элементов. Очень заметно исчезновение готических форм **f s**; для этих букв употребляются теперь только итальянские формы, причем **s** малое успешно вытесняет **s** длинное. Идет отмирание готических форм **c g**; дукт **c** упрощается, вместо двух приемов она пишется в один, т. е. как в итальянском курсиве. Теперь эта буква соединяется с последующими не при помощи своего основного, горизонтального элемента, а по-

средством соединительной волосной, начинающейся внизу, как у большинства букв. Аналогичное изменение происходит с **g**, которое также теряет свой верхний горизонтальный элемент, что опять-таки означает совпадение с итальянской формой.

Каллиграфия XVII в. закрепила все эти изменения провозглашением принципа, по которому буквы **o i** стали считаться графической основой всех форм букв, т. е. французское письмо пришло к тому же итогу, что и итальянское. Это означало важнейший шаг в сближении обоих типов письма. Вместе с тем упорно сохранялись некоторые старые формы букв — **e p s**, конечное **g** и т. д. (см. табл. 60). Сохранилась в определенных рамках и угловатость (например, в **m, n**, при соединениях букв и т. п.). В отличие от итальянской бастарды финансовое письмо представляет собой прямой почерк с квадратными пропорциями. В этом типе письма заметна склонность к украшательству. Хотя большие буквы подверглись регламентации и потеряли сложные завитки, каллиграфы по-прежнему требовали чтобы при их написании правая рука находилась навесу и не мешала художественности исполнения (заглавные буквы, в противовес малым, не имели постоянного угла наклона пера по отношению к строке). Кроме того, очень важным декоративным средством были фигурные росчерки, которые с начала XVII в. выводились специальным пером; здесь уже не было никаких ограничений, кроме требований «хорошего вкуса».

Итальянская бастарда, формирование которой как парадного почерка также протекало в первой половине XVII в., сильно изменилась по сравнению с каллиграфическим итальянским курсивом предшествовавшего столетия (см. табл. 61). Полностью исчезло старое декоративное убранство — тестеджата и росчерки выносных у **p q**, а выносные стали проще и естественнее; у букв, имевших ранее тестеджата и росчерки, они превратились в прямые линии, иногда дополняющиеся правильными дугообразными изгибами. В итальянской бастарде ширина корпуса буквы немного меньше его высоты (5 : 7 или 3 : 4), иногда пропорции приближаются к квадрату, т. е. к нормам французского курсива. Принципиально не исключалось — а впоследствии стало нормой — применение в парадной итальянской бастарде пера с косым срезом. Наконец, итальянская бастарда восприняла некоторые французские формы букв — **g s** конечное и т. д.

Общим для развития каллиграфических вариантов обоих типов письма было стремление к простоте, к ясной форме. В эстетическом отношении оно совершенно совпадает с тягой к простоте и рациональности в искусстве и литературе, характерными для стиля классицизма. Упрощение и регламентация канцелярского курсива отражали процесс складывания бюрократического аппарата. Центральная администрация уделяла немалое внимание реформе письма. В 1633 г. парижский парла-

мент запретил учителям каллиграфии пользоваться письмом, отличным от двух образцов (финансовое письмо и итальянская бастарда), представленных парламенту специалистами-каллиграфами. Впоследствии вопросами каллиграфии интересовался Кольбер.

В то же время упрощение каллиграфических типов было ответом на требования, которые предъявлялись к преподаванию письма. Рост деловой активности повышал популярность профессии писца; обладание хорошим почерком было в жизни очень важным подспорьем. Учитель должен был научить своего ученика писать разборчиво и вместе с тем быстро, так чтобы тот, поступив после учебы в канцелярию прокурора или нотариуса, мог успешно писать под диктовку или вести протоколы.

В 20—30-х гг. XVII в. в бюро при государственных секретарях (учреждениях, постепенно превращавшихся в настоящие министерства) устанавливается строгое «разделение труда» между финансовым письмом и бастардой. Первым исполнялись все документы, на которых стоит подпись короля; в тех письмах, где ставилась одна лишь подпись государственного секретаря, а также в докладных записках и инструкциях применялась бастарда. Естественно, что по мере укрепления авторитета государственных секретарей и роста их административной переписки бастарда должна была превращаться в обычный почерк официальных министерских документов.

В первой половине XVII в. сокращения стали употребляться еще реже, главным образом для немногих определенных слов (*postre, lettre, present*), в суффиксах *tion, ment*, для пропущенных носовых и т. п. Другие виды сокращений (*que, ur, us, ledict* и т. п.) имели особые обозначения — остатки системы специальных знаков, — однако последние употреблялись уже очень редко.

Французское письмо в XVIII в.

Процесс перехода французского письма на современную основу продолжался в XVIII в., после оформления итальянской бастарды и финансового письма, называемого теперь «рондо» (*ronde* — круглый). Важное значение имел окончательный отказ от применения при быстром письме пера с косым срезом. Уже каллиграфы XVII в. указывали, что для беглого письма (как в бастарде, так и в рондо) употребляют перья с равнобедренной заточкой, в основном той же формы, что и наши стальные перья. Таким образом готическое перо оттесняется в область парадных почерков, чистой каллиграфии.

К середине XVIII в. практически выходит из употребления такая живучая форма, как старая двухчастная форма *e*, сменяющаяся современной формой, что вело к дальнейшему упрощению системы связок.

Алфавит обогащается двумя новыми буквами: **j v** (до этого соответствующие звуки обозначались буквами **i u**). Формы для новых букв развивались из прежних чисто «начальных» форм, употреблявшихся безразлично для гласных и согласных звуков в начале слова. Попытки различения этих звуков были и в XVII и даже в XVI в., но только в XVIII в. произошло вытеснение «звуковой» системой старой системы различия по положению в начале или середине слова.

Французское письмо продолжает сохранять некоторые формы, восходящие к готическому курсиву — **г, р, t** конечное, **s** конечное. Для последнего еще в XVII в. складывается новая форма — беглый вариант двухчастной формы; в XVIII в. она успешно распространяется. Изменяется употребление различных форм буквы **г**: идет процесс локализации его круглой формы исключительно на конце слова. Возможно, исчезновение ее из середины слова связано с разделением звуков **v** и **u**, поскольку теперь и в срединном положении появляется буква **v**, очень похожая на круглую форму **г**, что создавало опасность путаницы. Восходящая к готическому курсиву форма нашего курсивного **г** преобладает над малопригодной к связке прямой формы этой буквы.

Французская каллиграфия оформила происходившие в обычном письме процессы, создав понятие «связного письма» (*lettre coulée* — кулэ), произошедшего из синтеза рондо и итальянской бастарды (см. табл. 62). Первые образцы кулэ относятся к самому началу XVIII в. Многие каллиграфы не признавали его; по их мнению, он не мог сравниться с рондо по выразительности, а с бастардой по простоте. Однако именно кулэ стало самым распространенным письмом во Франции, оттеснив и рондо, и итальянскую бастарду в сферу парадного письма канцелярий. Таким образом кулэ является каллиграфическим вариантом обычного письма эпохи.

Однородность кулэ и итальянской бастарды бросается в глаза. Это письмо наклонное и угол его наклона такой же, как и у бастарды; пропорции вытянуты в высоту и совпадают с пропорциями итальянской бастарды. Таким образом обычное французское письмо стало строиться в точности на той же основе, что и письмо итальянского происхождения.

Отличия кулэ от современной ему итальянской бастарды ярко свидетельствуют о стремлении к беглости письма. Для бастарды характерны выносные **b h l** без петель, в виде простых палочек; те же буквы в кулэ непременно имеют петлистую форму (видимо, этим объясняется название «связное письмо»). Петли окончательно превратились в непременную часть формы букв. Другое отличие состоит в формах **m n**. В итальянской бастарде соединение палочек этих букв осуществляется скруглением, в кулэ — снизу вверх при сохранении углов. Каллиграфы объясняют употребление их все тем же стремлением к скорости письма.

Вместе с тем эти формы, обособляя кулэ от итальянской бастарды, сближают его с рондо.

Кулэ включает в себя все формы, распространенные в обычном французском письме, отражая изменения, о которых уже упоминалось. Таким образом, кулэ богаче национальными формами, чем итальянская бастарда, где большую роль играют традиции гуманистического курсива. Правда, не только в кулэ, но и в бастарде XVIII в. для **d** употребляется исключительно круглая форма, аналогичная форме этой буквы в рондо. Прямое **d** итальянского курсива не прижилось во французском обычном письме. Французские каллиграфы, стремясь сблизить новый тип письма с традиционными рондо и итальянской бастардой, сохранили для парадных вариантов кулэ употребление пера с косым срезом. Это еще одно проявление свойственного этому письму компромисса со старыми традициями.

Старые формы букв можно встретить во французском письме еще в XIX в. Интересно, что и в России в письмах, написанных на французском языке, часто употребляется форма **s** конечного, принятая в кулэ. Однако изживание большинства старых форм было уже лишь вопросом времени. Некоторые из них отпали в связи с отказом от особых конечных форм букв; должно было сыграть свою роль и влияние английского письма (см. ниже), приводившее к вымыванию слишком ярко выраженных национальных форм. Круглая форма **g** прижилась и в нашем современном письме, одержав победу над **g** гуманистического курсива.

Исчезновение остатков готических форм происходило в XVIII—XIX вв., но в целом переход к современному письму во Франции можно считать закончившимся в первой половине XVIII в.

§ 3. АНГЛИЙСКОЕ ПИСЬМО В XVI—XVIII вв.

Английское письмо в XVI—XVIII вв. прошло тот же путь, что и французское; конечным итогом развития был также переход обычного письма на современную основу.

Итальянский гуманистический курсив начинает интенсивно проникать в Англию также с начала XVI в. и распространяться в основном среди интеллигенции и придворной аристократии. Уже в XVI в. он господствовал в Оксфордском и Кембриджском университетах, из числа воспитанников которых выходили многие видные политические и церковные деятели. Питомцы Кембриджа обучали письму членов английской королевской фамилии.

Итальянскому типу письма в XVI в. противостоял в качестве обычного письма английский готический курсив, который занимал монопольное положение в сфере администрации, юстиции и торговли. Каллигра-

фическим типом, наиболее близко отражавшим английское обычное письмо того времени, был «секретарский почерк». Английский каллиграф Биллингсли (Billingsley, начало XVII в.) объясняет это название следующим образом: «Как я полагаю, секретарским этот почерк называется отчасти и потому, что только он используется в Англии для всякого рода деловой переписки». Стилизация секретарского почерка, выделившая его из обычного письма, произошла во второй половине XVI в. Это был важный шаг, свидетельствовавший о росте внимания каллиграфов к беглому письму, о попытках подчинить его определенным общепринятым нормам. Секретарский почерк представляет собой мелкое прямое письмо с некоторыми связками между буквами. Оно базируется на формах готического курсива и в ряде случаев в нем особо подчеркнута угловатость. Подавляющее большинство форм букв совпадает или очень близко подходит к соответствующим формам французского курсива XVI в., но некоторые национальные отличия все же существуют. Так, английский курсив, признавая курсивную форму *g*, предпочитает ей свою особую форму, которая почти не употреблялась во Франции; по происхождению эта форма — беглая модификация прямой готической. Она аналогична *g* немецкого курсива.

Наряду с секретарским почерком в Англии существовали более парадные типы готического канцелярского письма, непосредственно связанные с работой учреждений: «канцлерское письмо» и «судейское письмо». Первое употреблялось в документах канцлерского суда, второе — в «Суде королевской скамьи» и в «Суде общих тяжб». Они обладали резко выраженными характерными особенностями: у канцлерского письма приближающиеся к квадрату пропорции с очень короткими выносными; у судейского письма узкие, вытянутые в высоту буквы. Оба почерка одинаково далеки от обычного письма. Аналогичные особые стили можно выделить для некоторых документов казначейства. Наконец, существовал такой тип письма, который воплощал в себе парадное канцелярское письмо в целом, вне связи с определенным учреждением, — секретарская бастарда. Все эти почерки сложились еще в XIV—XV вв. и впоследствии сохранялись почти без изменений, что хорошо иллюстрирует силу традиции в канцеляриях.

Употребление этих «ведомственных» типов письма было официально запрещено в 1650 г., во время революции, но после реставрации Стюартов они снова вошли в моду, пока не были запрещены актом парламента от 1731 г.

В английском письме XVI—XVIII вв. можно еще встретить особые формы из англосаксонского алфавита, которые принято называть руническими: твердое *th* в виде унциального *d* с перечеркнутым хвостиком, мягкое *th* в форме *y* и некоторые другие. Эти формы постепенно отмирают.

Процесс перехода письма на современную основу проходил на первых порах в Англии медленнее, чем во Франции. Обычное письмо полностью сохраняло готический характер до середины XVII в., еще медленнее протекала переработка гуманистического письма: в 60—70-х гг. XVII в. английская каллиграфия широко использует барочные формы позднего итальянского курсива. Однако со второй половины XVII в. отмирание готических форм пошло очень быстрыми темпами и завершилось в первой половине XVIII в.; Англия догнала Францию. Утвердившийся в качестве общепризнанного новый тип обычного письма носит название «круглого почерка». Его парадные варианты аналогичны французскому типу итальянской бастарды, тогда как беглые с их петлистыми формами переключаются с кулэ.

Английский каллиграф Бикхем (Bickham) писал в 1740 г.: «Наши предки пользовались мелким беглым секретарским почерком и встретить тогда человека, который не был ему обучен, было такой же большой редкостью, как встретить сейчас человека им пользующегося. Говорить им о круглом почерке... было бы то же самое, как если бы сейчас кто-нибудь захотел ввести новую букву, неизвестную всему человечеству. Но постепенно, когда превосходство и польза круглого почерка, благодаря стараниям многих выдающихся каллиграфов, показавших его изящество и его естественное свойство облегчать и ускорять переписку, были признаны, он был повсеместно принят и стал употребляться всеми и во всех случаях, за исключением одной юстиции» (очевидно, имеется в виду сохранение традиционных типов письма в старых судебных учреждениях). Эта потребность в облегчении деловой переписки была связана с подъемом деловой активности после буржуазной революции и завоевания гегемонии в международной морской торговле.

Возможно именно бурный темп развития английского письма со второй половины XVII в. был причиной того, что в Англии не успел оформиться компромиссный каллиграфический тип, аналогичный французскому рондо. Вообще можно сказать, что во Франции при выработке современного типа письма элемент синтеза имел гораздо большее значение, чем в Англии. К тому же английские каллиграфы при разработке круглого почерка могли опереться на богатый опыт, накопленный французской каллиграфией.

При своем принципиальном родстве с кулэ, каллиграфический вариант обычного английского письма XVIII в. обладает рядом отличий от французского типа. Здесь нет национальных форм букв, пришедших из готического курсива и характерных для кулэ (конечные s и t и т. п.). Для g в английском курсиве господствующей формой была прямая, а не ломаная форма, получившая преобладание во Франции. В отличие от кулэ, английский курсив имел прямую форму d. Соединение палочек m и n осуществляется посредством скругления, как в позднем итальян-

ском курсиве, а не через волосные диагонали, как в кулэ. Английская каллиграфия гораздо больше склонна подчеркивать наклон букв. Наконец, если парадные варианты кулэ исполнялись пером с косым срезом, то английский курсив признает нормой очень острые перья с равноостронней заточкой.

Сущность этих отличий можно резюмировать как большую решительность английского письма в отрицании элементов готического происхождения по сравнению с более компромиссным отношением к ним в кулэ.

В XVIII в. английский круглый почерк начинает оказывать сильное влияние на каллиграфию других европейских стран, где он становится известен как «английское письмо». «Франция и Англия поставляют другим нациям образцы письма», отмечал в 1772 г. в своей «Истории письма» Ж. Дюбуа. Можно с полным правом назвать XVIII в. веком англо-французской гегемонии в каллиграфии. К концу XVIII — началу XIX в. влияние английского письма особенно усиливается, благодаря его преимуществу над кулэ в цельности и простоте.

§ 4. НЕМЕЦКОЕ ПИСЬМО В XVI—XVIII вв.

Немецкое письмо XVI—XVIII вв. оставалось в стороне от изменений, происходивших в письме других западноевропейских стран. На протяжении всего этого периода готический курсив остается практически единственным законным типом письма для текстов на немецком языке (см. табл. 63 и 64). При этом немецкий готический курсив отличался особой сложностью и изощренностью по сравнению с его вариантами в других странах.

В начале XVI в., как и в предшествующее время, интерес немецкого общества к каллиграфии был очень значителен. Первые печатные учебники письма появились в Германии в те же годы, что и в Италии, и раньше, чем в других европейских странах. Круг лиц, обучавшихся письму, был достаточно широким, по крайней мере в крупных городах. Сохранилось объявление учителя письма из Базеля от 1516 г., который приглашал учиться у него «бюргеров, или подмастерьев, женщин и девушек», а на вывеске были изображены обучающиеся письму ландскнехты. В это время каллиграфы уделяют больше внимания разработке быстрого письма, проявляют интерес к проблемам регуляризации немецкого письма, подчинения его форм (например, инициалов) определенным геометрическим правилам. Ведущую роль в немецкой каллиграфии XVI в. играла нюрнбергская школа письма, основанная И. Нейдерфером (Neudörffer).

Однако в XVI в. уже сильно сказывается тяга к декоративности, достигаемой часто за счет понятности письма. Эта тенденция особенно ярко проявляется в прописных буквах и инициалах. Каллиграфы посвящали специальные учебники прописным буквам готического курсива, чего почти не наблюдалось в других западноевропейских странах. Особая к ним любовь объяснялась тем, что они в большей степени, чем строчные, способны к созданию декоративного эффекта. Частое употребление прописных букв в современной немецкой орфографии (в начале каждого существительного) является отголоском этого увлечения.

В XVII в. стремление к декоративности в письме еще более усиливается. В каллиграфии начинается реакция против традиций геометризации, превозносится «глазомер» и свобода в начертании сложных готических форм. Наряду с нюрнбергской школой письма играют большое значение оформившиеся в XVII в. другие областные школы, среди которых выделяются саксонская и силезская.

Немецкая каллиграфия не провела никакой унификации в заточке пера. Срез конца пера был во всех случаях угловатый, но характер среза мог быть различен — косой слева, косой справа или прямой. Соответственно в учебнике нюрнбержца В. Фуггера (Fugger, 1553 г.) приводятся четыре варианта немецкого беглого письма, которые различаются между собой по особенности стиля и по характеру заточки перья; однако формы и дукт букв в них идентичны. По-видимому, наибольшее употребление имели перья с косым левым срезом, поскольку именно такими перьями писали тот вариант курсива, который Фуггер называет «лежащим», или «обычным», и считает самым удобным и быстрым. Название лежащий объясняется характерным наклоном утолщенных вертикалей влево (см. табл. 63, строки 4—10); наклон влево способствовали именно косой левый срез пера. «Извилистый почерк» также обладал наклоном влево и отличался от лежащего изогнутой формой вертикалей **m n**. Два других почерка — «сдвинутый» и «выпуклый» — были прямыми и исполнялись применявшимся во Франции и Италии пером с косым правым срезом; выпуклый почерк характерен скруглениями **m n**.

Нейдерфер и Фуггер были консервативны в выборе форм курсива, стремясь по возможности не отходить от книжной готической фрактуры, хотя она не допускала беглости письма. Например, е сохраняет фрактурную форму, и ее внешнее сходство с современной не должно вводить в заблуждение, так как и по угловатости и — главное — по двухчастному дукту эта буква целиком готическая и мало приспособлена для беглого письма.

На практике немецкое обычное письмо было гораздо более свободным (см. табл. 64), и эта непринужденность проникла в XVII—XVIII вв. и в каллиграфию. Для него характерно стремление как можно реже от-

рывать перо от бумаги; к этому приспособлены буквы **b e g r s**. Двухчастная форма **e** пригодна для связки с последующими буквами; в то же время именно на этом примере видно, как мало обеспечена дифференциация букв. Нужны постоянные усилия, чтобы отличить **e** от схожих **n** и последних элементов **g w**. Немецкое письмо по-прежнему угловато, наклонено вправо, буквы растянуты в ширину, сохраняются старые формы заточки пера.

Гуманистический курсив был известен и в Германии, но сфера его применения была очень узкой и строго ограниченной — считалось, что он не должен применяться для письма на немецком языке. Столь жесткой монополии национального шрифта нет в других западноевропейских странах — французские и английские каллиграфы с самого начала, не смущаясь, совмещали гуманистический курсив с отечественным языком. В конце концов, неуклонно оставаясь на консервативных позициях, немецкая каллиграфия очутилась в изоляции. «Продукция этого рода, которая хороша только для немцев, редко выходит за пределы Германии», — писал в середине XVIII в. Ш. Пайяссон о сочинениях немецких каллиграфов; поэтому последние были плохо известны за границей.

Длительная консервация готического курсива в Германии, дожившего почти до наших дней, объясняется особой силой готических традиций в этой стране и связанной с реформацией реакцией против всего итальянского, «папистского», а также неблагоприятными условиями хозяйственной и политической жизни. Экономический упадок Германии, усугубившийся бедствиями Тридцатилетней войны, раздробленность страны и связанный с ней партикуляризм мелких княжеств не давали стимулов к выработке единообразного, быстрого и разборчивого письма. В то же время следует отметить, что чем больше увеличивался разрыв между немецким письмом и письмом других западноевропейских народов, чем больше готический курсив становился выражением национальной самобытности, тем сильнее дорожило им национальное чувство.

Некоторые сдвиги произошли во второй половине XVIII в., когда в Германии стали переиздаваться иностранные сочинения по каллиграфии, а в учебниках письма появились образцы текстов на немецком языке, исполненные нашим современным письмом. Начинаются выступления за реформу немецкого курсива с тем, чтобы, проведя определенные упрощения, подчинить и его столь же строгим правилам геометрического построения, как те, которые были приняты у иностранных каллиграфов. Однако готический курсив сохраняет все свои основные позиции. Процесс вытеснения его идет крайне медленно. Даже когда в XIX в. под английским влиянием в Германии широко распространяются перья с очень тонкой заточкой, это не привело к отказу от излюбленных национальных форм букв: их стали писать новым пером, хотя его заточка ни-

как не соответствовала характеру готического курсива. Еще в первой половине XX в. были попытки вдохнуть жизнь в умирающее национальное письмо, и лишь к середине нашего столетия немецкий курсив практически полностью вышел из употребления.

§ 5. СОВРЕМЕННОЕ ПИСЬМО С ЛАТИНСКИМ АЛФАВИТОМ

Современное обычное письмо обладает большими преимуществами по сравнению с готическим курсивом. Оно достигло максимальной (из возможных при беглом почерке) дифференцированности форм букв, что облегчает чтение. Почему, например, победила именно современная курсивная форма *г*? Потому что из всех возможных она обладала наибольшей дифференцированностью. Печатная форма *г* легко искажается при связке, и тогда от буквы остается лишь прямая палочка, но на этом элементе и так базируется слишком много букв. Круглая же форма *г* при связке слишком легко смешивается с *у* или *о*.

Принципиальным новшеством современного письма является однородность системы связок. Последние всегда осуществляются посредством соединительных волосных, которые сами по себе не входят в основное тело буквы. Следовательно, такие соединения не затемняют формы букв; каждую букву легко отделить на глаз от соседних. Эта однородность была достигнута путем отказа от ряда старых форм — прежде всего от двухчастных с *е*, которые соединялись с последующими буквами посредством своих основных элементов, образуя нерасторжимые соединения типа лигатур.

Начертания современного письма просты насколько это вообще возможно. Каждая буква имеет только одну общепризнанную форму, отсутствуют особые начальные и конечные формы букв, исчезнувшие в XIX в. Наконец, в отличие от готического курсива, сокращения встречаются очень редко; при этом способ сокращений прост, без каких бы то ни было специальных знаков.

По этим причинам можно сказать, что переход к современному типу письма был большим культурным достижением, сильно облегчившим чтение и обучение письму.

Правда, и современное письмо нельзя назвать совершенно свободным от недостатков с точки зрения разборчивости. Основной упрек, который ему можно сделать, — обилие форм, состоящих из одних палочек (*m n u i*), причем эти буквы относятся к числу самых распространенных, часто стоят рядом друг с другом, и в этом случае их внутренние элементы легко смешиваются с соединительными волосными. Этот же недостаток был свойственен и готическому курсиву. Устранить его оказалось невозможно; история латинского письма не дала ничего, чем можно

было бы заменить традиционные формы. Только тогда, когда более удобная форма уже дана историческим развитием, в письме может вступить в действие механизм «естественного отбора». Именно максимальное приближение к идеалу разборчивости и беглости обеспечивает устойчивость современного типа письма.

В наше время существует заметное течение, ставящее своей целью возрождение каллиграфии в сфере обычного письма, усовершенствование его эстетической стороны. Центром этого течения, возникшего еще в прошлом веке, является Англия, где существуют «Общество писцов и иллюминаторов» (1941 г.) и «Международное общество итальянского письма» (1952 г.). Представители этого течения (E. Johnston, St. Morrison, A. Fairbank и др.) пропагандируют возвращение к угловатому гуманистическому курсиву первой половины XVI в. В качестве теоретического обоснования своих взглядов они иногда приводят тот довод, что широкое применение пишущих машинок не только в делопроизводстве, но и в быту в основном освобождает человека от собственноручного письма и позволяет ему уделять больше внимания эстетической стороне своего почерка в тех документах, которые он почему-либо пишет от руки (например, в личных письмах). Будущее покажет, насколько обоснован этот довод, в принципиальной справедливости которого нет ничего недопустимого.

ЛИТЕРАТУРА

- Добиа ш - Рождественская О. А. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии, 2-е изд. М.—Л., 1936.
- Киселева Л. И. О происхождении готического курсива. Сб. «Средние века», вып. 26. М., 1964.
- Киселева Л. И. Курсивное письмо во Франции в XIII—XV вв. (по материалам ленинградских собраний). Кандидатская диссертация. Л., 1969.
- Лихачев Н. П. «Гуманистическое письмо» и автографы гуманистов. Рукопись, коллекционированная Анжело Полициано. Известия Академии наук СССР, 1926, № 9, 10, 11.
- Лихачев Н. П. Палеографическое значение водяных знаков, 3 тома. СПб., 1889.
- Луизова Т. В. Латинское письмо XI—XII вв. (Проблема возникновения так называемого «готического письма»). Кандидатская диссертация, Л., 1950.
- Луизова Т. В. Об исторических условиях возникновения так называемого готического письма. Сб. «Средние века», вып. V. М., 1954.
- Луизова Т. В. Раннеготические рукописи Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Труды Гос. публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, т. I (IV). Л., 1957.
- Люблинская А. Д. Значение трудов О. А. Добиа ш - Рождественской для развития латинской палеографии в СССР. Сб. «Средние века», вып. 29. М., 1966.
- Люблинская А. Д. Новая теория развития позднеримского письма. Сб. «Средние века», вып. XI, М., 1958.
- Малов В. Н. Дипломатическое письмо во Франции в XVII в. и институт государственных секретарей. Сб. «Средние века», вып. 29. М., 1966.
- Малов В. Н. Развитие французского письма XVI—XVIII вв. по каллиграфическим трактатам. Сб. «Средние века», вып. 27. М., 1965.
- Малов В. Н. Что такое палеография. «Вопросы истории», 1966, № 2.
- Малов В. Н. Палеографическое исследование документов по истории Франции конца XV—XVIII вв. (по материалам собраний СССР). Кандидатская диссертация. М., 1965.
- Неретина С. С. Латинское письмо в Северной Франции в середине IX в. Сб. «Средние века», вып. 29. М., 1966.
- Привалова Е. Л. Ирландская средневековая иллюминированная рукопись в собрании Ленинградской Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Сб. «Средние века», вып. XXI. М., 1962.
- Романова В. Л. К вопросу о номенклатуре так называемого готического письма рукописных книг XIII—XV веков. Сб. «Средние века», вып. 23. М., 1963.
- Романова В. Л. Некоторые вопросы организации производства рукописной книги во Франции XIII—XV вв. Сб. «Средние века», вып. XIX. М., 1961.
- Романова В. Л. Развитие книжного готического письма во Франции в XIII—XIV вв. Сб. «Средние века», вып. 29. М., 1966.
- Bains D. A supplement to Notae latinae. Abbreviations in latin mss. of 850 to 1050. Cambridge, 1936.
- Battelli G. Lezioni di paleografia. 3 ed. Città del Vaticano, 1949.
- Battelli G. Nomenclature des écritures humanistiques. В книге: «Nomenclature des écritures livresques...». Paris, 1954.
- Bischhoff V. La nomenclature des écritures livresques du IX au XIII siècle. В книге: «Nomenclature...». Paris, 1954.
- Bischhoff V. Paläographie der abendländischen Buchschriften vom V bis zum XII Jahr. Relazioni del X Congresso Internazionale di scienze storiche, v. I. Firenze, 1955.
- Boussard J. Influences insulaires dans la formation de l'écriture gothique. Scriptorium, t. 5. Bruxelles, 1951.

- Briquet C. M. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. 4 v. Genève, 1907.
- Brown T. J. Latin palaeography since Traube. Transactions of the Cambridge Bibliographical Society, v. III, 5, 1963.
- Capelli A. Dizionario di abbreviature latine ed italiane. 4 ed. Milano, 1949.
- Casamassa E. Litterae gothicae: note per la storia della riforma grafica umanistica. La Bibliofilia, anno LXII, dispensa 2^a. Firenze, 1960.
- Cencetti G. Lineamenti di storia della scrittura latina. Bologna, 1954.
- Chartae latinae antiquiores. Edition en facsimilé des chartes latines avant l'an 800, publiée par A. Bruckner et R. Marichal. tt. 1, 2. Olten et Lausanne, 1954—1956.
- Chassant L. A. Dictionnaire des abréviations latines et françaises... du moyen âge. 5 éd. Paris, 1884.
- Crous E. und J. Kirchner. Die gothischen Schriftarten. Leipzig, 1928.
- Dain D. Les manuscrits. 2 éd. Paris, 1964.
- Delisle L. Le Cabinet des manuscrits de la Bibliothèque Nationale t. 1—3. Paris, 1868—1881.
- Destrez J. La «pecia» dans les manuscrits universitaires du XIIIe et du XIVe siècle. Paris, 1935.
- Destrez J. et M. D. Chenu. «Exemplaria» universitaires des XIII et XIV siècles. Scriptorium, t. 7, 1953.
- Dobiasche-Rožděstvensky O. Quelques considérations sur les origines de l'écriture dite «gothique». Mélanges d'histoire du moyen âge, offerts à M. F. Lot. Paris, 1925.
- Dobiasch-Rožděstvenskaia O. La main de Paul Diacre sur un codex du VIII siècle envoyé à Adalhard. Memoriae storiche Forogiuliesi, t. XXV, 1929.
- Dobiasch-Rožděstvenskaia O. Histoire de l'atelier graphique de Corbie de 651 à 830 reflétée dans les manuscrits de Léningrad. Léningrad, 1934.
- L'écriture et la psychologie des peuples. XXIIe semaine de synthèse. Paris, 1963.
- Fairbank A. and B. Wolpe. Renaissance handwriting. London, 1960.
- Foerster H. Abriss der lateinischen Paläographie. 2. Aufl. Stuttgart, 1963.
- Górski K. Neografia gotycka. Podręcznik pisma neogotyckiego XVI—XX w. Toruń, 1960.
- Hajnal I. L'enseignement de l'écriture aux universités médiévales. Budapest, 1959. (Рец. Л. И. Киселевой в сб.: «Средние века», вып. 24. М., 1963).
- Hector L. The handwriting of English documents. London, 1963.
- Higounet Ch. L'écriture. Paris, 1959.
- Johnson A. T. The classification of gothic types. Transactions of the bibliographical society, v. IX, 1929, No. 4.
- Jones L. W. The script of Tours in the tenth century. Speculum, t. XIV, 2, 1939.
- Jones L. W. The art of writing at Tours from 1000 to 1200 A. D. Speculum, t. XV, 3, 1940.
- Kristeller P. O. Latin manuscript books before 1600: a list of the printed catalogues and unpublished inventories of extant collections. New edition revised. New-York, 1960.
- Lauer Ph. La réforme carolingienne de l'écriture latine et l'école calligraphique de Tours. Mémoires présentés... à l'Académie des Inscriptions et Belles — Lettres, t. XIII. Paris, 1924.
- Lesne E. Les livres, «scriptoria» et bibliothèques du commencement du VIIIe à la fin du XIe siècle. Histoire de la propriété ecclésiastique en France, t. IV, Lille, 1938.
- Lieftinck G. I. Pour une nomenclature de l'écriture livresque de la période dite gothique. В книге: «Nomenclature des écritures livresques...». Paris, 1954.
- Lindsay W. M. Notae latinae. An account of abbreviations in latin mss. of the early minuscule period. Cambridge, 1915.
- Löffler K. Einführung in die Handschriftenkunde. Leipzig, 1929.

- Loew E. A. (Lowe). The beneventan script. A history of south Italian minuscule. Oxford, 1914.
- Lowe E. A. Codices latini antiquiores. A palaeographical guide to latin manuscripts prior to the ninth century, т. I—XI. Oxford, 1934—1966.
- Lowe E. A. Codices rescripti. A list of the oldest latin palimpsests with stray observations on their origin. В книге: Mélanges Eugène Tisserant, vol V. Rome, 1964.
- Lowe E. A. English uncial. Oxford, 1960.
- Lublinskaya A. Les travaux des savants soviétiques en paléographie latine (1960—1966). Scriptorium, t. XXI, 1967.
- Mallon J. Paléographie romaine. Madrid, 1952.
- Mallon J. Paléographie romaine. В книге: L'histoire et ses méthodes. Paris, 1961.
- Mallon J. L'archéologie des monuments graphiques Revue Historique, t. 226, 1961.
- Mallon J., R. Marichal, Ch. Perrat. L'écriture latine de la capitale romaine à la minuscule. Paris, 1939.
- Marichal R. De la capitale romaine à la minuscule. В книге: Audin. Somme typographique v. I. Paris, 1948.
- Marichal R. L'écriture latine et la civilisation occidentale du Ier au XVIe siècle. В книге: L'écriture et la psychologie des peuples. XXIIe semaine de synthèse. Paris, 1963.
- Marichal R. Paléographie précaroline et papyrologie. Scriptorium, t. I, 1946—1947, t. IV, 1950.
- Masai F. Paléographie et codicologie. Scriptorium, t. 4, 1950.
- Mošin V. A., S. M. Traljić. Vodeni znakovi XIII i XIV vijeka. Zagreb, 1957.
- Nomenclature des écritures livresques du IXe au XVIe siècle. Premier colloque international de paléographie latine, Paris, 28—30 avril 1953. Paris, 1954.
- Pap A. Nomina sacra in the greek papyri of the first five centuries a. d. The sources and some deductions. Leiden, 1959. Papyrologica Lugduno-Batava, v. 8.
- Pächt O. Notes and observations of the origin of humanistic book-decoration. В книге: Fritz Saxl 1890—1943. A volume of memorial essays edited by D. J. Gordon. London, 1957.
- Perrat Ch. Paléographie médiévale. В книге: L'histoire et ses méthodes. Paris, 1961.
- Perrat Ch. Paléographie romaine. Relazioni del X Congresso Internazionale di scienze storiche, v. I. Firenze, 1955.
- Post G. A general report: suggestions for future studies in late medieval and renaissance latin paleography. Relazioni del X Congresso Internazionale di scienze storiche, v. I. Firenze, 1955.
- Pouille E. Paléographie des écritures cursives en France du XVe siècle au XVIIe siècle. Paris—Geneve, 1966.
- Prou M. Recueil de fac — similés d'écritures du Ve au XVIIe siècle. Paris, 1904.
- Prou M. et A. de Boüard. Manuel de paléographie latine et française. 4 éd. Paris, 1924.
- Rand E. K. and L. W. Jones. Studies in the script of Tours. The earliest book of Tours with supplementary descriptions of other manuscripts of Tours. Cambridge, Mass., 1934.
- Reynolds R. L. Handwriting, illustrations: some problems in economic-historical research. В книге: Studi in onore di Amintore Fanfani, t. III, Milano, 1962.
- Rudberg G. Neutestamentlicher Text und nomina sacra Skrifter utgifna af Kungl. Humanistiska Vetenskaps. Samfundet i Uppsala XVII, 3, 1915.
- Samaran Ch. et R. Marichal. Catalogue des manuscrits en écriture latine, portant des indications de date, de lieu ou de copiste, tt. 1, 2, 5, 6. Paris, 1959—1969.
- Samaran Ch. Le comité international de paléographie. Réalisations et projets. Journal des savants, 1962.
- Santifaller L. Beiträge zur Geschichte der Beschreibstoffe im Mittelalter. I Teil: Untersuchungen. Graz — Köln, 1953.

- Schiaparelli L. La scrittura latina nell'età romana¹. Como, 1921.
- Schiaparelli L. Avviamento allo studio delle abbreviature latine nel medioevo. Firenze, 1925.
- Schiaparelli L. Note paleografiche e diplomatiche. 3. Influenza della scrittura beneventana sulla gotica? Archivio storico italiano 87, serie 7, vol. II, 1929.
- Spunar P. Sur les questions de la terminologie paléographique des écritures livresques du 9e au 16e siècle. Eunomia Ephemerides. Listy filologické supplementum I, pars 2. Praha, 1957.
- Spunar P. Définition de la paléographie. Scriptorium¹, t. XII, 1958.
- Spunar P. Die lateinische Paläographie in der Sowjetunion. Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung, t. 76. Graz—Köln, 1968.
- Steffens Fr. Lateinische Paläographie. 2. Aufl. Triest¹, 1909; Berlin, 1929; Paléographie latine. Trad. de R. Coulon, Paris, 1910.
- Steinacker H. Zum Liber Diurnus und zur Frage nach dem Ursprung der Frühminuskel. Miscellanea Fr. Ehrle, v. IV. Roma, 1924.
- Stiennon J. L'écriture diplomatique dans le diocèse de Liège du XIe au milieu du XIIIe siècle. Reflet d'une civilisation. Paris, 1960. (Пер. Л. И. Киселевой в сб. «Средние века», вып. 29, М., 1966.)
- Tablettes Albertini, actes privés de l'époque vandale (fin du V s.) publiés par Courtois, Leschi, Perrat et Saumagne. Paris, 1952.
- Thompson E. M. An introduction to greek and latin palaeography. 3 ed. Oxford, 1912.
- Thompson J. W. The medieval library. Chicago, 1939.
- Tjäder J. O. Die Forschungen Jean Mallons zur römischen Paläographie. Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung, t. 61. Graz—Köln, 1953.
- Tjäder J. O. Die nichtliterarischen lateinischen papyri Italiens aus der Zeit 447—700. T. 1, 2. Lund, 1954—1955.
- Toro J. L. de Abbreviaturas hispanicas. Madrid, 1957.
- Traube L. Nomina sacra. Versuch einer Geschichte der christlichen Kürzung. München, 1907.
- Traube L. Vorlesungen und Abhandlungen. Bd. I—II. München, 1909—1920.
- Ullman B. L. Ancient writing and its influence. London, 1932.
- Ullman B. L. The origin and development of humanistic script. Rome, 1960.
- Wardrop J. The script of humanism. Some aspects of humanistic script 1460—1560. Oxford, 1963.
- Wattenbach W. Das Schriftwesen im Mittelalter. 3. Aufl. Leipzig, 1896. 4. Aufl. Graz, 1958.
- Wehmer C. Die Namen der «gothischen» Buchschriften. Zentralblatt für Bibliothekswesen, B. 49, 1932.

Трактаты XVI—XVIII вв. по каллиграфии

- Alais de Beaulieu J. B. L'art d'écrire. 2 éd. Paris, 1720.
- Barbedor L. L'écriture financière dans sa naïveté. Paris, s. d. (1647).
- Baurenfeind M. Der zierlichen Schreibkunst... Nürnberg, 1736.
- Bickham G. The universal penman... London, 1743. Facsimile edition by Ph. Hofer. New-York, 1941.
- Cresci G. F. Il perfetto scrittore... Roma, 1570.
- Fugger W. Ein nützlich und wolgegründt Formelr. В книге: Wolfgang Fuggers Schreibbüchlein, mit einer Einleitung von F. Funke. Leipzig, 1958.
- Le Ganneur G. La Rizographie. Paris, 1599; La Technographie. Paris, 1599.
- J. Neudörffer der Älteste, der grosse Schreibmeister der deutschen Renaissance. 48 Facsimile — Tafeln... mit einer Einleitung von A. Capr. Leipzig, 1956.

- Paillasson Ch. Abregé des principes des lettres... и Notice historique sur les hommes célèbres... В книге: Pouget. Dictionnaire des chiffres. Paris, 1767.
- Royllet S. Les nouveaux principes de l'art d'écrire. Paris, 1731.
- Scalzi ni M. Il segretario. Venetia, 1599.
- Three classics of Italian calligraphy. With an introduction by O. Ogg. New-York, 1953.

Литература по каллиграфии

- Bonacici C.I. Bibliografia delle arti scrittorie e della calligrafia. Firenze, 1953.
- Doede W. Bibliographie deutscher Schreibmeisterbücher von Neudörffer bis 1800. Hamburg, 1958.
- Heal A. The english writing-masters and their copybooks, 1570—1800. Hildesheim, 1962.
- Steinberg S. H. Medieval writing-masters. The Library, June 1941.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

Глава I

Задачи и методы палеографии

Задачи палеографии	7
Хронологические и территориальные границы латинской палеографии	8
История латинской палеографии	8
Методика палеографического исследования	12
Терминология и классификация письма	12
Маюскул и минускул	14
Периодизация средневекового письма	15
Структура граммот	17
Собрания средневековых рукописей	18

Глава 2

Материал и орудия письма

Восковые таблички	20
Папирус	22
Калам, чернила	23
Свиток	23
Применение папируса в средние века	25
Пергамент	26
Кодекс	27
Палимпсесты	28
Перо	30
Бумага	31
Появление бумаги в Западной Европе	32
Производство бумаги	32
Водяные знаки	33

Глава 3

Сокращения, цифры, знаки препинания

Сокращения	35
Специальные знаки	37
Суспенсии	38
Контракции	39
«Священные имена»	40
Словари сокращений	43
Цифры	44
Знаки препинания	44

Глава 4

Римское письмо (I—V вв.)

Латинский алфавит в I—V вв. н. э.	47
Римское письмо I—V вв.	48
Основные виды римского письма	50

Схема развития римского письма	54
Теория Ж. Маллона	54
Значение теории Маллона	58

Глава 5

Письмо раннего средневековья (VI—VIII вв.)

Раннесредневековая письменность	61
Руническое письмо	61
Огамическое письмо	63
Готское письмо	64
Упадок образования и школ в VI—VII вв.	64
Церковные скриптории	65
Кодексы раннего средневековья	67
Внешний вид кодексов	68
Внешний вид грамот	70
Историография	70
Главные черты развития письма в VI—VIII вв.	73
Островное письмо	74
Ирландское письмо	74
Англосаксонское письмо	76
Северо-итальянское письмо	77
Беневентанское письмо	77
Испанское письмо	78
Меровингское письмо	79
Античное наследие	80
Луксейское и корбийское письмо VII — первой полови- ны VIII вв.	81

Глава 6

Каролингский минускул (середина VIII—XI вв.)

Терминология	84
Основные черты развития письма в VII—VIII вв.	85
Графические изменения в VIII в.	86
Распространение каролингского минускула	88
Канцелярское письмо IX—XI вв.	90
Причины распространения каролингского минускула	90

Глава 7

Готическое письмо (XII—XV вв.).

§ 1. Раннеготическое письмо (конец XI—XII вв.)	92
Термин «готическое письмо»	92
Основные черты готического письма	93
Историография	94
«Готизация» письма в XI в.	96
Раннеготическое письмо XII в.	98

Причины графических изменений	98
Сокращения в раннеготическом письме	101
§ 2. Книжное готическое письмо XIII—XV вв.	102
Рост потребности в книге. Библиотеки	103
Изготовление книг в ремесленных мастерских	104
Университетское книгопроизводство	105
Мастерские монастырские и «братьев общей жизни»	106
Терминология книжного письма в XIII—XV вв.	107
Классификация книжного письма XIII—XV вв.	109
Развитие книжного готического письма XIII—XV вв.	111
Книжное готическое письмо XIII в.—1320-х гг.	113
Книжное готическое письмо в XIV в.	116
Национальные особенности готического письма XIII—XIV вв.	117
Книжное готическое письмо в 1380—1470-х гг.	118
Итоги развития книжного готического письма в XIII—XV вв.	120
§ 3. Канцелярское письмо и курсивы XII—XIII вв.	121
Терминология	121
Акты XII—XIII вв. и их оформление	122
Канцелярское письмо XII—XIII вв.	123
Канцелярский курсив XIII в.	126
Происхождение канцелярского курсива из обычного письма	127
Причины графических изменений	129
§ 4. Курсивное письмо XIV—XV вв.	131
Терминология	131
Национальные канцелярские курсивы XIV—XV вв.	132
Обычное письмо и индивидуальные почерки	135

Глава 8

Гуманистическое письмо (XV в.)

Терминология	137
Основные черты гуманистического книжного письма	138
Раннегуманистическое письмо	139
Развитое гуманистическое письмо	141
Гуманистический курсив	142
Гуманистическое обычное письмо	143
Распространение гуманистического письма в XV в.	144

Глава 9

Письмо XVI—XVIII вв.

§ 1. Итальянское письмо XVI в.—начала XVII в.	148
Гуманистический курсив первой половины XVI в.	148
Торговое письмо	150
Гуманистический курсив второй половины XVI в.—начала XVII в.	150
§ 2. Французское письмо XVI—XVIII вв.	151

	Готический курсив в XVI в.	152
	Итальянский гуманистический курсив во Франции . .	154
	Французский курсив в XVII в.	155
	Французское письмо в XVIII в.	157
§	3. Английское письмо в XVI—XVIII вв.	159
§	4. Немецкое письмо в XVI—XVIII вв.	162
§	5. Современное письмо с латинским алфавитом . . .	165
	Литература	167
	Приложение	176
	Вкладка (фотокопии таблиц)	1—40

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Перья с «готическим» срезом.

Рисунки из Encyclopédie ou dictionnaire des sciences... Recueil de planches sur les sciences... t. III, livr. 2, 1 partie, «Ecriture» planche IV. Paris, 1763.

Образцы перьев с «готическим», т. е. косым срезом в том виде, как они употреблялись во Франции в XVIII в. Срез везде правый; угол, обращенный при письме к большому пальцу, — острый и выдается вперед.

Фиг. 1 — перо для рондо; ярко выраженный косой срез, профиль ребер вогнутый, что лучше удерживает чернила. Фиг. 2 — перо для бастарды; наклон среза меньше, профиль ребра ближе к прямому. Фиг. 3 и 4 — перо для кулэ с более длинным расщепом, отчего чернила текут свободнее.

Таблица 2. Способы держания пера в руке.

Рисунки в книге немецкого каллиграфа Вольфганга Фуггера, вышедшей в 1553 г. Воспроизв. в книге: Wolfgang Fuggers Schreibbüchlein, mit einer Einleitung von F. Funke. Leipzig, 1958, Taf. 15, 17.

Наверху: неправильный способ, замедляющий процесс письма; из-за неправильного положения 4-го и 5-го пальцев вся рука лежит на столе. Внизу: правильный способ, при котором упором служат 4-й и 5-й пальцы; рука опирается на стол лишь частично.

Таблица 3. Капитальное квадратное письмо. IV в.

Вергилий — «Энеида». Так назыв. «Сангалленский Вергилий». Библиотека Санкт-Галленского монастыря, рук. 1394 г. Воспроизв. Steffens — Lateinische Paläographie, Freiburg, B. I, T. 10.

1. [Cura] plenum struere et flammis adole[re] 2. [Centu]m aliae totidemq(ue) pares aetate; 3. [Qui] dap]ibus mensas inerant et pocula.

Письмо. Начало текста в первых строках повреждено; восстанавливаемые буквы заключены в прямые скобки. Буквы F L слегка поднимаются над строкой, U употребляются для U и V (см. VULTUS 7-я строка посередине). Письмо без разделения слов.

Сокращения. Q. = que.

Таблица 4. Капитальное рустичное письмо. V—VI вв.

Вергилий — «Эклоги». Так назыв. «Римский Вергилий». Рим, Ватиканская библиотека, Vat. lat. 3867. Воспроизв. Steffens — Lateinische Paläographie, Freiburg, 1903, B. I, T. 16.

1. montibus et silvis studio iactabat...; 2. cor(ydon) o crudelis alexi nihil mea carmi...; 3. nil nostri miserere mori me d...

Письмо. Буквы B F L слегка поднимаются над строкой. Слова разделены точками. В начале 3-й строки было написано nihil, затем переправлено на nil.

Таблица 5. Унциал. Италия (Виварий Кассиодора?) VI в.

Ориген — «О песне песней». Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Лат. Q. v. 1, 8.

1. uerim et tunc uidebis talem te esse quae; 2. turbari non debeas cum tuam speciem; 3. recognoeris.

Письмо. Нижние выносные (**f g p q**) выражены гораздо резче, чем верхние (**d h I**); буквы **i n r** также опускаются немного под строку. Письмо без разделения слов, но для разделения текста применены отступы.

Сокращения. **d n s** = dominus (3 строка снизу).

Таблица 6. Новый римский курсив. Равенна, 572 г., папирус.

Акт купли-продажи. Лондон, Британский музей, add. ms. 5412. Воспроизв. Stefens — Lateinische Paläographie, Freiburg, 1903, B. I, T. 19.

1. soribus cogantur inferre sed et rei quoque me...; 2. tae aedificateque taxatione habit(a) simili mo...; 3. riae rei se q(ui) s(upra) venditor hh(ere) desque suos redd...; 4. quantum s(upra)s(cripto) emptori interfuerit huic uen...; 5. muncipationique rei s(upra)s(cript)tae dolum malum; 6. que esse ui metu et circumscriptione cess...;

Письмо. 1-я строка: лигатуры **ri, gan** (а открытое между **g** и **n**), **inferres, rei**. В слове **quoque** и открытое наверху. 2-я строка: лигатуры **tiae, aed, fi, ateq, tax, ation**.

В слове **habita** пропущена **a**. 3-я строка: лигатуры **ri, aerei, seq, for, esu**.

Сокращения. **ss**=suprascripto и др. (3-я, 4-я, 5-я строки); **hhdes**=heredes (3-я строка).

Таблица 7. Эволюция букв **B** и **P**.

Воспроизв. в книге J. Mallon, R. Marichal, Ch. Perrat. L'écriture latine de la capitale gomaine à la minuscule. Paris, 1939, pl. 61, 63.

Исходными формами в обоих случаях являются буквы «классического обычного письма» I в.: **B₁₋₄** и **P₁₋₄**.

Далее показана эволюция к старому римскому курсиву I—II вв.: **B₅₋₁₃** и **P₁₁₋₁₂** с одной стороны, и к «первоначальному минускулу» III в. с другой: **B₁₄₋₂₀** и **P₅₋₇**.

Наконец, эволюция от «первоначального минускула» к новому римскому курсиву V—VIII вв.: **B₂₁₋₂₄** и **P₈₋₁₀**.

Следует обратить внимание на изменение дукта при переходе к «первоначальному минускулу».

Таблица 8. Первоначальный минускул. Северная Африка (?), III в., папирус.

Извлечение из «Историй» Тита Ливия. Лондон. Британский музей, 1532. Воспроизв. Lowe. Codices latini antiquiores, t. II. Cambridge, 1935, No. 208.

1. I macedonia d mn un ri; 2. ioni multiademque d nd sua; 3. consulantibus respondit; 4. epi intelem ti audi a massilium; 5. (t)r(i)b(unum) pl(ebis) interpellantem profectionem; 6. tuae strigem redde ferbuit; 7. fabius maximus a uirathio deuctus de; 8. orinem cum hostibus pacem fecit que occius; 9. insidiis lusitanorum fortissim; 10. nae devota est aqua annio aqua; 11. olium contra sibyllae carmina.

Письмо. Верхние выносные у букв **b d h**, нижние — у **p q r** (особая форма **r**), верхние и нижние у **f I**; **s** поднимается над строкой, у капитального **N** первая вертикаль слегка спускается под строку. Слова не разделены. В тексте много ошибок, плохая орфография.

Сокращения. **trb. pl.**=tribunum plebis (начало 5-й строки).

Таблица 9. Ирландское письмо литургических книг. Северная Англия (Нортумбрия), конец VIII в.

Четвероевангелие. Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Лат. F. v. I, 8.

1. XV Mirantes doctrina(m) et	
2. uirtutes fabri filium	uel de ceteris exponente
3. dicunt audientes ab eo	quae possint hominem
4. non esse prophetam	inquinare

Письмо. Буква **a** из кольца и полукольца, **g** в виде **n** (разница в том, что **g** соединяется со следующей буквой, **n** не соединяется), встречается **N** унциальное, **e** имеет форму **o** с горизонталью внутри, **g** имеет особую «островную» форму, **ϕ=ae**. Многие слова разделены.

Сокращения. **q** = **que**, **e** в конце строки = **em**, **p** = **prae**, **dt** = **dicunt**.

Украшения. Круги и полукружия больших букв заполнены красной и желтой краской.

Таблица 10. Англосаксонское острое письмо. Англия, 746 г.

Беда Почтенный. «Церковная история английского народа». Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Лат. Q. v. I, 18.

Инициал и	1. Opima frugib(us) atq(ue) arboribus insula
первое слово	2. et alendis apta pecoribus ac iumentis
Brittania	3. uineas etiam quibusdam in locis ger-
1. Oceani insula cui quondam albion	4. minans, sed et auium ferax terra
2. nomen fuit inter septentrionem	5. mariq(ue) generis diversi fluuiis quoq(ue)
3. et occidentem locata est germaniae	

Письмо. Нижние выносные **f r g s** заострены и загнуты влево (иногда выносная у **g** очень мала и буква похожа на **g** в ирландском письме, см. табл. 9), верхние выносные **b d l h** утолщены и тоже загнуты влево, «островная» форма **g**, длинное **i** в начале слова, лигатуры с высоким **e**. Почти все слова разделены.

Сокращения. **b** = **bus**, **q** = **que**, **p** = **prae**, **n** = **non**, **st** = **sunt**, **id ÷** = **id est**.

Украшения. Инициал с плетенкой и красными точками. Буквы первого слова как бы заключены в перегородчатую цветную эмаль.

Таблица 11. Североитальянское письмо. Боббио, VIII в.

Трактат «О знаках, применяющихся в рукописях». Милан, Амброзианская библиотека L 99. Воспроизв. Steffens, Lateinische Paläographie. Freiburg, 1903, B. II, T. 37.

1. ad eos uersus q(u)or(um) ordo p(er)mutand(us) e(st). Sic et in antiq(u)is auctorib(us);
2. positu(m) inuenitur [знак] antisimma* cum pu(n)cto ponitur in his lo-;
3. cis ubi in eodem sensu duplices uersus s(unt) et dubitatur q(u)is puti-

Письмо. Образец обычного письма, непосредственно примыкающего к позднеримскому обычному письму в книгах. Курсивный характер письма, много лигатур. Слова не разделены.

Сокращения. Специальные знаки, назализация.

Таблица 12. Беневентанское письмо. Монтекассино, около 1075 г.

«Устав св. Бенедикта». Библиотека Монтекассинского монастыря Cod. 44. Воспроизв. Steffens. Lateinische Paläographie. Freiburg, 1903, B. II, T. 62.

1. meditationi interuiatur. A pascha au(tem) usq(ue);
2. ad supradictas nouembres sic temperetur;
3. horae uigiliarum agenda paruissimo inter

* Вместо антисигма, т. е. сигма, написанная наоборот.

Письмо. Квадратные пропорции букв, ярко выраженный двойной излом, одинаковая форма *a* и *t*, лигатуры *em*, *en*, *er*. Предлоги соединены со словами.
Сокращения. Специальные знаки.
Украшения. Цветной инициал.

Таблица 13. Испанское письмо. 911 г.

Трактат «О чудесах». Барселона, гос. архив 49 R. Воспроизв. Steffens. *Lateinische Paläographie*. Freiburg, 1903, В. 11, Т. 54.

1. *Pleriq(ue) electoru(m) qui miraculis coruscant*; 2. *si introrsus ad cor non redeant hec* (исправлено: *hac*); 3. *sese in amore conditoris desiderior(um)*.

Письмо. Квадратные пропорции, свободная постановка букв, открытая форма *a*, *t* из двух полуколец, одинаковые формы *g* и *s* (см. *desideriorum* в конце 3-й строки), характерная для испанского письма длинная форма *i* (*i-longa*), лигатура *ti* и другие лигатуры с *t*.

Сокращения. Специальные знаки, надписные буквы.

Таблица 14. Меровингское дипломатическое письмо. Северная Галлия, 691 г.

Диплом Хлодвига III от 1 ноября 691 г. Париж, Национальный архив К 3 N 6. Воспроизв. Lauer et Samaran. *Les diplômes originaux des Mérovingiens*. Paris, 1908, pl. 20.

1. *Хризмон. Chlo do ui us rex franco(rum) u(iris) inl(ustribus)*; 2. *Cum nus in d(e)i nom(ine)lusarca in palacio nostro una c(um) apostolicis uiris in xp(ist)o patrebus*; 3. *sygofrido, constantino, gribon(e) et ursiniano epis(copis) necnon et inlu(str)is uiris ragnoaldo, nordebertho*.

Письмо. Вытянутые изогнутые буквы, очень длинные выносные, множество лигатур. Удлиненная первая строка.

Сокращения. Суспенсии, контракции.

Таблица 15. Луксейское письмо. Северная Галлия (Луксей), начало VIII в.

Папа Григорий Великий. «Проповеди». Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Лат. Q. v. I, 14.

3. *quod agamus mala quae fecimus et deseramus et accusemus*; 4. *Scriptum est iustus in principio accusator est sui quilibet*; 5. *et enim peccator conuersus in flectibus iam iustus esse inchoat*.

Письмо. «Луксейское» *a* из двух угловатых скобок, очень длинные выносные *b d i*, буква *c* изогнута или в форме уголка, *y b* очень маленькое закругление, лигирующееся со следующей буквой, лигатуры *ti*, *tu*, *re*, *ri*, *fe*, *fi*, *em*, *es*, и т. п. Некоторые слова разделены.

Украшения. Рамка из плетенки.

Таблица 16. Унциал. Северная Галлия (Корби), около 700 г.

Геннадий. «О догматах». Иероним. «Послания». Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Лат. Q. v. I, 13.

1. *gulorum sed modestum et reliqua*; 2. *domum suam bene regentem, quam hor*; 3. *ribile erit si domui clerici detrahatur*

Письмо. Длинные выносные *u h l p*, *y f* нижняя выносная. Слова почти не разделены.

Сокращения. Назализация в конце (или почти в конце) строк. Лигатура в конце 9 строки снизу *gu=gum*, *xrianos=christianos* (2-я строка снизу). В заголовке *incpt=incipit*, *prbrm=presbiterum*

Украшения. Заголовок и инициал в корбийском стиле.

Таблица 17. Книжный курсив. Северная Галлия (Корби), начало VIII в.

Евангелие от Матфея. Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Лат. О, v. I, 3.

1. dixit amice no(n)	ascenderet ih(esu)s hie —
2. facio tibi iniuria(m)	rosolyma(m) adsu(m)p-
3. nonne ex denario	sit XII discipulos
4. convenisti mecu(m)	suos, et ait illis ac-

Письмо. Буква **a** из двух полуколец, выносные **b d h i** с петлями или утолщениями, **g** и **s** очень схожи, **f** с нижней выносной, унциальное **N**, лигатуры **es, em, eret**.
Сокращения. Назализация главным образом в конце строк. *Nomina sacra*.

Таблица 18. Корбийский курсив «епа-тип». Северная Галлия (Корби), начало VIII в.

Кассиан «Беседы отцов церкви» Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Лат. О. v. I, 4.

1. Post synax in uespertinam ad; 2. repromissam narrationem in-; 3. tenti* psiatiis pariter ex more con-; 4. sedimus. Cumque silentium aliquan-

Письмо. Характерные буквы: **a** (из двух полуколец), **e** (в лигатурах поднимается над строкой), большое и широкое унциальное **N**, **t** из двух почти замкнутых колец, как в испанском письме (см. табл. 13), широкая форма **g**. Верхние выносные утолщены. Лигатуры **es em ep eg**. Слова почти не разделены.

Сокращения. *Nomina sacra*, изредка назализация.

Украшения. Цветной инициал.

Таблица 19. Корбийское «письмо Леутхария». Северная Галлия (Корби), середина VIII в.

Амвросий, епископ Миланский. «Комментарий на евангелие от Луки». Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Лат. F. v. I, 6.

Вторая колонка 1. iam et in ueteri testamento; 2. potuimus aduertere quid eni(m) 3. aliud significant tres illi pu-

Письмо. Четкое письмо со многими буквами первоначального минускула (**eg n r t u**).

Утолщенные выносные, две формы **a**. Слова почти не разделены. Наверху и сбоку помета Мабильона: Liber s(ancti) Petri Corbeiensis continens expositione(m) S(ancti) Ambrosii episcopi in Luca(m). Scriptus est hic liber tempore Leutgarii seu Leodegarii abbatis Corbeiensis, qui Leutgarius floruit anno 726.

Сокращения. Очень редкие *nomina sacra* и назализация.

Украшения. Цветные заголовки и инициал в корбийском стиле.

Таблица 20. Корбийское «письмо Маурдрамна». Северная Галлия (Корби), 772—780 гг.

Иероним. «Книга слутника». Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Лат. Q, v. I, 16.

1. Adduces enim super eos latronem repente 2. quia foderunt foueam ut caperent me, et 3. laqueos absconderunt pedibus meis. Tu aut(em)

* В тексте пропуск, отмеченный знаком и на полях.

Письмо. Квадратные пропорции довольно крупных букв, почти всегда связанных между собой. Широкие формы *a s e g* и др. Не все слова разделены. Иерархия шрифтов в начале главы.

Сокращения. *Nomina sacra*, изредка специальные знаки и назализация.

Таблица 21. Каролингский минускул. Северная Галлия (Корби), 830-е гг.

Колумелла. «О сельском хозяйстве». Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Class. lat. F. v. I.

1. *L(ucii) iuni moderati columellę rei rusticę lib(er) prim(us) incip(it)*; 2. *Sape numero ciuitatis nostrę principes audio*; 3. *culpantis modo agrorum infecunditatem modo caeli per multa*; 4. *iam tempora noxiam frugibus intemperiem*; *Quosdam etiam praedictas quaeri*

Письмо. Мелкое четкое письмо, унциальные *d N* чередуются с минускульными. Лигатуры *ct, st*. Не все слова разделены. Иерархия шрифтов в первых трех строках. Наверху заглавие: 1) рукой XIII в. и 2) рукой Мабильона.

Сокращения. Изредка специальные знаки и назализация.

Украшения. Инициал с плетенкой.

Таблица 22. Корбийское письмо «*ab* — тип». Северная Галлия (Корби). Конец VIII — начало IX в.

Кассиодор. «Трехчастная история». Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Лат. F. v. I, 11.

1. *pos aute(m) eorum selectis ore*; 2. *ribus et unum quęque*; 3. *cauta mente tractantes*.

Письмо. Вычурное книжное письмо со многими курсивными формами (*a b e g o*) и лигатурами. Буква *ic=a* (см. 3-ю строку — слово *cauta* читается как *cicuta*).

Сокращения. Специальные знаки.

Украшения. Во второй колонке чередование цветных строк в капитальном письме. Инициал в корбийском стиле.

Таблица 23. Каролингский минускул. Северная Франция (Сен-Дени), 877—882 гг.

Сакраментарий. Париж. Библиотека св. Женеьевы, 111. Воспроизв. Samaran et Marichal. Catalogue des manuscrits en écriture latine. T. I. Paris, 1959, pl. III.

1. *adgregare luminis sui gratia infundente certi huius lau*; 2. *dem implere perficiat per d(omi)n(u)m n(ost)r(u)m*; 3. *d(omi)n(us) uobiscu(m). Sursum corda. R(espon-sio) habemus*

Письмо. Законченные формы каролингского минускула, выписанные довольно мягким пером (слова *consecrantur* и *аегурто* на 2—3 строках снизу получились тоньше из-за дефекта пергамента в этом месте).

Сокращения. *Nomina sacra* и специальные знаки.

Таблица 24. Каролингское дипломатическое письмо. Германия, 856 г.

Диплом Людовика Немецкого от 856 г. Санкт-Галлен. Архив Санкт-Галленского монастыря; FF. I N. 106. Воспроизв. Steffens. Lateinische Paläographie. Freiburg, 1903. B. II, T. 50.

1. *Хризмон. In nomine s(an)c(t)ae et indiuiduae trinitatis. Hludouicus diuina fauente gratia rex. Notum sit igitur cunctis fidel...; 2. n(ost)ram depraecatus est clementiam quatinus propter compendium et commoditatem suam quasdam res nobiscum*

Письмо. Регуляризированный курсив с очень длинными, изогнутыми выносными. Открытая форма а. Удлиненная первая строка.
Сокращения. Изредка специальные знаки и контракции.

Таблица 25. Канцелярское письмо частных актов. Германия (Санкт-Галлен), 828 г.

Дарственная грамота. Санкт-Галлен. Архив Санкт-Галленского монастыря, П 94. Воспроизв. Steffens. Lateinische Paläographie. Freiburg, 1903, В. II, Т. 40.

1. Хризмон. In d(e)i nomine. Cozb(er)tus abba monasterii s(an)c(t)i galli. Conuenit nos; 2. nostrorum ut illas res quas nobis adalhartus et altaratus filius eius; 8. sub comite kerolto. Scripsi et subscripsi (нотариальный знак) felicit(er).

Письмо. Каролингский минускул в грамоте. Выносные несколько удлинены. Последнее слово felicit(er) выписано крупно, как в книгах. Имена свидетелей разделены точками. Слова почти все разделены.

Сокращения. Nomina sacra, специальные знаки, назализация, суспенсия mo-monachus.

Таблица 26. Готическое письмо литургических книг. Северная Франция (Сен-Дени), 1234—1247 гг.

Литургическая книга («церемониал»). Париж. Библиотека Мазарини, 526. Воспроизв. Samaran et Marichal. Catalogue des manuscrits en écriture latine. Т. I, Paris, 1959, pl. XIII.

1. R(esponsio) S(an)c(t)issime confessor. Ad l(audes)a(ntoniphona) Justum deduxit etc. fidelis...; 2. R(esponsio) Amavit eum etc. Serue bone. Cap(itulum) r(esponsio) v(obiscum) u(ersiculus) et or(atio) ut; 3. hy(mnus). Huius o xp(ist)e. Ad b(e)n(edictio) etc. Similabo eum. Ad horas...

Письмо. Законченные формы каллиграфического готического письма.

Сокращения. Nomina sacra и многочисленные суспенсии (текст представляет собой порядок служб и содержит лишь первые слова молитв и песнопений).

Украшения. Красно-синие инициалы, рубрики (на фото они бледнее черного текста), красные прочерчивания букв и строк.

Таблица 27. Раннеготическое письмо. Центральная Франция (Лимож), конец XI в.

Адемар Шабанский. «Хроника». Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Шчедрин, Лат. Ф. в. IV, 3.

1. Principium regn(i); 2. francorum eorumq(ue); 3. originem uel gentiu(m) illa-; 4. gum ac gesta proferamus.

Письмо. Удлиненные пропорции букв, небольшой излом, иногда слияния букв и соединительные штрихи. Небольшие расстояния между строками.

Сокращения. Изредка специальные знаки и назализация.

Украшения. Цветные начальные строки и большой инициал в романском стиле.

Таблица 28. Раннеготическое письмо. Северная Франция, конец XII в.

Папа Григорий Великий. «Комментарий на книгу Иова». Париж. Библиотека св. Женевиэвы, 49—53. Воспроизв. Samaran et Marichal. Catalogue des manuscrits en écriture latine. Т. I, Paris, 1959, p. LXXIII.

1. sempit(er)ni supplicia horroris euada-; 2. mus. Explicit liber nonus; 3. Incipit de-cimus; 4. Quotiens.

Письмо. Свободная постановка вытянутых букв, небольшой излом, невысокие выносные.

Сокращения. Специальные знаки и надписные буквы.

Украшения. Инициал в романском стиле.

Таблица 29. Готическое письмо литургических книг. Франция, 1230-е г.

Псалтырь с календарем. Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Лат. Q. v. I, 67.

1. In petra exaltauit me, et nunc exaltauit ca-; 2. put meum super inimicos meos; 3. Circuivi et immolauit in tabernaculo eius.

Письмо. По сравнению с письмом конца XII в. (см. табл. 28) имеются отличия: преобладает унциальная форма *d*, чаще встречаются слияния букв, особенно в сочетании с *d* и *o*.

Сокращения. Главным образом в конце строк (см. 4 и 14 стр.), см. также *pp-propter* (3 стр. снизу).

Украшения. Красно-синие инициалы и орнаменты в конце неполных строк.

Таблица 30. Готическое письмо литургических книг. Франция (Реймс) конец XIII — начало XIV вв.

Миссал. Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Лат. Q. v. I, 78.

1. ...mus sine fine dicentes s(an)s(tu)c, s(an)c(tu)s; 2. Te igitur clementis; 3. sime pater per ih(esu)m.

Письмо. Прямоугольное построение букв, обилие соединительных штрихов, особенно у оснований букв. В отдельных случаях штрихи лишь подчеркивают резкий контраст между жирными и волосными (напр. у *g*).

Сокращения. *Notina sacra*.

Украшения. Красно-синие инициалы. В большом инициале *t* миниатюра готического стиля: Моисей со скрижалями законов и евреи, поклоняющиеся медному змию.

Таблица 31. Готическое письмо библий. Франция, XIII в.

Библия. Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Лат. O. v. I, 38.

1. Beatus uir qui non abiit in (con)si [lio]; 2. quare fremuerunt g(ente)s et p(o)p(u)li; 3. Domine q(u)i multiplicati sunt q(u)i.

Письмо. Мелкие квадратные буквы, унциальное *d*, штрихи над *i*, слияния очень редки.

Сокращения. Много специальных знаков и контракций.

Украшения. Красно-синие инициалы и орнаменты вдоль колонок.

Таблица 32. Готический минускул. Франция, 1237 г.

Бенуа де Сен-Мор. «Роман о троянской войне». Париж. Библиотека Арсенала, 3340. Воспроизв. Samaran et Marichal. Catalogue des manuscrits en écriture latine. T. I, Paris, 1959, pl. XII.

1. Ar(re)s porroit oir retraire; 2. Du(n) oraige m(ou)lt g(r)ant et fier; 3. Q(u)i les tantes fist depecier.

Письмо. Квадратные пропорции букв, ромбические формы с *d e o* и *t* д., слияния букв (например, в слове *getraige* на 1-й стр.).

Сокращения. Много специальных знаков, надписных букв и назализаций.

Украшения. Красно-синие инициалы.

Таблица 33. Готический каллиграфический минускул. Франция, нач. XIV в.

Брунетто Латини. «Книга сокровищ». Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Франц. F. v. III, 4.

1. *fil ne fille que elle auoit l fil et si ot; 2. elle jehan baptiste de qui li contes di; 3. ga cha auant. Maint houme dient.*

Письмо. Появление в книжном письме курсивных элементов: *d* с петлей, *s* и *f* спускаются ниже строки (2-й столбец, внизу).

Сокращения. Изредка специальные знаки.

Украшения. Рамки с гротеском, миниатюра (уже не в инициале) готического стиля изображает апостола Иакова.

Таблица 34. Готическое письмо литургических книг. Франция (Париж), XV в.

Лекционарий. Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Лат. F. v. I, 103.

1. *exquirite. Nec tame(n) sibi a-; 2. liq(u)is credat, q(u)idq(u)id sibi anim(us); 3. sine op(er)is attestatio(n)e respo(n)-*

Письмо. Обилие тонких штрихов; внизу в месте излома буквы, они еще резче подчеркивают контраст между жирными и волосными.

Сокращения. Специальные знаки, надписные буквы, назализация, *Nomina sacra*, изредка контракции, напр. *tre-temprore* (10 стр.).

Украшения. Красно-синий инициал.

Таблица 35. Готический каллиграфический минускул. Франция (Париж), 1368 г.

Папа Григорий Великий. «Поучения». Перевод Пьера де Анже. Париж. Библиотека Арсенала, 2247. Воспроиз. Samaran et Marichal. Catalogue des manuscrits en écriture latine. T. I, Paris, 1959, p. LII.

1. *il mouira le ciel. Ces tempestes qui sont auenues so(n)t aus-, 2. si (com)me message et denonceur de la g(ra)nt ire qui est a aue-; 3. nir au iour du iugement. Car aussi grant difference*

Письмо. Свободная постановка букв, слияния только круглых букв. Буква *a* в единственной форме, очень распространенной в XIV в.

Сокращения. Изредка надписные буквы и специальные знаки.

Украшения. Цветные инициалы, прямая рамка слева.

Таблица 36. Готическое небрежное письмо. Бельгия, конец XIV в.

Августин. «О граде божьем». Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Лат. F. v. I, 57.

1. *in flu(u)is gurgite demone(m) inc(ur)rit. Ibi cu(m)iaceret; 2. u(e)l morti p(ro)ximus, u(e)l simillim(us) mortuo ad uesp(er); 3. tinos illuc ymnos et orationes cu(m) ancillis suis et*

Письмо. Небрежное письмо, буквы различного размера, некоторые с наклоном вправо. Несколько форм буквы *g*, в конце слов *s* в форме восьмерки, *t* легко спутать с *s*, штрихи над *i*.

Сокращения. Специальные знаки, назализация.

Украшения. Большие буквы прочеркнуты красным.

Таблица 37. Английский готический минускул. Англия, XIV в.

«Англо-нормандская хроника» (т. наз. Хроника Брута). Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Франц. Q. v. IV, 8.

1. (Рубрика). De la venue le roy de Irlande et passent et de la mort Aurilambros; 2. Avint issi donc que le roy; 3. Aurilambros geust malade a Wyncestre et ne se poit

Письмо. Заостренные верхушки букв у а q; а возвышается над строкой; длинные петляющиеся выносные у b d l; s и f спускаются под строку; своеобразное г, заимствованное из англо-саксонского письма.

Сокращения. Суспенсии и контракции в небольшом количестве.

Украшения. Красные рубрики и инициал с зеленым петлистым орнаментом.

Таблица 38. Немецкое готическое письмо. Германия (Кёльнская область). Серед. XIV в.

«Душевное утешение» (фрагмент). Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Нем. F. v. 1, 3.

1. Oder iuncvrouwen wer iunc oder alt w(er); 2. mach oder vdomede wer vader od(er) mod(er); 3. un(d) salt nomen binamen alht dat du

Письмо. Прямоугольные формы букв. Двойной излом вертикалей, который еще больше подчеркивается многочисленными мелкими штришками. Контраст жирных и волосных линий.

Сокращения. Суспенсии и назализация.

Украшения. Оставлены места для инициалов, один из которых (D) слегка намечен, другой не был выполнен совсем.

Таблица 39. Итальянская ротунда. Италия, 1327 г.

Миссал. Париж. Библиотека Школы изящных искусств, собр. Массона I. Воспроизв. Samaran et Marichal. Catalogue des manuscrits en écriture latine. T. 1, Paris, 1959, pl. XXXVII.

1. ad illudendu(m) et flagellandu(m); 2. et crucifige(n)du(m). Et t(er)tia die re-; 3. surget. Off(ertorium). Protege d(omine) plebem;

Письмо. Свободная постановка букв с большими промежутками между словами, ровные вертикали, редкие слияния, отсутствие штрихов. Характерное для литургических книг XIV—XV вв. сочетание крупного и более мелкого письма для четкого выделения отдельных частей церковной службы.

Сокращения. Nomina sacra, назализация, особые знаки для d-domine и для m в конце слов.

Таблица 40. Готическая бастарда. Франция, около 1454 г.

«Зерцало дам». Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Франц. Q. v. III, 1.

1. roles que tu disoies que tu fero-; 2. yes grans choses et que tu prom-; 3. ettoyes que l'ame de cor tu sauee-

Письмо. Курсивные формы а d f g h s; клинообразные вертикали f q s, контраст между жирными и волосными, легкий наклон вправо. Несколько форм буквы г в зависимости от соседних букв и в конце слов. Две формы s в конце слов. Особая форма буквы g («с рожками»).

Сокращения. Изредка специальные знаки в конце строк (7 строка снизу).

Украшения. Цветной инициал.

Таблица 41. Канцелярское письмо XII в. Франция (Шампань), 1187 г.

Дарственная грамота. Ленинград. Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР, зап. евр. секция 7/326.

1. ...baldi de foro iersus eccl(es)iam s(an)c(t)i ioh(ann)is, ita etiam quod si contigerit eandem mensam...; 2. q(uo)d ex inde X jam dicte libre non possuit haberi. In aliis mensis cambitoriiis eas...

Письмо. Свободная постановка букв, их пропорции близки к каролингскому минускулу, незначительный излом. Очень высокие верхние выносные заканчиваются петлей или волнисто спускаются. Выносная **d** загнута влево, вертикали **f g h i m p r s** загибаются внизу влево. Лигатуры **st**. Иногда штрихи над **i**.

Сокращения. Специальные знаки, контракции, суспенсии (**sol.**=solidogum на 3-й строке). Знак сокращения иногда в форме петли.

Таблица 42. Канцелярское письмо XIII в.

а)

Диплом Рудольфа Габсбургского от 23 июня 1275 г. Фрейбург. Городской архив. diplom. 41. Воспроизв. Steffens. Lateinische Paläographie, Freiburg, 1903. В. III, Т. 77.

1. Rudolfus dei gr(ati)a Remanorum...

2. et uniuersis ciuibus de Friburgo in...

б)

Грамота Парижского аббатства Сент-Антуан от 1296 г. Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Авт. 325А № 34.

1. Uniu(er)sis p(re)sentes l(itte)ras inopectur(is). Offic(ialis) cur(iae)...

2. d(i)c(t)us burgondus m(er)cerius civis par(isiensis) ass(er)uit q(uo)d.

Письмо. В обеих грамотах письмо схожее. Верхние и нижние выносные имеют закрытые или полузакрытые петли. Пропорции букв квадратные, острозаточенное перо не допускает излома. Штрихи над **i**. Много больших букв, в дипломе большой инициал.

Сокращения. В дипломе несколько контракций (**gra-gratia**, **pros-postros** и т. д.); в парижской грамоте много различных сокращений.

Таблица 43. Новый папский курнал. Италия, Рим, 1234.

Привилегия, выданная папой Григорием IX Санкт-Галленскому монастырю. Санкт-Галлен, Монастырский архив А. 4. В. 3. Воспроизв. Steffens. Lateinische Paläographie, Freiburg, 1903, В. III, Т. 73.

1. Gregorius ep(iscopus), seruus seruorum dei dilecto filio Conrado abb(at)i monasterii s(an)c(t)i Ga[lli]...; 2. Licet om(n)ibus fidelibus debitores ex iniuncto nobis a deo ap(osto)latus officio existamus...

Письмо. Пропорции и формы букв каролингского минускула. Очень большие расстояния между строками. «Дипломатическое» убранство в форме закругленных выносных — верхних направо, нижних налево. Петли у **f s**, лигатуры **ct st** с длинной соединительной линией.

Сокращения. Изредка контракции.

Украшения. Большой инициал и большие буквы в тексте. Первая строка удлинена.

Таблица 44. Готический курсив XIII—XIV вв.

а)

Бредвардин. «Арифметика», 1411 г. Берн. Городская библиотека, Ms. A50. Воспроизв. Steffens, Lateinische Paläographie, Freiburg, 1903. В. III, Т. 87.

1. int(er) maxi(mu)m et mi(nimu)m ad d(iffe)r(enci)am int(er) maxi(mu)m et med(iu)m ut in 3. 5. 8.

2. exemplu(m) o(mn)i(u)m ista(rum) proportio(nu)m p(atet) in hac fig(ur)aa. Consi(mi)l(ite)r p(oss)u(n)t.

б)

Неизвестный автор. «Трактат об астролобии», XIII в. Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Лат. О. v. IX, 2.

1. rub(r)icas. (Item) S(e)c(un)da(m) d(oct)r(in)a(m) de declinat(i)one solis et sinu et arcu et altit...

2. et in ora et gradu solis et gradu ascendentis et hora ta(men) eq(u)ali...

Письмо. Мелкое небрежное письмо научных трактатов, списанных учеными для собственного пользования. Курсивное начертание **b d h l m n r s**.

Сокращения. Многочисленные сокращения, в двух образцах различные.

Таблица 45. Курсивное письмо XIII в.

Фома Аквинский. «Сумма против язычников». Черновой автограф. 1261—1264 гг. Милан. Амброзианская библиотека. Воспроизв. Steffens. Lateinische Paläographie. Freiburg, 1903. В. III, Т. 76.

1. tan(tum) for(me) n(ec) tan(tum) m(ateri)e s(ed) (com)positi, ei(us) e(nim); 2. e(st) agere cui(us) e(st) e(ss)e; e(ss)e au(tem)e(st) (com)positi p(er) for(mam);

Письмо. Ярко выраженный индивидуальный почерк, буквы начертаны отдельными движениями пера, как будто стилем по воску. Наклон влево.

Сокращения. Почти все слова сокращены, главным образом суспенсированы.

Таблица 46. Английское канцелярское письмо XIV в.

Протоколы суда «Королевской скамьи». 1383 г. Лондон. Public Record office. Q. B. 27/490, Rex 3. Воспроизв. Hektor. The handwriting of english documents. London, 1958, pl. X b.

1. [Cant.] Iur(a) div(er)so(rum) hundr(edorum) com(itatus) p(re)d(i)c(t)i alias scil(ice)t t(er)m i(n)o s(an)c(te) t(ri)nitatis anno r(egni) r(egis) nunc sexto...; 2. apud Cantabr (igiam) p(re)sent(avit) q(uo)d Will(el)m(u)s Gore p(ro)rbator captus et in gaola d(omi)ni reg(is) castr(i) Cantabr...

Письмо. Заостренные вертикали, угловатые петли и формы некоторых букв (**a l g i m n o p**), **r** спускается вниз под строку.

Сокращения. Множество сокращений, главным образом специальных знаков и суспенсий.

Таблица 47. Французское канцелярское письмо XV в.

а)

Письмо Карла VIII от 15 мая 1488 г. Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Собр. Сухтелена, Франция. Госуд. деятели.

б)

Завещание Коветты Барбье, 1481 г. Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Авт. 325F № 38—40.

1. Charles par la grace de dieu...

2. feurier mil CCCC IIII** et
qua[tre]

3. la reunion de n(ost)re dom(m)-
aine.

1. ...ayze archip(resbite)r et curatus
ecclesie parroch...

2. mensis maii in nostri p(rese)ntia
p(rese)ns et

3. que iuuenib(us) insidiat(ur) et se-
nibus sta...

Письмо. В письме королевской канцелярии утолщенные вертикали и загибающиеся налево выносные d, v. В нотариальном письме обилие петель. В обоих случаях «готическое» перо.

Сокращения. Многочисленные в нотариальном письме.

Таблица 48. Немецкое канцелярское письмо XV в.

Копия документа 1465 г. в регистрах архиепископской канцелярии г. Майнца. Вюрцбург. Государственный архив, № 30. Воспроизв. Steffens. Lateinische Paläographie. Freiburg, 1903 B. III, T. 92 b)

1. Als myn gnediger herre von Menntz Iohann Gudenberg; 2. zu siner gnaden die-
ner und hoffgesinde empfangen hat; 3. Wir adolff etc. Bekennen und thun kunt uffint-
liche mit diesem brieff, das

Письмо. Слитное начертание групп букв и целых слов (напр. 6-го и 7-го слова в 3-й строке и т. д.). Вертикали имеют излом. Множество петель и закруглений. Некоторые буквы наклонены вправо, другие влево.

Таблица 49. Нотариальный курсив. Южная Франция (Юзес), 1429 г.

Черновая запись (минута) в нотариальной книге. Париж, Национальная библиотека, ms. lat. nouv. acq. 1847. Воспроизв. Prou. Manuel de paléographie. Paris, 1924. pl. XVIII.

1. Alibi e(st) libro V. Eiusd(em) recog(nitio). LXXVIII; 2. Etc. in(con)ti(nen)ti. Nou(er)in)t etc. q(uod) ioh(anne)s bo(n)idura(n)ti ma(n)si de; 3. malehariis p(ar)ro-
(chie)p(re)d(i)c(t)e de genol(haco) et cu(m) ei(us) licen(tia) ioh(anne)s.

Письмо. Очень небрежный курсив. От формул документов написаны лишь первые сло-
ва, затем следует etc. (и так далее). Множество петель, позволяющих связы-
вать группы букв. Знак сокращения загибается влево, образуя петлю. Пропуск
отмечен особым знаком и написан на полях.

Сокращения. Множество различных сокращений.

Таблица 50. Индивидуальные почерки XIV—XV вв.

Обитуарий аббатства Этиваль (Лотарингия). Париж. Национальная библиотека, lat. nouv. acq. 298. Воспроизв. Prou. Recueil de facsimilés d'écritures du XIIe au XVIIe siècle. Paris, 1892, pl. V.

1. VI D XIII VI [Kal.] Co(mmemoratio) ioh(ann)is et Wolfadi f(ratrum) n(ostro-
rum) et fr(atr)is; 2. Karoli can(onici) et sac(erdotis) hui(us) loci; 3. Com(m)emo(rat)ti(o)
Sstefani fr(atr)i n(ost)ri et curati de Do(n)sieris et; 4. Xeflevillary, qui obiit anno d(omi)-
ni mille(s)imo CCCC^o XL° sexto et; 5. die XXV^a me(n)sis ap(ri)lis; 6. E XII V [Kal.]
Co(mmemoratio) Gerardii, Formerii, cononis, hessonis f(ratrum) n(ostro)rum; 7. Co(mme-
moratio) Gerardini Haxoui de Dayfosse qui dedit; 8. p(ro) pitancia pratri(m) co(n)ti-
ne(n)s dimidia(m) charea(m) feni; 9. suob taruboy; 10. Co(mmemoratio) Ioh(annis) Hawy-
di fr(atr)is n(ost)ris.

Письмо. Строки 1 и 6 написаны уверенной рукой писца книг. Строки 2, 4, 5, 7—10—
четырьмя писцами документов, 3-я строка — неуверенной рукой. Во всех пяти
случаях почерки имеют индивидуальные отличия.

Таблица 51. Нотариальный курсив. Германия. XIV в.

Нотариальная копия грамоты Конрада IV от 1364 г. Трир. Городская библиотека, Архив E, 22. Воспроизв. Steffens. Lateinische Paläographie, Freiburg, 1903. В. III, Т. 85.

5. Et ego gerardus lubberti de harderwiich cl(er)icus traiect...; 6. no(ta)r(i)us q(ua) cu(m) wilhelmo de bon(n)a cl(er)ico meo cono(ta)rio p(re)d(ic)to, fa...

[Нотариальный знак] 10. Et ego wilhelm(us) q(u)ondam Michael(is) de bu...

11. periali auc(torita)te notarius q(ua) una cu(m) Ger...

Письмо. У обоих нотариев (connotarii) свободная постановка широких букв (см. широкие формы а е г и т. д.); вместе с тем, заметны индивидуальные отличия.

Второй нотариус пишет более бегло и более мягким «готическим» пером.

Сокращения. У двух нотариусов разные сокращения.

Таблица 52. Гуманистическое книжное письмо начала XV в., Италия.

Тит Ливий. «Истории». Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Class. lat. F. v. 2.

1. Pretium si a primordio urbis res p(o)p(ul)i; 2. R(omani) p(er)scripserim nec satis scio, nec si sciam; 3. dicere ausim, quippe q(ui) cum ueteres tum.

Письмо. Подражание каролингскому минускулу: квадратные пропорции мелких букв, высокие, утолщенные выносные, на s иногда слева точка. Нововведение: t поднимается над строкой, штрихи над i, несколько форм г, все слова разделены. В тексте много исправлений рукой корректора (строки 3, 4, 6, 12, 13). Заглавие в капитальном письме.

Сокращения. Немногочисленные сокращения всех видов.

Украшения. Рамки в готическом стиле, но инициал уже в стиле Ренессанса.

Таблица 53. Гуманистическое книжное письмо середины XV в., Италия.

Леонардо Бруни Аретино. Перевод на латинский язык «Жизнеописаний» Плутарха с предисловием Колюччо Салютати. Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Class. lat. F. v. 11.

1. superbe imperaret, trucidatus est una cum filio et coniuge; 2. Agrippina uero filium habens ex domitio enobarbo, nup-; 3. sit claudio, et simul filium in adoptionem dedit. qui po-

Письмо. Благодаря безупречной ровности и четкости письмо кажется печатным шрифтом. Утолщения наверху выносных подражают письму IX в. Концовка в капитальном письме.

Сокращения. Изредка специальные знаки.

Украшения. Цветная рамка.

Таблица 54. Гуманистический курсив. Италия, 1498 г.

Письмо секретаря Бартоломео Халка к герцогу Миланскому, Милан, 16 июня 1498 г. Лондон. Британский музей, Egerton ms. 2016. Воспроизв. Fairbank and Wolpe. Renaissance handwriting, London, 1960, pl. 12.

1. Ill(ustrissi)mo et Ex(cellentissi)mo s(igno)re mio. El M(agnii)co Ambassatore Ferrarese mi ha dicto la ex(cellent)ia v(ost)ra essere restata; 2. contenta chel si faccia l(fette)re de gratia ad uno m(esser) Bartholomeo di vecheti genoese; 3. scolare quale foe de quelli tredici scolari quali foreno banditi et quali erano.

Письмо. Мелкое четкое письмо, без петьель, но со многими связками. Точки над i, t не поднимается над строкой. Лигатура st.

Сокращения. Изредка контракции, суспенсии в титулах и назализация.

Таблица 55. Итальянский гуманистический курсив середины XVI в. Северная Италия (Пьемонт).

Прошение президента Пьемонтского парламента Пурпура на имя Карла IX и Екатерины Медичи. (Без даты, 1560-е гг.). Ленинград, Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Авт. 98/1 № 57.

1. Au Roy et a la Roynе; 2. Supplie treshumblement le President de Purpurat, Que voz bons plaisirs soient d'entendre deux de ses; 3. plus grandes et importantes necessitez, qui sont telles qu'il ne les peut plus longuement soustenir ny celer.

Письмо. Угловатые буквы, выносные **b d** и т. п. в виде простых вертикалей, изредка чуть-чуть утолщены; у **p** и **q** короткие отсечки. Книжная форма **g**. Связки часто отсутствуют. Переход к современной форме **e** (в один прием).

Таблица 56. Итальянский гуманистический курсив. XVII в.

Письмо эрцгерцога Фердинанда Штирийского (будущего императора Фердинанда II) к французскому послу в Венеции Леону. 4 января 1616 г. Ленинград, Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Авт. 4 № 35.

1. Illustre sig(n)ore Facilmente credo che per fama publi-; 2. ca, e particolarmente per relatione del Capitan; 3. Nicolo Rossi Seg(reta)rio Cesareo residente costi, haura V(ostra) S(ignoria).

Письмо. Скругленные буквы, верхние выносные с головками (testeggiata) нижние — с росчерками. Много «новых» форм: разомкнутые **h o p**, скругленное **g**, двухчастное **e, s** только малое и т. д. Перо со скругленной равносторонней заточкой.

Сокращения. Контракции в титулах.

Таблица 57. Каллиграфический французский курсив. XVI в.

Письмо Екатерины Медичи к Антуану Бурбону. 17 мая 1562 г. Ленинград, Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Авт. 18 № 24.

1. Mon frere, J'ay receu les deux l(ett)res que m'avez escriptes du XVme de ce mois, Par la; 2. premiere desquelles j'ay entendu comme le s(ieu)r de Sidenay apres plus(ieu)rs honnestes remonstran(ces); 3. et excuses que vous luy auez faites s'est finalement acommode de n'aller point taire son

Письмо. Длинные «дубинки» **d v**, факелообразные формы **s** и **f** с тончайшими продлениями. В качестве «г начального» повсюду прописная форма (1 строка); «s конечное» — в двухчастной форме; часты **l** и **t** — с нижней горизонтальной чертой (9-я строка). Пунктуация: большая пауза — точка, малая — косой штрих.

Сокращения. Несколько контракций.

Таблица 58. Беглый французский курсив. XVI в.

Черновик письма Франциска II к де Бюри. 7 сентября 1559 г. Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Авт. 17 № 14.

1. Monsieur de Burye, Je ne vous puys dire l'ayse et le; 2. Contentement q(ue) j'ay receu d'auoir veu p(ar) les l(ett)res qu'avez escriptes a; 3. Mon cousin le Cardinal de lorraine le bon debuoir que vo(us) auez fait.

Письмо. Беглые формы **s f**; иногда — попытки воспроизвести их парадные формы (3-я строка). Беглые формы **g, p, d** почти всегда с петлей. Встречаются итальянские формы «**s** малого» и «**s** долгого».

Сокращения. Специальные знаки и несколько контракций.

Таблица 59. Обычное французское письмо. Середина XVII в.

Письмо членов финансовой палаты Прованса к канцлеру Сегье. 30 мая 1649 г. Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Авт. 108/2 № 32.

1. Nous avons veu par l'arrest du conseil, l'adiournement; 2. personnel qui a esté decerné contre les s(ieu)rs presidant; 3. de Reauuille, con(seill)er michaelis, et Thomassin advocat general.

Письмо. Прямое угловатое письмо, буквы вытянуты в ширину. Преобладают итальянские, но нередки и французские формы букв — **p g h**. Господствует двухчастное **e**; **s** только в современной форме. Часто итальянское **d**. Есть старые «**s** конечное», «**t** конечное».

Сокращения. Несколько контракций.

Таблица 60. Французское финансовое письмо XVII в.

Письмо Людовика XIV к канцлеру Сегье. 30 мая 1649 г. Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Авт. 33 № 58.

1. Mons(ieu)r le Chancelier, Ayant en particuliere consideration les services; 2. que le s(ieu)r des Hameaux nous a renduz en toutes les Chargès quj!; 3. a exercées comme dans tous les autres employs que nous luy.

Письмо. **f** и **s** (кроме конечного) только в итальянских формах. Выделяются полуовальные изгибы у **d g** и др.; **g** лишено верхней перекладины; **s** иногда еще в два приема, но верхний элемент не используется для связки. Начальные и конечные формы **m** и **p** отсутствуют. Инициал **M** итальянской формы.

Сокращения. Несколько контракций.

Таблица 61. Итальянская бастарда. Франция, XVII в.

Письмо государственного секретаря Летелье к французскому послу в Голландии Брассе. 11 ноября 1645 г. Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Авт. 112 № 5.

1. Monsieur, J'ay; 2. receu v(ost)re lettre du XXIIIe du mois passé, et fait; 3. entendre a la Roynе dans le conseil le contenu en jcelle...

Письмо. Квадратные формы букв, слабый наклон вправо. 2 формы **d** с прямыми или полуовальными выносными. Иногда двухчастное **e**. Выносные **l r** и **t. p.** в виде простых вертикалей. Для «**g** конечного» иногда используется французская круглая, реже прямая готическая форма.

Сокращения. Изредка контракции.

Таблица 62. Французское кулэ. XVIII в.

Письмо Людовика XV к епископу Киевскому Иосифу Андрею Залусскому. 26 сентября 1763 г. Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Авт. 33 № 66.

1. Mons(ieur) l'Evêque de Kionie (вместо: Kiovie), vous avez très bien; 2. jugé de l'Affliction que me cause la perte que j'ai; 3. faite du Roy Monsieur mon frere et beau pere ...

Письмо. **e** только в современной форме. Последовательное различие звуков **u** и **v**. Петлистые формы **b l**, сохранение углов **m** и **p**. **r** пишется в один прием. Прямые и круглые формы **g** только на конце слов. Готические формы конечных **s** и **t**. Встречается характерное для кулэ «**s** конечное» (4-я строка, последняя буква).

Таблица 63. Немецкое каллиграфическое письмо. XVI в. Фрактура (1—3 стр.) и беглое письмо (4—10 стр.).

Образец в трактате J. Neudörffer. Ein gute Ordnung. Nürnberg, 1538. Воспроизв. в книге: W. Doede «Bibliographie deutscher Schreibmeisterbücher...». Hamburg, 1958, Taf. 3.

1. Anweysung einer gemeinen hanndschrift, Durch; 4. Mein lieber Melchor Pfintzing: Auf das du Künfftiger zeit ein Erjnnernung habst, mit was weg und ord-; 5. nung ich dich zu einer zierlichen gemeinen hanndschrift geführt. Und vorhin dein liebe brüder. Mart...

Письмо. Беглое письмо с характерным наклоном букв влево; е имеет форму, тождественную с фрактурной; г преимущественно в прямой готической форме (после о — ломаная форма; 4-я строка); «s конечное» — в стилизованной петливой форме. В т и п следы двойного излома.

Таблица 64. Немецкий курсив. XVII в.

Письмо епископа Регенсбургского к графу Эннену, губернатору г. Гама. 14 января 1647 г. Ленинград. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Авт. 5 № 73.

1. Meinen fro gruss und alles guts Zuyorn, Hoch-; 2. wollgeborner besonders lieber herr Graff; 3. Ich habe auss desselben unterm II huius mit mehrern.

Письмо. Мелкие широко растянутые буквы; наклон влево утолщенных линий. Курсивное двухчастное е, прямое готическое г пишется в один прием и может быть принято за второй элемент w. Беглые формы f s (ср. табл. 58). Иностранные слова выписаны гуманистическим курсивом.

309074

ФОТОКОПИИ ТАБЛИЦ

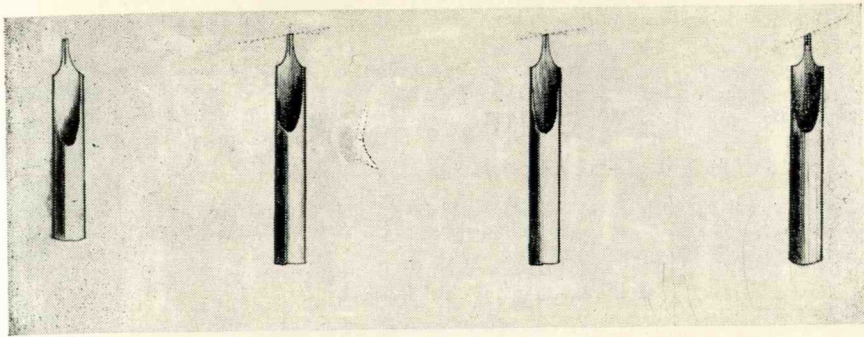

Таблица 1.

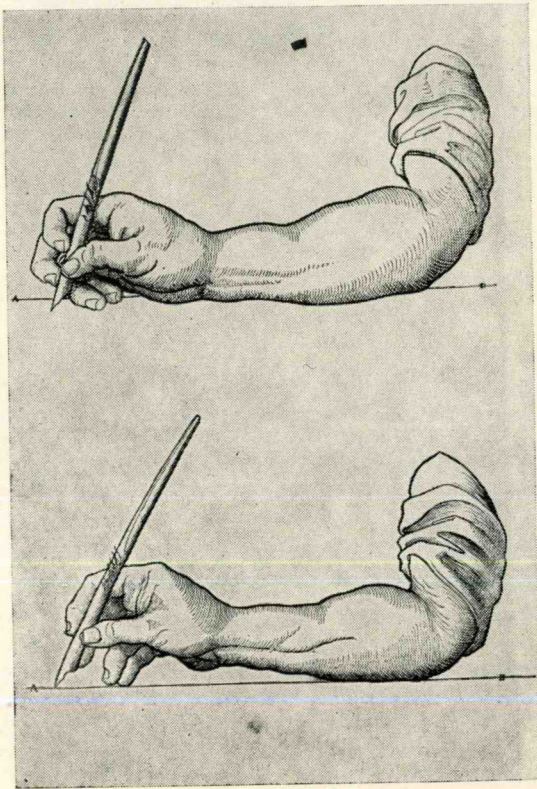

Таблица 2.

VENVMSTRV FREETFLAMMISADOLE
MALIAETOTIDEMQ PARES AETATE
IBVSMENSASONERANT ETPOCVL
ONETTYRIIPERLIMINALAETA FREC
ENERETORIS IVSSI DISCVMBERE P
ANTVR DONAAENEAEMIRANTVRI
FRANTISQ DEIVVLTVSSIMVLATAQVE
AETQ ETPICTVMCROCEONELAMEN
EQVVEINFELIXPESTIDEVOTA FVTV
LENTIMENTEMNEQVITARDESCITQV

Таблица 3.

MONTEBUSESLIVISSTVDIOACTIABATH
COROCRVDLISALEXINHIEMEACARMI
NIEENOSTRIMISERE REMORIMED
NUNCEI AMTECVDESUMBRASEIFRL
NUNCVIRI DESEI AM OCCULIANESI
THESTVSEI RADI DOFESS SMESSOR
ALIXSERVILLVMQVEHERBASCONI
AGAMICUMRAUCISTVADUMVESTIGI
SOLISUBARDENIERESONANTARBU
NONNEVLISATIIVSTRISTISAMARY

Таблица 4.

В. ШКОЛА

ueri met tunc uide bis talem esse quae
turbari non debet assumtuam speciem
reco gnoueris.

quid est tunc iure quatuor meo incur
ribus pharaonis similantur

Scio ego equitem sponsum propheta di
cente, et equitatio iussus,

assimilata esse equitatu meo
incurribus pharaon,

quod differt me usque in mundum et de mer
gum fluctus pharaone metristatas

Таблица 5.

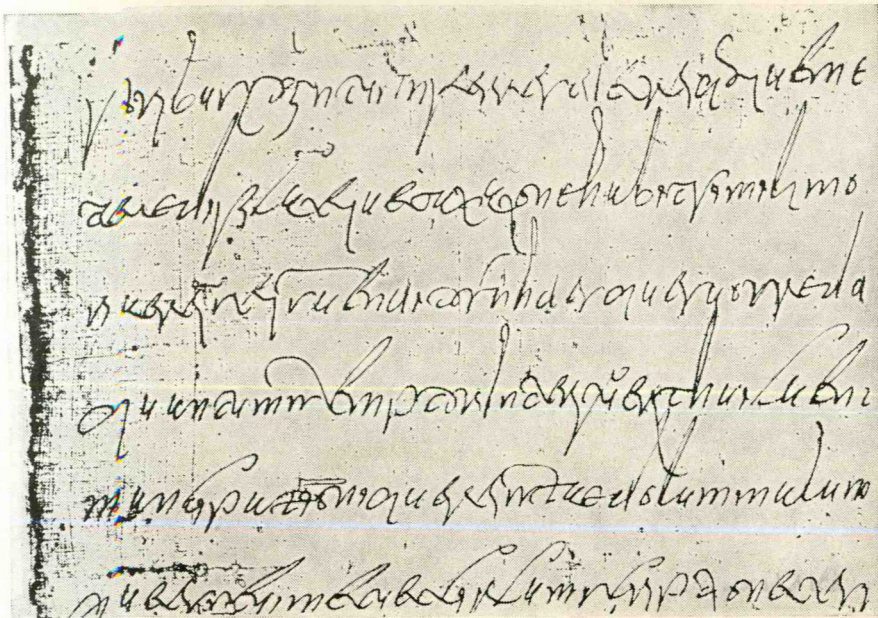

Таблица 6.

X de dicitur sicut ordo p m t a n d i : Dicitur in a l q r a u a o n b
 p o n e t u i n u h a u r) . a n a t i s i m m a C u m p u a o p o n a u r i n d i s t
 q u a b i n e o d e m p r i n d u p l i c a t u d i n e r i d u b i a a t q u o n
 u r e l y g n d u r r i e . Y d i p l e . h a n c q u i p a c u m p u n g u a p o n e
 i n l i b r i s e c l e s i a r a t o r e u i d e a d r e p a r a n d a t d e m o n
 a r u n d a d e x a t m o n a r a p a r i p a u r i t e) . d i p l e g r a t i o
 h a n c p r i m u r l e g o r a u r i r a c u r r a n u r p o s u l a o m n i a r u d
 r i b : a d r e h a r a a l o n o m o l y m p i d e c a e l o) . d i p l e p t
 r a n g u i n e t e l d e c i g h m p u n c a t i r . h a n c a n a q i i n h i r o p
 p o n e b a a q u o d o d i a u r q u o d h u r n p l e a a d i c e r u a
 u d e a r a x e a u . a u p m u a u d r a . i n h i r i n o r a n e
 u r i r) . d i p l e b o l y m e i n a p o n a u r a d r e p a r a d o r
 i n c o m e d i r t a r a c o d i r p r i o d u r) . a u t r a o b o l y m
 n e . q u a i n r a r o p e r a n t i a r o f u r i o p t a u r) . a u
 r a l u m o b o l o a d e a p o n a u r q i : a d a l q d e p r i g u n a
 u a n o s n e a b i s s i g i e r e s u b a e r e f u n d o C o n a m u r n
 a n m i r h o r . q u a r o a r a g u r o b l e a . Y d i p l e y u r
 n e o b o l a t a p o n a u r a d d i a t i o n e l o c o r e a d i m p a r
 Y r e c a u r a u t r a s u p n e s r o n a u r q i : m l a e r i
 b o l a a p o n a u r f i n a l o c o s u o m o n a d e s i g n i f i c a n t e
 * c h a o n u m p o n a u r q u o d h i r i n g l e m r e q u o d m q q : q u e
 m u l t i t u d i n e i n p l a n a u r n e e s i n g u l o r o b o l a a u r
 P c r i m o n h a e c l e t a o n u # p u l m e n d r .
 * r o l a g u o l o n a u a e u m u r c u l u r q u e a d a l i q u i d
 n o t a n d u p o n i t u r P p h i e t r o i d e r t r o n a r h e e
 a b i c a l i q u i d o b r e u n g e p t a d r e t o b s e l l i c i t u d i n a p a n i

Таблица 11.

medicam et soni in struicam. **A** postea et usque
 ad supradictas nouem btes. sic et impetatur
 hoste Angliatum cogitanda. per uisimo in acti
 uallo quo ffit ad necessitate nactate et tunc
 custodito. mox matuati qui incipit nec
 luce cogitandi sunt subsequantur. **VIII.**
Quia psalmi dicendi sunt nocentis hosti
 et in tempore supra scripto. In primis
 dicat uersus. **D**e in oculis meis
 incedit. **D**icit ad adluuandum me fessum

Таблица 12.

Prologus est in quo in uiculis coeunt
 filii et uis ad cor non redituna. hinc
 scit in morte conditoris dandis non
 amicus non ad iniqua et in un
 ab eo quod uerba ad officia et lingua
 ab eo quod uerba uerba et officia.
Ad cor dicit in uiculis in tempore cogitandi
 conditoris redituna. et hoc quod in
 publico operando uerba loquens
 fundat in se et in suo de fonte
 amoris in uiculis. **I**n mundo enim
 dicituna quod docendo pro fortuna.
 Quasi ad locum in quo est una
 flumina et uerba et uerba et uerba.
 quia ad uerba in uiculis in de in par
 uerba et uerba et uerba. **I**n quibus et uerba
 et uerba et uerba. **I**n quibus et uerba
Ex hoc uerba in uiculis et uerba
 non solum et uerba et uerba et
 et uerba et uerba et uerba. **U**nde
 quibus et uerba et uerba. **M**aladicta

Таблица 13.

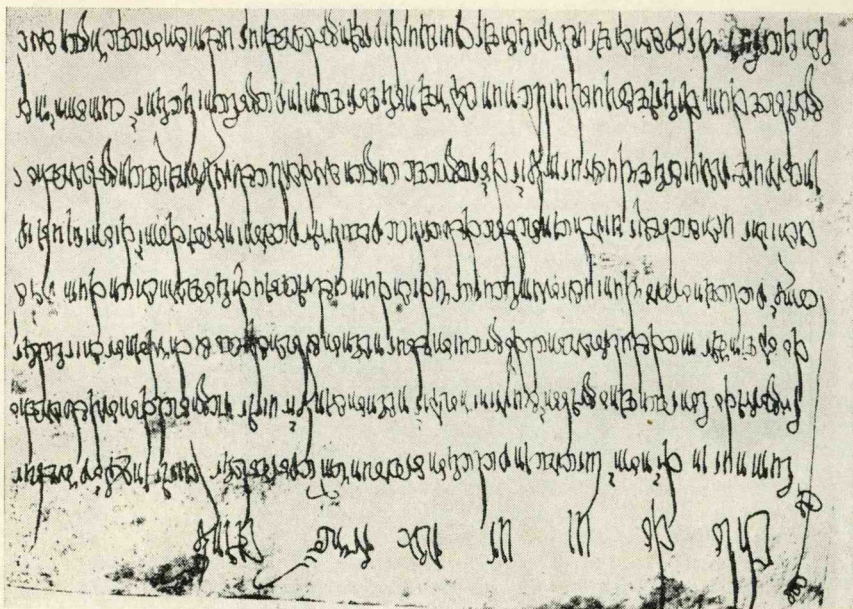

Таблица 14.

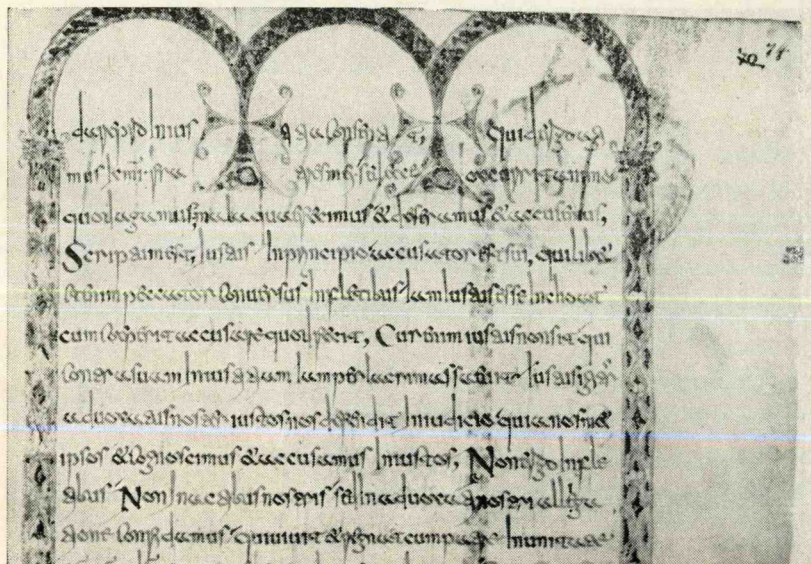

Таблица 15.

38

golorum sed modesti et reliqui
 somni sua bene recentibus. quam hor
 ribile erit si domi dericidit et ab hinc
 aedit opinione sacerdotis in plebe
 quando proximi sui sal. loquitur
 populus. Super omnia haec praecipit
 dericis bonites. tunc fundamenta
 componere. ut bonorum operum tes
 tificatio casto confirmetur affecto.

f. 77

DIGREGRAT QUID OMITENDI
 IN IPSALMISTAE DOCEDES
 CUM CONSISTERT ADVERSARI
 PECCATOR OB MITTE HUMIL
 TISSUM ET SI UAI BONIS. ET CER
 CO UERO TAM QUAM TURDUS NON AUDIEN
 ET SIC UT UTI NON PERIENS OSSUM
 FACTUSSUM UT HOMONON AUDIENS. SED QU
 NIAM CARITAS OMNIA SUPERAT ET PROPO
 TUM INCE TAFFECTUS. NON TA QUIN IURIA
 FACIENTIB. REDDITUM QUAM TIBI RESP
 OPOSTULANTI. ADUOXIAMOSE NI NON
 TURPATIB. UT ALI QUIDAM SED QUI PETIT

Фед.-институт ГПБ
 г. Ленинград 194 г.

Гос. Публ. Библиот.
 Лст. а. в. I. № 13

Таблица 16

dicetis amiceno	ascendat in hier
fascio ubi in iura	rosolytae castis
nomine sedenamo	fitur in discipulos
conuenit in mesu	suos & in illis ce
Tolle quod tuus es	ce ascendit in hier
uades uolo autem	rosolytae & filij
& hinc nouissimo te	hominis & iudicium
tum dare quantum	principibus & cer
& tibi & in nouis	dotum & scribis &
& tibi quod uolo	condemprabunt

Таблица 17.

lib. 8. Meth. Cor. Severus continens Expositione

**EXPOSITVM SE
AMBROSIJ IN LVA
EVANGELISTA** libri. 4.

TRIVRI

causae libri
quem lucet ter
plenore quod
admodum erum
dominacorum dir
enigmas dicit
fructus spiritum
fructus ex positione suorum

lam et naves et iter amem
potum aduertere. quidem
alud significat et er illi pu
ter. quorum tunc est infonit
alut habundantiae ter a
ut tur amem et iustitiam
itiam harum archi punit
am tunc et rationabilis punit
ut unioan eo quod natio in
meur acue et am pur
cet op amem punit
habundantiam eo quod ad ea
tibus allopatis quorum specie
in etia cor potat figuratur
unacitae liquor em meur
lucet; pur am em proflu

*S. Ambrosij
Episcopi
Scripserit
S. Hieronimus
liber
tempore
deutyan
S. Leo
Janis
S. Hieronimus
quidem
garrus
florus
annus
726*

Таблица 19.

Adduces enim super eos latronem repente
quia foderunt foueam ut caperent me: &
laqueos absconderunt pedibus meis; Tu aut
dne scis omne consilium eorum: aduer su
me in mortem; Ne propter iniquitatem
eorum: & peccatum eorum a facie tua non
deletur. Fiant corruentes in conspectu
tuo in tempore furoris tui. Dne dñs meus:
Domi dul. gentis ad lateranis

lx.

Inc ep vlx pñi apóst xophilippenses
rs: hoc sentite in vobis quod est in
xpõ ihu: Qui cum formatus esset: non rapinam
arbitratus est: esse se aequalem dõ:

Таблица 20.

adgregare. luminis sui gratia infundente ceteri huius lau-
dem implere perficiat per dnm nr̄m
ONSUBISCO Sursum corda. R habemus
 addnm C ratiā agamus dno dno nostro R Oignū & iustū ē.
Vere quia dignum & iustum est. ut inuisibilem dnm omnipoten-
 tem patrem. filiumq; unigenicum dnm nr̄m ihm̄ xpm̄
 scm̄ quoq; spm̄. co co cordis ac mentis affectu et uocis ministerio
 personare. Qui pro nobis aeterno patri adae debitum soluit.
 & ceteris piaculi cautionem pro cruore detorsit. haec sunt
 enim festa paschalia. in quibus uetus ille agnus occiditur. eiusq;
 sanguis postea consecratur. In quo primum patres noster filios
 israhel eductos de aegypto. rubrum mare sicco uel zigio transire
 fecisti. haec igitur nox est. qua peccatorum tenebras colūnae

Таблица 23.

The image shows a page of handwritten musical notation. The notation consists of square neumes on a four-line red staff. The text is written in a Gothic script below the notes. On the left margin, there is a vertical column of decorative initials or symbols. The page shows signs of age and wear.

Таблица 24.

⁴
Indi nomine: coxticus abba monasterii figalli Conuenit nos in
nostrorum. Ut illas res quas nobis adalhartus & altarcus filius eius
marca in uilla puillacha omne quicquid ibidem habuerunt. Ex
hoc est ludo xxx. Cum edificatis quod extra dimisit. Cetera omnia p

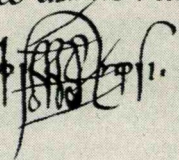
fig uoluote mo. signum managott, mo. signa alioru testum.
figila. thiata. thecker. anno. ermbt. muotot. hartger. adalbt
nomine huozo prete regnante domno hludouico anno. xv. sep |
sub comite kerotto scripsi & sub scripsi. FELICIT

Таблица 25.

Ex Museo Petri Dubrovsky

PRINCIPVM REGVM

FRANCORVM: EORVMQUE
originem uel gentium illa-
rum ac gesta proferamus;
Est autem in Asia oppidum
Troianorum. ubi est ciuitas
que Ilium dicitur. ubi regna-
uit Aeneas. Hinc illi foras
et ualida: uiri bellatores
atq; rebellis animi: in quibus
certamina obuiantes. p-

quum finitima debellantes. Surrexerunt
autem reges grecorum aduersus Aeneam. cum
multo exercitu. pugnaueruntq; contra eum
cede magna. Et omittitq; illic multus populus
Troianorum. Fugit itaq; Aeneas rex. et reclusit
se in ciuitatem Ilium. pugnaueruntq; ad-
uersus hanc ciuitatem. annis decem. Ipsa enim
ciuitas subacta. fugit Aeneas Tyrranum in
Italiam locare gentes. ad pugnan- dum. Ali-
quosq; ex principibus Priamus uidelicet et
Antenor. cum reliquo exercitu Troianorum.
duodecim milia intrantes in naues. abhis
serunt et uenerunt usq; ad ripas Tanais
fluminis. Ingressi meotidas paludes. nauigantes pueno-

Таблица 27.

sempiterni supplicia horrons euada
orvs. **Explicit** liber nonus;
Incipit decimus;

VOTENS

in harenę spec
taculum fortis
athleta descen
derit: hi qui

imparis uirtutis existunt. uicif
sim se et^o expugnationi subiciunt.
et uno uicto. contra hunc p^ony
atē erigitur. atq; hoc subacto. ali^o
subrogatur. ut luctantis uires qn

Таблица 28.

In petra exaltauit me: et nunc exaltauit ca-
put meum super inimicos meos.
Conuiu et immolauit in tabernaculo eius:
hostiam uociferationis cantabo et psalmum
dicam domino.
Graudi domine uocem meam qua clama-
ui ad te: miserere mei et exaudi me.
Qui dixit cor meum exquisiuit te facies me-
a: faciem tuam domine requiram.
Ne auertas faciem tuam a me: ne dedines
in uia a seruo tuo.
Tutor meus esto ne derelinquas me: ne-
que despicias me deus salutaris meus.
Quoniam pater meus et mater mea dereliqui-
tunt me dominus autem assumpsit me.
Legem pone michi domine in uia tua: et diri-
ge me in semita recta pro inimicos meos.
Detraideris me in anima strabulantium
me quoniam insurrexerunt in me testes

<p>Pis pouvoit oir veiraire ou orange mlt gnt r fier Al les tancez fist depecies Les tres de paille r de samir a pis reconte li escriz c d fu de la gnt assamblee Al p gnt ue fu iost S i uol duai cor par deuse c d fu mozt li uol de larde r d fu mozt li uol de larde r unf des pis hant de loz gnt r d fu mozt elspicophus r sel freces rois scedus r des autrel rois pff dedis Al mlt estoiet de gnt ps Aps pouvoit oir veiraire co il auit dou saietaire</p>	<p>r ulpres que mlt ama c d delon les pff a coduit r d drou eue de muenit c d la tue dura en mois a augre . hede . r se loz por c d li coul furet aut alle r co a furet . fait Li ves Com resu pl li plemat de car defout acor dedat comt choal fu ias aore p ou anchenoz le mel de tie c omt calca li deunieres c ome tres langes augures r cest la fille r demanda Al auoit no brisey da Al troylat auoit ames r co pante lauoit quicee</p>
--	--

Таблица 32.

<p>tu ne nue que elle auoit . v . fil r li ot elle iehan bapiste de qui li couct di ra cha auant . Quant homme dient que sainte marie mere iehu crist mouit corporelment au monde . r ce dient il pour chou que symeon dist ah licoutiaul passera tance . Quant on doute de quel couctiel il dist . v . de couctel de hier . v . de la parole dieu li tence plus que nul couctiel . Quant a la uermet dux escripture tiecnoignit ta mozt . v . par couctiel . v . en autre maniere . ia soit chou chose que on trouue le sepulcre . De saint iehan bapiste</p>	<p>que ceoier . r presenta leaef ala mere puis fu en seuerel en sebania cou est vne uile de palestine quadi si apre lec samarie . herocet li fuil autipater la pieleit auguste eugrigois . pour le reuertit de cesar auguste l'apoz de romme . De saint iakeme apostel Maltes alphe fu siels de la secont manie re pour la mercedu r pour cou est il a pieleit li freces da mledien . r set nos vait autam ad te coume iustes r enst ot il en sournon . auant fois il fu curesques de iherusalem r si des</p>
--	--

Таблица 33.

exquirite. Nec tamē sibi a
liq̄s credat: q̄d̄q̄d sibi animi
sine opis attestatice respō
derit. De dilectice conditor:
lingua mēs et vita req̄rat.
Nunq̄ est amor dei cōsū.
Opatur etenū magna si ē:
si vero opari renuit amor
In non est. Sim iohēm.
In illo t̄p̄e: In nouissi
mo die magnō festicitatis:
stabat ihs et clamabat di
cēs. Si quis sitit: veniat
ad me et bibat. Qui credit
in me sicut dicit sc̄ptura:
flumina de ventre eius flu
ent aque viue. Hec autem
dixit de spū: quē acceptūri
erant: credentes in eum.

Таблица 34.

in fluis gurgite demonē iūctū. Ibi cū iaceret
ut mori p̄xtus. ul' simillim⁹ mortuo. ad uesp̄
tius illuc rymos enoraciones cū anallis suis et
quibuldā scāmōnalibz ex more dñā possessionis ī
trauit: atq; rymos cātare cepērāt. Qua uoce
ille q̄ p̄cillus et excullus est: et cū terribili
frenitu altare apphenlū mouere nō audens sine
nō ualens tanḡ eo fuit alligatus a' at̄xus te
nebat: et cū grandi emulatu p̄a sibi rogās con
fitebatur ubi adoleſcente et q̄ et quō inuaserit:
postremo se extig; ex deuicians. mēbra eius sin
gula uoiabat: que se a' impicatur: exiens mīnaba
tur. atq; inter hec uerba discessit ab hoīe. Sed oai
lus eius in maxillam filius tenui uemula ab in
teriore q̄ radice pendebat: totiq; eius mediū
q̄ nigellū fuit albificat. Quo uisū qui ad
uentu concurrerat: autē eā alij uocabz eius accia.
et se om̄s in ordnē p̄ illo strauerāt: quāuis eum
sana mente stare gauderet. rursus tū p̄ eius oai
lū contritū. mediū eē q̄rendū dicebat. Ibi ma
ritus sororis eius qui eū illo deciderat: potens ē
inquit deus scōz orōibz qui fugant demonē lumē
reddē. Tūc sicut potuit oculū lapsū atq; pendente
loco suo reuocatū ligauit orario: nec nisi post
septē dies putauit eē soluedū. Qd cū fecisset
sanillimū iuuit. Sanata s' illuc et alij duo: de
quibz dicere longū est. Ipponeusem quandā ur
gnē suo. cū se oleo p̄uissit. cui p̄ illa orans
p̄bri instillauit lacrimas suas: uox a demōio
fuisse sanata. Hec etiā ep̄m semel p̄ adoleſcente
quē nō uidit orasse: illumq; illico demone caruisse.
Erāt quidā leuer florentinus ipponensis n̄r hō
religiosus et paup; factōris se arte p̄ſtebat.

35

De la venue le Roy de Irlande & Passere. & de la
Fonte issi donc qe le Roy (mort d'irlandes)
 d'irlandes/ geust malade a Winchester & ne ce p
 ated/ si enua en son lu (Croy con fice od snt fira
 & snt poey/ p edey & suaney Balles. & se mist laun
 don can con il port (le Roi de Irlande & Passere
 suant bien si deyo qe d'irlandes estoit malades. et
 vint a eus (on s'asacn qe auot a nouu Coppia a Dist.
 Cuyes fet il domoey a tuc en pees. od cote ost a ieo
 pmet/ qe par ma contaso tucyri le Roi de Irlande qe
 est malade. Et si vo/ le facy dist Passere. ieo
 donai qehe suesdon (Ceste crache Coppia se mist en
 habie de religion. & se fist qehe vne layce toione & vnt
 a la cour le Roi a Dist. qe il estoit bon phisicn. & qe
 il guoy le Roi de sa maladie cur plinemet.

Таблица 37.

oder uincvrouwen. wer iunc oder alt. w
 mach oder vromede. wer vader od mod.
 vñ salt nomen binānen allit dat du
 gedan heuest. is auer de sake dat du de
 nit laten macht so machin den wol no
 men. dar du mede siudiget heuest. is
 auer de sake also dat du dat late macht
 so ne salt du des nit nomē. mit le
 ue wan du dese stucke alle uoe bedacht
 heuest. so saltu to dem prister gan. mit
 groten riue vñ mit groter leide. mit
 groter leue to gode. mit ganzem hopen
 mit vollerkomener otmodicheit. mit
 ganzem willen de soude nūmer mer to
 donde. vñ salt vallen vp dine kne vor
 ten mester. vñ salt dine bicht don vye

die erste houet soude dat u
Dar van saltu allus bich
 du iht vngelorsam welen v
 herēgode. vnd den prelatē von
 gen. de di getreden moechten. al
 wese cardinale bischope prouci
 de van godes wegen de macht
 se binden vnd cutbinden mo
 du ir tot iht uorsinait vnd u
 hat. dat is vngelorsam vñ
 kint leue heuestu die iht ket
 wen dinen enenen hersten. v
 du enen andern iht suoder get
 di seluen. vñ heuestu de arm
 sinait. oder heuestu die erer g
 oder heuestu erer iht uorsake

Таблица 38.

ad illudendum ⁊ flagellandum.
et crucifigendum. Et tertia die re
surgens, off. **P**rotege d' plebem
tuam per signum scē crucis ab oīb' infi
dis inimicorū oīū. ut tibi grata ⁊ eri
beam' futurū ⁊ acceptabile tibi fiat
sacrificium nīm. Alla. scē.

Hec oblatio q's d' ab oīb' nos
purget offensas, que in ara cru
cis imolata etiam totius mūdi

Таблица 39.

volée que tu disoies que tu fero
 ves mains choses et que tu prom
 ettoies que l'ame deor tu sauuie
 roies. Cellui con fue a sancer ne
 sauoit que responde pue se succilla
 et a soy retonna et de ses necessite
 ces se repmit et arriva en yemie
 tant que sa vie en telle maniere
 amendeoit que jamais accuere
 ment ne tendoit poy estre uigne
 Et quant il fu gueri de la dite
 maladie il accompia sa promesse
 en diuane sancement en la
 religion. Et disoit auameffoz
 se il est ainsi que le reproche de
 ma mere qui me blasmoit et
 non me trop asprement/ie ne
 pue auoir soustenu comment
 pouroye ie soustenu le reproche
 de seffouentable qui me seroit
 fut du tresapre et auel uige
 deuant tout la court de paradis
 et deuant tous bons et maunax
 amon dampnement et ama
 tresnant confusion et defflorie
 la iii conclusion ~ ~ ~

Puis que nous auons
 deu et dit aucune
 chose en deux conclu
 sions/ dont la premiere est que
 noble Dame en considant la

Handwritten text in a cursive script, likely a historical document or manuscript. The text is densely packed and covers most of the page. It appears to be a list or a series of entries, possibly related to a table or a set of data. The script is highly stylized and difficult to decipher without specialized knowledge of the language or dialect used. The text is written in dark ink on a light-colored paper. The overall appearance is that of an old, handwritten document.

Таблица 45.

vi dnm d' co iohis. a volfradi f. n. 2 f. s.
 haroli cau 2 fac' hui' loco
 Comenon' Etia' f. u. i. c. auar' de d' p' h' . . .
 p' f. u. i. c. auar' de d' p' h' . . .
 de iob' m' f. s. d' p' l' s.
 L
 LXXV co Gerard' formen' coronis hessone f. n. 1
 Co Gerard' h. u. p. o. u. l. de d' p' h' . . .
 p' p' f. u. i. c. auar' de d' p' h' . . .
 f. u. o. l. t. r. u. b. o. y.
 L Co Hugo Gulbradi f. u. i. n. i. s.

Таблица 50.

Al' ind' celsar' d' m' s. c. m. m. i. n. i. t. a. s.
 d' d' n' o. m. e. s. s. e. n. d. o. p. r. e. b. e. n. d. a. r. i. s. e. c. c. l. i. e. s. t. e. m. a. r. i. e. m. a. d. e. o. r. i. s. . . .
 l. i. a. s. i. m. p. e. r. a. t. i. a. n. i. c. t. e. n. o. r. i. s.
 J. o. h. a. n. n. e. c. u. s. t. o. d. e. e. c. c. l. i. e. s. t. i. g. e. r.
 p. h. i. s. a. l. i. s. c. i. u. i. l. i. t. a. n. a. b. r. e. s. t. i. b. u. s. a. d. p. r. i. m. i. s. s. a. b. o. c. a. r. i. s. e. t. r. o. c.
 Et ego Gerardus Lubbe' de Hardewijch clericus, a. n. i. c. t. e.
 n. o. r. i. s. q. u. o. i. n. d. u. l. h. e. l. m. o. d. e. b. a. n. a. e. l. i. c. o. m. e. o. d. n. o. r. i. s. p. d. o. f. a.
 h. u. i. u. s. i. n. s. i. p. i. e. n. t. i. a. i. n. i. p. s. o. a. u. e. n. a. l. i. p. r. o. d. a. r. e. i. n. b. e. n. i.
 i. d. e. o. p. h. i. s.
 d. f. e. a. q. u. o. m. a. n. u. i. p. s. a. s. e. p. t. i. e. i. n. h. a. n. c. p. u. b. l. i. c. a. m. f. o. r. m. a. i. e. d. e.
 r. o. g. a. t. u. s. e. t. r. e. q. u. i. s. i. t. u. s.

 Et ego Walchus quidam archid' de lu.
 p. o. r. t. u. d. i. n. i. c. t. e. n. o. c. a. r. i. u. s. q. u. o. i. n. d. u. l. h. e. l. m. o. d. e. b. a. n. a. e. l. i. c. o. m. e. o. d. n. o. r. i. s. p. d. o. f. a.
 p. r. o. f. e. s. s. o. f. a. c. t. u. c. o. l. l. a. t. i. o. d. e. n. o. b. i. s. i. n. s. i. p. i. e. n. t. i. a. i. n. i. p. s. o. a. u. e. n. a. l. i. p. r. o. d. a. r. e. i. n. b. e. n. i.
 e. t. i. n. i. p. s. o. a. u. e. n. a. l. i. p. r. o. d. a. r. e. i. n. b. e. n. i.
 p. d. e. n. i. g. e. r. a. d. u. s. c. o. s. e. c. t. u. s. e. t. q. u. o. i. n. d. u. l. h. e. l. m. o. d. e. b. a. n. a. e. l. i. c. o. m. e. o. d. n. o. r. i. s. p. d. o. f. a.
 m. e. p. u. b. l. i. c. a. m. f. o. r. m. a. i. e. d. e. r. o. g. a. t. u. s.

Таблица 51.

TITI LIVII. PAT
AVII. ABVRBE. CO
NDITA. LIBER. PR
IHVVS. INCIPIT

ACTV
RVSN
ESIHT
OPERE

Præterea si a primordio nobis res pp
p scripturam nec satis scio me si tam
cheere audim quippe legum ueterum tum
uulgatam esse rem uideam dum noui
semper scriptores aut in rebus certis allatu
ros se aut scribendi arte rudem ueteri
statem futuris credunt. Ut cum quærit
uuiabit tam uerum gl'arum memore
principis sciam ppli pro uiri parte et
me ipsum consuluisse. Et si memora san
porum turba mea fama i obscure sit no
bitate etiam magnitudine eorum qui no
fficiant meo console. Res est prote
rea et immensi operis ut que supra septi
ngentesimum annu repetit et que ab
organis profecta meam co acciunt ut
iam magnitudine laboret sua et legen

Таблица 52.

superbe imperaret: trucidatus est una cum filio et coniuge
A ORIPPINA uero filium habens ex domitio enobarbo nup
sit claudio: et simul filium in adoptionem dedit. qui po
stea claudius nero appellatus est. hic temporibus no
stris imperans: matrem necauit. nec multum absiuit: quo
flagitius & amentia romanorum subuertit imperium. quar
tus ab antonio per gradus successor.

FINIS.

PIYRRI REGIS EPIROTARVM VITAM LEONAR
DVS ARRETINVS CONVERTIT.

Таблица 53.

24
 Il^{mo} et Exmo S^{mo} Mio. El M^{co} Ambasciatore Terrene mi ha duto la ex^{na} v^{ra} essere restata
 contenta chel si faccia h^{re} de gratia ad vno m^{re} Bartholomeo di vechen genoise
 scolare quale foe de quelli tredici scolari quali foreno banditi et quali erano
 quelli per quello referirno uons. da la uada et m^{re} Branda da castione mandan
 da la ex^{na} v^{ra} a pavia per reformare el studio che metteuano in confusione esso
 studio. et perche alhora la ex^{na} v^{ra} ordinoe de non fare gratia ad alcuno depsi se lam
 perche pareua che raduno de loro quale fosse admeso in quello studio fosse sufficienter
 a disorderarlo et tirarlo a confusione. per questo mie parso prima che so sy venuto
 ad effetto alcuno de queste h^{re} fare intendere alla ex^{na} v^{ra} quanto ho duto de sopra
 quale potera mo per sue h^{re} significar me quello vole che circa questo faccia: alla q^{ta}
 ex^{na} rorde me r^{co} mandolo. M^{ta} die 16 Junij 1593

Таблица 54.

Au Roy, & a la Roynie.

Supplie tres humblement le President de Turpurat, Que vos bons plaisirs soient d'entendre deux de ses
 plus grandes et importantes necessitez, qui sont telles qu'il ne les peut plus longuement soustenir ny celez
 a vos Maiestez. Esperant que sur icelles il obtiendra de vos graces et faueurs accoustumees. Lesquelles
 si vos Maiestez ont opinion que ledit President n'ait encores merite par ses seruites ou bien qu'elles
 presentement s'incommodent trop a y entendre, il ne supplie (en ce cas) que d'auoir un bon conge Et
 permission de se retirer en sa maison, de laquelle il est absent depuis deux ans Et sept moys a
 grands fraiz et sans vous auoir fait de sy bon seruites qu'il a desire et fait auparavant, Et
 ce pour le temps et aux fins qui seront cy apres declarez.

Таблица 55.

Illustr^{re} sig. *Facilmente credo che per fama publi-
ca, e particolarmente per relatione del Capitan
Nicolo Rossi sig.^{no} Cesareo residente corti, Lancia V.S.
prima notizia dell' hostilita, che contra questa Casa exer-
cita contra Republica, e de' successi che da entrambe
le parti sono accaduti. Nondimeno darò is ragguagli a
V.S. de' due ultimi, acciò sia di tutto ben' informata.*

Таблица 56.

Moy frere Jay receu les deux lettres que vous m'escriptes du 26me de ce moys, & par la
promesse desquelles Jay entendu comme le s^r de Sidnay apres plus^r Jonnesca temonstray
et desiray que sous luy aux finces seyt finalement accomode de naller point faire soy
cun argument et passage au hazard de grace Au lieu duquel Jousse este bien ayse comme aussi
Je m'assure que vous deussiez bien desirer de voir par quel cost Jouisse baillongne et moy par
Calais Mais pource que de luy proposer luy plus tost que l'autre ce cust este monstrer
quelque desffiance de luy et de sa compagnie Je s^ray bien aduis que luy luy bausse aller
faire sans passage a Calais ou Jemoyz sans contraindre en toute diligence sera le s^r de goudray
pour luy advenir et luy mander quel doit estre ordie a sa reception et l'accomode si luy et si
promptement de tout ce qui luy sera necessaire pour soy enbarquement / g'ul nayz point
cun de sejourner dedans sa place ny de luy et de moys ny traiter avec ou apres

Таблица 57.

